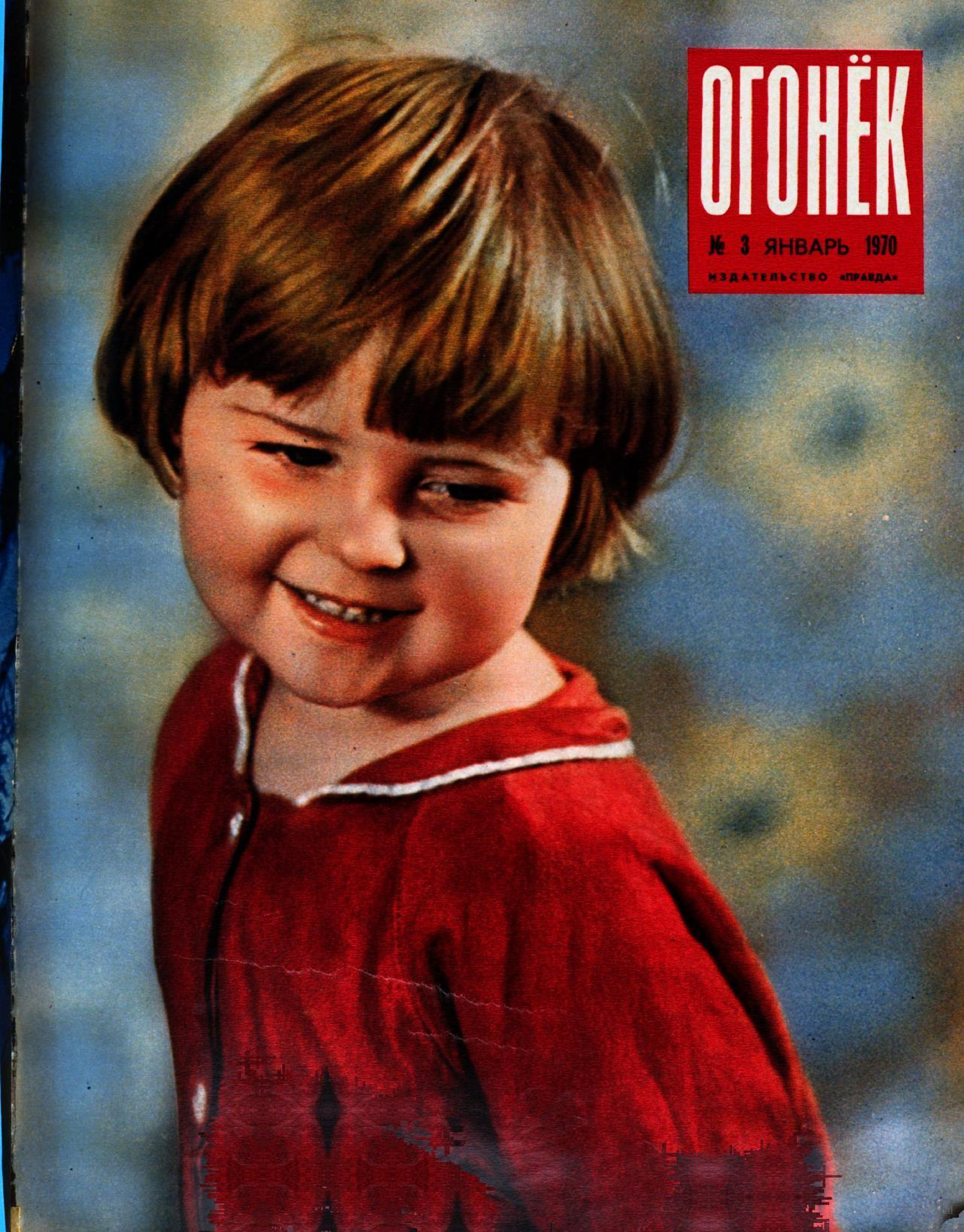

ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кровельщица Валя Беляева.

Идут трубы...

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (2220)

17 ЯНВАРЯ 1970

НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ НА КАРТЕ ИНДУСТРИИ

Новые звезды на карте советской индустрии!

Под этой рубрикой «Огонек» начинает рассказ об индустриальных гигантах, вступивших и вступающих в строй в пору пятилетки.

В нынешнем году предстоит ввести в действие около 800 крупных промышленных комплексов. На Западно-Сибирском заводе впервые в стране будет построена доменная печь объемом 3 тысячи кубометров, предстоит пуск прокатного стана в Кривом Роге, трубопрокатного цеха на Днепропетровском заводе имени К. Либкнехта, мощностей по производству алюминия и глинозема в Братске, Красноярске и Ачинске. Начнут работать крупные установки по переработке нефти на Херсонском, Пермском, Ново-Уфимском и Полоцком нефтеперерабатывающих заводах...

А за первые четыре года пятилетки уже вошло в строй около 1 500 крупных промышленных предприятий. Об одном из них — Волжском трубном заводе — рассказывают сегодня специальные корреспонденты «Огонька» в репортаже «Рождение».

Ветеран «Волгоградгидростроя» сварщик Иван Михайлович Шиповской.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

РОЖДЕНИЕ

Была здесь степь. Плоская и ровная, как стол. Потом забили колышки, и обнесенный ими участок стал именоваться строительной площадкой. Но реально существовала пока лишь одна степь. Все остальное лежало в области идей и необходимости. Нужны были трубы — разные, но главным образом предельно больших диаметров. В Сибири, на Ямале, на юге открыты огромные запасы самого дешевого топлива — газа. Но его еще надо взять, доставить потребителям — промышленным центрам, городам, районам. Для этого требуются тысячи километров магистральных трубопроводов.

(Продолжение см. на стр. 12.)

ПАМЯТИ ЗВЕЗДОПРОХОДЦА

10 января 1970 года после тяжелой болезни скончался прославленный летчик-космонавт СССР, один из первых покорителей космоса, Герой Советского Союза полковник Павел Иванович Беляев.

...В 1960 году в отряд космонавтов пришел опытный летчик майор Павел Иванович Беляев. Он окончил летное училище в день великого праздника советского народа — в День победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года. Летал на поршневых, потом на реактивных самолетах. Пробыл в воздухе более тысячи часов, окончил Военно-Воздушную академию.

В отряде космонавтов высоко оценили его знания, отвагу, неколебимое спокойствие и скромность. Павла Ивановича назначили командиром «Восхода-2», которому предстояло открыть новую страницу в истории освоения человеком космического пространства.

С борта «Восхода-2» А. А. Леонов впервые вышел в открытый космос. П. И. Беляев в космическом скафандре, готовый в случае необходимости немедленно оказать помощь товарищу, следил за каждым его движением. Когда Леонов благополучно возвратился в кабину, космонавтов ожидало еще одно очень серьезное испытание. И вся его тяжесть легла на Павла Ивановича Беляева.

При спуске не сработала автоматика. Юрий Гагарин передал космонавтам решение С. П. Королева: «Произвести посадку с помощью ручного управления». В руках Беляева оказалась не только судьба небывалого, исторического эксперимента, но и жизнь товарища. На его долю выпало первым из советских космонавтов выполнить такую посадку, первым в скупо отмеренные секунды самому вернуть корабль из звездной бездны на родную планету.

И Павел Иванович блистательно выдержал трудный экзамен, приумножил космическую славу своей Родины. После полета «Восхода-2» Беляев продолжал совершенствовать свои знания, принимал непосредственное участие в подготовке космонавтов к полету в космос.

Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Павел Иванович Беляев многое сделал для покорения человеком космоса. Он жил для своего народа, и народ его никогда не забудет.

СМОТР ДОСТИЖЕНИЙ

Пресс-конференция. Ф. Д. Овчаренко отвечает на вопросы журналистов.

Фото Д. Ухтомского.

Каждый пятый ученый в Советском Союзе живет и работает на Украине. Вдумаемся в этот факт. В нем отразились глубочайшие изменения, которые произошли за годы Советской власти во всей нашей стране. На Украине, где до революции не было ни одного научно-исследовательского учреждения, теперь их около тысячи. 114 тысяч научных работников, 117 академиков республиканской Академии наук и 166 членов-корреспондентов, около 80 лауреатов Ленинской премии — какой мощный заряд умственной энергии, творческих сил! Украинская наука сегодня — это исследования ученых во всех областях знания, это вершинные завоевания на генеральных направлениях научного поиска — в физике, кибернетике, материаловедении, сварке, самолетостроении и многих других.

В Москве с 12 по 17 января проходили ленинские дни науки Украинской ССР. В столицу приехала представительная делегация, возглавляемая секретарем ЦК КП Украины, академиком АН УССР, лауреатом Государственной премии Украинской ССР Ф. Д. Овчаренко. Это был большой творческий отчет ученых Украины, завершающий собой предъюбилейный всесоюзный смотр науки.

Виднейшие украинские ученые, и среди них Герои Социалистического Труда президент АН УССР академик Б. Е. Патон, академик В. М. Глушков, генеральный авиаконструктор академик АН УССР О. К. Антонов, академик АН УССР З. И. Некрасов, побывали на предприятиях, в научных и учебных заведениях Москвы, встретились с трудящимися столицы и Подмосковья. Они рассказали о борьбе ученых Украины за убыстрение научно-технического прогресса в нашей стране, за интенсивное превращение отечественной науки в непосредственную производительную силу социалистического общества.

В Центральном выставочном зале открылась выставка произведений московских художников, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Перед зрителями отчитываются около трех тысяч мастеров всех жанров изобразительного искусства.

На снимке: председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов открывает выставку.

Фото А. Бочинина.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

ФАКТ И КОММЕНТАРИИ К НЕМУ

БРАТСКАЯ ВЗАИМОВЫРУЧКА

Суровая и снежная зима в Чехословакии создала трудности для бесперебойного снабжения чехословацких электростанций необходимым топливом. На помощь пришли братские социалистические страны. По высоковольтным линиям объединенной энергетической системы «Мир» электростанции СССР и ГДР дали ток чехословацким заводам и фабрикам (ТАСС).

Мы попросили прокомментировать это сообщение начальника «Главюжэнерго» Бориса Васильевича Автономова. Вот что он рассказал.

— В конце ноября прошлого года я находился в Праге. Уже тогда прошли обильные снегопады, и по городу было трудно проехать. Но еще острее зима сказалась на погрузочных и транспортных работах шахт и железных дорог, из-за чего электростанции начали ощущать топливный голод. В середине декабря начались сильные морозы, что еще более осложнило обстановку. 22—23 декабря многие электростанции заметно снизили нагрузку. И тут на помощь пришла энергетика Советского Союза и ГДР. Мукачевская подстанция, через которую мы подключены к объединенной электросистеме «Мир», днем и ночью бесперебойно подавала необходимое количество энергии в Чехословакию. В отличие от обычной работы в эти дни мы резко увеличили поставки электроэнергии и выручили наших друзей в трудную минуту.

Это еще раз подтвердило, какую силу имеет братская взаимопомощь социалистических стран, одним из видов которой является система «Мир». Она соединяет электростанции Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии. Непосредственное оперативное руководство работой всей системы осуществляется из Центрального диспетчерского управления (ЦДУ), которое находится в Праге. Каждая из стран-участниц имеет там три своих представителя. Нынешний случай только еще раз показывает, насколько необходима такая объединенная энергосистема. Советую связаться с управлением «Львовэнерго», которое было непосредственным участником событий этих дней...

Мы позвонили во Львов. К телефону подошел начальник управления В. Г. Цимбал.

— Внешне у нас в эти дни все было как обычно,— сказал он,— только по линиям электропередач прошло большее количество энергии. Получив команду из ЦДУ, с которым у нас прямая связь, мы только за четыре дня, с 31 декабря по 3 января, дали в Чехословакию дополнительно к запланированным около тридцати миллионов киловатт-часов электроэнергии. Для этого нам пришлось значительно поднять нагрузку Бурштынской ГРЭС. Мы смогли обеспечить такое резкое увеличение поставок благодаря тому, что в минувшем году ввели в строй три новых энергоблока. Два из них — в декабре.

На снимке: Прага, контрольный пульт Центрального диспетчерского управления энергосистемы «Мир».

Недавно в городе Жданове состоялась встреча сотрудников «Огонька» с читателями — рабочими Ждановского завода тяжелого машиностроения.

Заместитель главного редактора журнала «Огонек» Б. Иванов, редактор отдела очерка и публицистики В. Павлов, заместитель редактора отдела репортажа и новостей О. Куприн, фотокорреспондент Л. Шерстенников рассказали о ближайших планах журнала, о том, как «Огонек» освещает жизнь страны в канун 100-летнего юбилея В. И. Ленина.

На вечере, состоявшемся в заводском Дворце культуры «Искра», с яркой программой выступили лауреат Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства народный вокально-инструментальный ансамбль «Молодые голоса» под руководством Г. Сесиашвили и театр эстрадных миниатюр Дворца культуры под руководством заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР Г. Ковальской.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

АЗИАТСКИЙ ТУПИК НИКСОНА

Николай ПАСТУХОВ

Вице-президенту Соединенных Штатов Агню не довелось встретить Новый год и провести рождество в семейном кругу. Такова была воля хозяина Белого дома, отправившего своего заместителя в трехнедельное турне по странам Азии и бассейна Тихого океана. Чем же был вызван этот вояж, протяженностью в шестьдесят тысяч километров?

Прежде чем ответить на такой вопрос, мне хотелось бы привести одно высказывание Ричарда Никсона, сделанное им еще до президентских выборов: «В течение последней трети XX века Азия... будет представлять величайшую опасность конфронтации...» И, видимо, не случайно сразу же после «смены караула» в Белом доме на свет появилась азиатская «доктрина Никсона». Суть этой доктрины попытался сформулировать французский журналист Филипп Девилле в «Монд дипломатик». Он писал: США не хотят больше непосредственно участвовать в войне, имея в виду в первую очередь участие своих вооруженных сил; они желают передать инициативу своим азиатским союзникам, которым будут оказывать всякую экономическую, финансовую и военную помощь. По еще более точному определению посла США в Сайгоне Банкера, возникла необходимость просто «изменить цвет трупов».

«Доктрина Никсона» совсем не нова. Организатор вооруженной интервенции США против вьетнамского народа покойный Джон Фостер Даллес тоже мечтал о войне «одних азиатов против других», ему только не приходил на ум термин «вьетнамизация» войны, так как он прекрасно понимал, что сайгонский режим не в состоянии одолеть хорошо организованное, массовое национально-освободительное движение вьетнамского народа. Вот почему трюк Никсона так легко был разгадан и в США, и в Азии, и во всем мире.

Доктрина, не успев, собственно, родиться, уже дала первые трещины. В США началось общенациональное движение вьетнамских мораториев, а среди азиатских союзников США усилилось брожение. Но не только эти обстоятельства вызвали серьезное беспокойство президента Соединенных Штатов.

Дело в том, что идея создания системы коллективной безопасности, которая была выдвинута в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, вызвала большой интерес в странах Азии. «Блокировать идею коллективной безопасности,— резюмирует делийская влиятельная газета «Пэтриот»,— пытаются лишь Австралия и Новая Зеландия, не входящие в число азиатских стран, а также Япония, притязания которой в этом районе мира хорошо известны».

Вот почему Никсону пришлось отправить Агню в путешествие на Филиппины и в Южный Вьетнам, на Тайвань и в Таиланд, Непал и Афганистан, Малайзию и Сингапур, Индонезию и Австралию, а также в Новую Зеландию. Это отчаянная попытка помешать тем здоровым процессам, которые пробивают себе дорогу в жизнь на азиатском континенте.

Сейчас уже совершенно очевидно, что вояж Агню полностью провалился. Президент Филиппин Маркос, судя по всему, не желает сдаваться в борьбе за более самостоятельный курс. Оппозиция Соединенным Штатам растет в Таиланде. Большинство других азиатских стран тверды в своей решимости проводить независимую внешнюю политику, основанную на принципах мирного сосуществования. Стоило Агню только покинуть Южный Вьетнам, как сайгонский президент Тхиеу выболтал то, что так тщательно скрывает сейчас Вашингтон от американского и мирового общественного мнения. Тхиеу сказал, что «пройдут еще многие годы», прежде чем американские войска будут выведены из Южного Вьетнама. Более того, он потребовал от США новой военной и экономической помощи. И, наконец, на всем протяжении путешествия Агню во всех странах, которые он посетил, вице-президента встречали массовые антиамериканские демонстрации.

Таким образом, новый президент США оказался не в состоянии выбраться из джонсоновских тупиков в Азии. «Хотя Никсон,— замечает французская газета «Курье де политик этранжер»,— был избран, чтобы в корне изменить агрессивную политику своего предшественника, он с тем же упорством возобновляет сегодня аналогичную линию».

Следует отметить, что в Белом доме, видимо, понимают одну непреложную истину: во Вьетнаме терпит поражение не только вооруженная мощь США, но и вся концепция азиатской политики Вашингтона. Поэтому «доктрина Никсона» и та шумиха, которая поднята вокруг нее, представляют собою пропагандистский камуфляж, рассчитанный на определенный выигрыш времени. Сама же азиатская политика США остается прежней. Она исходит из необходимости «конфронтации», или, попросту говоря, борьбы против национально-освободительных движений в Азии.

Время же для США необходимо, чтобы организационно оформить военно-политический треугольник Япония — Австралия — Новая Зеландия, с помощью которого Вашингтон мог бы вмешиваться во внутренние дела стран азиатского континента. Но эти надежды бесперспективны, по крайней мере на ближайшее обозримое будущее.

Народы Азии полны решимости создать свою региональную систему коллективной безопасности и, опираясь на поддержку мировой системы социализма, отражать все атаки империализма и неоколониализма.

17 января 1945 года войска Советской Армии и взаимодействовавшая с ними 1-я армия Войска Польского освободили столицу Польши Варшаву. Первым мэром города, часть которого была освобождена советскими и польскими войсками в сентябре 1944 года, стал Мариан Спыхальский — один из основателей Польской рабочей партии, организатор подпольного движения Сопротивления, в конце войны заместитель главнокомандующего Войска Польского. В настоящее время член Политбюро ЦК ПОРП товарищ Мариан Спыхальский занимает высокий пост Председателя Государственного Совета Польской Народной Республики.

К 25-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВАРШАВЫ

Глава Польского государства Маршал Польши Мариан Спыхальский по случаю 25-летия освобождения Варшавы дал интервью для читателей нашего журнала. Беседу с товарищем Спыхальским по поручению «Огонька» провел главный редактор польского агентства Интерпресс Ежи Солецкий.

1944 год. Решается вопрос о направлении делегации Крайовой Рады Народовой в Советский Союз. В центре сидит Владислав Гомулка («Веслав»), Генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии. Стоит Мариан Спыхальский («Марек») — руководитель делегации.

Фото Интерпресс и из личного архива товарища Мариана Спыхальского.

НЕ ЗГИНЕЛА!

— Товарищ Председатель, 25 лет назад, 17 января, вы вместе с группой работников городского магистрата переправились по льду на левый, освобожденный в этот день берег Вислы. Какие мысли вызывают у вас сейчас воспоминания о том дне?

— Не исчезла и никогда не сотрется в памяти картина лежащего в руинах миллионного города. Вспомним только две цифры: 80 процентов зданий разрушено, левобережная часть почти полностью уничтожена. Свыше 800 тысяч людей погибло от рук гитлеровских оккупантов. Но вместе с чувством скорби в нас жило сознание того, что в эти дни начался последний этап разгрома гитлеризма, более пяти лет закабалявшего Европу.

Освобождение Варшавы, а вскоре и всей Польши до Одры и Нисы для нас, поляков, было актом исторической справедливости. Ведь именно с нападения гитлеровских орд на Польшу в 1939 году началась вторая мировая война. Начатое 12 января 1945 года грандиозное наступление Советской Армии, справедливо называемой освободительницей народов, явилось прологом окончательной победы — взятия Берлина и безоговорочной капитуляции гитлеровской империи.

Освобождение Варшавы, которая так же, как и советские города-герои Ленинград или Москва, стала символом мужества и самопожертвования в борьбе за свободу и справедливость, вселяло глубокий оптимизм: во имя гуманизма люди победили гитлеровское чудовище, несмотря на то, что в руках захватчиков была высокая по тем временам техника.

Минуло четверть века. Время, история — это лучшие экзаменаторы идей, политики данной партии, ее принципов и морали. Этот экзаменатор полностью подтвердил на примере борьбы и победы польского рабочего класса, трудящихся масс, всего польского народа правильность марксистско-ленинской науки, правильность политики, проводимой Польской рабочей партией. Принесли свои плоды борьба и труд польских коммунистов и тех прогрессивных, патриотических общественных сил, которые, объединяя свои усилия во имя вооруженной борьбы за разгром гитлеризма и провозглашая необходимость союза в этой борьбе с первым в мире социалистическим государством — Советским Союзом, создали одновременно программу строительства новой Польши, основанной на принципах общественной справедливости, неразрывно породненной со Страной Советов. Кровь, совместно пролитая в борьбе с общим врагом, делает это братство нерушимым.

Таков был самый глубокий смысл нашей борьбы. Таков смысл нашего труда теперь. Было нелегко, но наша позиция, наша идея, сплочение вокруг нее трудящихся, всего народа принесли ей победу. В период оккупации партия и сотрудничавшие с ней демократические силы воплотили в жизнь народную власть. Это означало, что польская буржуазия, помещики утратили политическую монополию на власть.

— Какую роль в этих исторических переменах сыграла Варшава — город, которому в планах гитлеровцев суждено было стать только «географическим пунктом» на карте?

— Столица была тем центром, тем фокусом, где наиболее отчетливо соединялись течения народно-освободительной борьбы. Она была воплощением самопожертвования, патриотизма и общечеловеческих идеалов. Варшава в оккупированной Польше не перестала быть столицей народа, несмотря на то, что гитлеровская оккупационная администрация отводила ей роль лишь центра губернаторства. Ее непоколебимый авторитет рождался из примера, который она подавала всему народу своей несгибаемостью и мужеством. Здесь находился центр руководства как вооруженной борьбой народа, так и политической деятельностью. Отсюда двинулся на бой первый партизанский отряд Гвардии людовой, за которым последовали другие, открывая тем самым организованный фронт народной вооруженной борьбы с оккупантами.

Здесь в новогоднюю ночь 1943/44 года был создан подпольный парламент польского народа — Крайова Рада Народова. И отсюда отправилась через линию фронта делегация Крайовой Рады Народовой в Советский Союз, чтобы установить польско-советские отношения на государственной основе. Этот шаг встретил полное понимание Советского правительства, признавшего Крайову Раду Народову един-

ственным полноправным представителем польского народа, ей подчинилась также 1-я Польская армия, организованная при помощи Советского Союза.

Понимая роль, которую играла Варшава, оккупанты питали к ней особую ненависть. Трижды — в 1939, 1943 и 1944 годах — они предпринимали варварские попытки уничтожить ее. Как только на фронте усиливались военные действия, оккупанты наносили удар по столице. Гвардия людова, Армия людова и другие формирования патриотического движения Сопротивления отвечали на удары врага. Варшава стала одним из городов, на территорию которых была перенесена партизанская борьба.

Германский империализм применял в Варшаве, так же как и во всей Польше, стратегию выжженной земли, стремился нанести такие потери, которые бы надолго ввергли нашу страну в пучину отсталости. Гитлеровская стратегия потерпела крах, и об этом свидетельствует сегодня расцвет польской экономики, культуры, науки. Возрожденная усилиями всего народа красавица Варшава — символ этого расцвета. Она одержала победу. Победу моральную и политическую, общественную и экономическую — не згинела, не погибла!

— С момента освобождения первых районов Варшавы до марта 1945 года вы, товарищ Председатель, находились на посту мэра города. Не могли бы вы поделиться наиболее существенными впечатлениями того периода?

— К середине сентября 1944 года, когда я прибыл в Варшаву, чтобы занять доверенный мне Польским комитетом национального освобождения пост, освобождена была только правобережная часть города — Прага. Здесь не хватало света, продовольствия, воды, топлива. Городских властей не было, бездействовал транспорт. Незабываемыми были люди, их энтузиазм и самопожертвование. Они рвались принять участие в восстановлении города, в организации польских учреждений и пуске предприятий. И все это — на передней линии фронта, когда Прага, правобережная часть города, жила под обстрелом. В такой ситуации население обычно эвакуируют. Но в данном случае город, разделенный фронтом, был ведь столицей Польши! Поэтому мои старания были надлежащим образом поняты командующим 1-м Белорусским фронтом маршалом Рокоссовским, и благодаря этому Прагу не эвакуировали.

Первую помощь населению города принесла Советская Армия. Я лично принимал участие в приемке транспортов с мукой, хлебом, картофелем. Между населением и советскими и польскими солдатами устанавливались сердечные отношения. Воинов приглашали в дома, вместе с ними встречали Новый год под традиционными елками. Первый электрический ток для Варшавы дал военный эшелон-электростанция. Советские саперы построили железнодорожный мост, а «высоководный» мост для поездов и пешеходов возвели также советские саперы при участии польских коллег. Советские инженерные войска помогали восстанавливать электростанцию и газовую станцию. В работах участвовали польские отряды и жители Варшавы, которые возвращались из гитлеровских концлагерей, чтобы восстановить родной город.

Еще до освобождения левобережной части Варшава уже начала играть роль столицы. Именно здесь товарищ Владислав Гомулка 28 ноября на митинге жителей этого фронтового города провозгласил образование Крайовой Радой Народовой Временного правительства.

— Товарищ Председатель, в 1937 году в Париже вы, тогда молодой архитектор, получили «Гран-при» Всемирной выставки за план строительства Варшавы. Есть ли какие-то элементы того плана в сегодняшней Варшаве?

— Это были мечты о современной Варшаве, мечты, не осуществимые в капиталистической Польше. Предпосылки для их воплощения в жизнь были созданы новыми общественными силами во главе с рабочим классом, силами, которые взяли в свои руки судьбы народа, страны и ее столицы. Благодаря этому стал возможен расцвет теперешней Варшавы, население которой живет, работает, учится в несравнимо лучших условиях, чем при капитализме. Многим обязана наша Варшава и вся страна советской помощи. Настоящие друзья познаются в беде, поэтому мы высоко ценим наших советских друзей.

Мы старались, как могли, ответить взаимностью на эту помощь. Вооруженное Советским Союзом четырехсоттысячное Народное Войско Польское своим ратным трудом внесло существенный вклад в окончательный разгром гитлеровской империи. В берлинской операции Советской Армии плечом к плечу с миллионами ее бойцов сражались солдаты двух польских армий, которые вместе с неармейскими войсковыми соединениями составляли больше тактических соединений, чем имела тогда действовавшая на Западном фронте Франция, и столько же, сколько Великобритания. Польские солдаты — единственные, кто, кроме советских воинов, закончил свой боевой путь победным штурмом Берлина.

Дружба между Польшей и Советским Союзом, рожденная в совместной борьбе, скрепленная годами послевоенного сотрудничества и строительства нового строя, расцвела и окрепла. Годы войны научили нас, что единство сил социализма — решающий фактор победы. Нужно делать все для упрочения этого единства, для расширения сотрудничества социалистических стран в новом историческом периоде. Пусть сотая годовщина со дня рождения В. И. Ленина станет новым шагом на пути дальнейшего развития социалистического содружества.

За несколько дней до штурма Берлина. В Военном совете 1-го Белорусского фронта. Слева направо: член Военного совета К. Ф. Телегин, командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин и генерал-лейтенант И. С. Вареников.

Фото Я. Рюмкина.

И ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИШЛО!

Генерал-лейтенант К. Ф. ТЕЛЕГИН,
бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта

17 января исполняется двадцать пять лет со дня освобождения Варшавы, столицы братского польского народа.

В годы второй мировой войны этот прекрасный и свободолюбивый город пережил тяжелую трагедию. Еще в пору вероломного нападения на Польшу в 1939 году, натолкнувшись на героическое сопротивление польских патриотов, фашисты варварскими бомбардировками и артиллерийским обстрелом нанесли много тяжких ран красавице Варшаве. В 1943 году при жестоком подавлении восстания в Варшавском гетто оккупанты разрушили и опустошили значительную часть города. Но самое страшное разрушение и физическое истребление жителей Варшавы произошло в августе — сентябре 1944 года при подавлении Варшавского восстания, спровоцированного авантюристами из польского эмигрантского буржуазного правительства в Лондоне.

Жестокие испытания обрушились на польский народ в годы кровавого гитлеровского режима. Страна была превращена фашистами в громадный концентрационный лагерь. Днем и ночью безостановочно дымили страшные трубы печей Майданека и Освенцима, засыпая землю на десятки километров вокруг черным пеплом... Но уже к началу 1945 года польский народ твердо знал: скоро придет освобождение.

1944 год ознаменовался блестящими успехами нашего оружия. Боевые знамена Советской Армии победно развевались на землях Восточной Пруссии, у стен Будапешта, в горах Чехословакии, Югославии, на берегах Вислы и Нарева.

Титанический труд советского народа, мужество и мастерство, опыт воинов армии и флота создали все условия для успешного выполнения задачи, поставленной перед нашими Вооруженными Силами,— в короткий срок повергнуть фашистскую Германию, помочь народам европейских стран освободиться от гитлеровской тирании и победоносно закончить войну.

На 1-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Со-

ветского Союза Г. К. Жуков, возлагалась одна из важнейших и почетных задач — не только освободить столицу братского польского народа Варшаву, но и нанести решающий удар на берлинском направлении.

Общеизвестно военное и политическое значение освобождения Варшавы. Но Варшава — это лишь часть плана Висло-Одерской операции. Это ее первый этап, задача которого — разгромить крупную варшавско-радомскую группировку противника, чтобы затем выйти на рубеж Жихлин — Лодзь.

С точки зрения гитлеровцев, столица Польши представляла собой «бастион обороны, способный успешно противостоять любым силам Красной Армии», как об этом заявил один пленный немецкий офицер. Город был прикрыт системой мощных крепостей, созданных еще перед первой мировой войной и значительно усиленных оборонительными сооружениями после Сталинграда и Курской битвы. Брать ее в лоб с востока было невозможно. Гитлеровское командование понимало, что Варшава — ключ к Берлину, и выделило для ее обороны лучшие танковые, моторизованные и пехотные дивизии, значительное количество артиллерии и авиации. Противником были предприняты чрезвычайные усилия, чтобы удержать за собой предмостные позиции на восточном берегу Вислы (особенно предместье Варшавы — Прагу) и сбросить наши части с магнушевского и пулавского плацдармов южнее Варшавы и с плацдармов по реке Нарев.

Командование фронтом учитывало всю сложность борьбы за столицу Польши и в своем плане Висло-Одерской операции предусматривало охват города ударами с севера и юга, выход танковых соединений в глубокий тыл варшавской группировки и нанесение вспомогательного удара с востока силами 1-й армии Войска Польского.

Но битва за Варшаву уже с начала 1944 года осложнялась острейшей политической борьбой не только с реакционными силами старой Польши в лице эмигрантского польского правительства в Лондоне. Нельзя было не учитывать и коварные замыслы наших западных союзников. Документы, помещенные в двух томах «Переписки Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», со всей убедительностью раскрывают настойчивое стремление реакционных сил Запада (вплоть до угроз в адрес Советского Союза) не допустить демократического устройства новой Польши, возродить в этой стране старые, капиталистические порядки и вновь сделать Польшу «санитарным кордоном» против коммунизма, плацдармом для новых интриг и военных авантюр против СССР.

После образования демократического Польского комитета национального освобождения (ПКНО) реакционные политики Запада спровоцировали чудовищную авантюру — Варшавское восстание. Цель была очевидна: лондонское эмигрантское буржуазное правительство еще до прихода советских войск стремилось захватить власть в Варшаве. Пусть Советское правительство и польский народ будут поставлены перед свершившимся фактом. Восстание было приурочено к моменту приезда в Москву прожженного политикана Миколайчика, главы польского буржуазного эмигрантского правительства в Лондоне. Прибыв для переговоров с Польским комитетом национального освобождения по вопросу о будущем устройстве Польши, он предъявил ультимативное требование: предоставить эмигрантскому правительству 80 процентов постов в будущем правительстве. Только 20 процентов второстепенных постов «милостиво» оставлялись истинным сынам польского народа, активно борющимся вместе с Советской Армией за освобождение Польши. Буржуазные отщепенцы требовали возвращения к конституции Пилсудского, к конституции 1935 года, требовали восстановления старых порядков.

Плохо организованное и слабо вооруженное восстание в Варшаве было жесточайшим образом подавлено фашистами. За происки политиканов-авантюристов заплатили своею жизнью 250 тысяч патриотов. Город был превращен в руины. Советское командование пыталось оказать восставшим максимально возможную помощь. При этой операции погибло много советских бойцов и воинов 1-й армии Войска Польского.

Польский народ с негодованием отверг домогательства буржуазной эмиграции и ее западных покровителей. Польский комитет национального освобождения, реорганизованный во Временное правительство Польской Республики, повел свой народ по пути национального возрождения, строительства свободного, сильного, демократического и независимого государства. Все прогрессивные силы страны включились в решительную борьбу за окончательное освобождение своей родной земли от фашизма.

Наступил январь 1945 года. Заканчивались последние приготовления к завершающим сражениям. Советская Армия располагала всем необходимым для выполнения поставленной задачи. Моральный дух воинов был исключительно высок. Мы имели прекрасные кадры командиров и политработников, обладающих огромным опытом сражений от Волги до Вислы. Родина дала нам совершенную боевую технику и все, что необходимо солдату в его тяжелом ратном труде.

...Середина января. Последние дни и ночи перед началом наступления. На плацдармы вводятся дивизии первого эшелона, становятся на позиции артиллерия, минометы, танки, самоходно-артиллерийские установки. К переправам через Вислу подтягиваются танковые армии и корпуса, кавалерийские соединения. Плотность боевых порядков исключительно велика. На 240 квадратных километрах магнушевского плацдарма сосредоточивается 400 тысяч человек, более 8 700 орудий и минометов, около 1 700 танков и самоходных орудий, огромное количество тягачей, автомашин, повозок с боевым имуществом и боеприпасами. Благодаря высокой организованности, дисциплине, строжайшим мерам маскировки вся эта сила не была обнаружена противником.

14 января, 8 часов 30 минут. Невиданной силы огненный ураган обрушился на позиции врага, сметая все на своем пути. Через 25—30 минут ринулись в атаку передовые батальоны. Мощный удар до основания потряс и развалил широко разрекламированную геббельсовской пропагандой «неприступную оборону на Висле». Войска фронта стремительно пошли на запад, в обход Варшавы с севера и с юга, а переправившаяся на западный берег Вислы доблестная 1-я армия Войска Польского под командованием опытного и боевого командарма С. Г. Поплавского перешла к непосредственному штурму города.

16 января советский народ с радостью и волнением слушал сообщение Совинформбюро о том, что войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление 14 января южнее Варшавы, прорвали оборону противника и за три дня продвинулись до 60 километров, расширили прорыв до 120 километров по фронту, овладели городом Радомом, сильными опорными пунктами — Варка, Груиец, Козенице, Солец, Зволен, Бялобжеги, Евдлинск, Илжа и более чем 1 300 населенными пунктами. Москва торжественно салютовала воинам 1-го Белорусского фронта.

Дальнейшие события развивались столь же стремительно. 2-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова, продвинувшись на 70—90 километров, вышла в район Жирардув — Сохачев и оказалась в 45 километрах западнее Варшавы, на пути отхода противника. Ее головная 66-я танковая бригада в городе Любен захватила аэродром с 62 исправными самолетами. Успешное продвижение 47-й армии под командованием генерал-майора Ф. И. Перховича с севера и 61-й армии генерал-полковника П. А. Белова с юга, в обход Варшавы, форсирование Вислы соединениями 1-й армии Войска Польского с востока предрешили судьбу города. Опасаясь очередного «котла», гитлеровцы начали отход, в то же время довершая свое черное дело по разрушению Варшавы.

И вот 17 января в Ставку Верховного Главнокомандования летит донесение о том, что, продолжая наступление и произведя обходный маневр варшавской группировки противника, войска 1-го Белорусского фронта вместе с 1-й армией Войска Польского овладели столицей Польши — Варшавой.

«Польский народ никогда не забудет, что он получил свою свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских воинов»,— говорилось в обращении Военного совета к воинам 1-го Белорусского фронта.

Поражение под Варшавой произвело в Германии впечатление разорвавшейся бомбы. Взбешенный Гитлер потребовал самого сурового наказания виновных в сдаче города. Начальник генерального штаба сухопутных войск Гудериан попал под следствие комиссии, возглавляемой заместителем Гиммлера Кальтенбруннером. Командующий группой армий «А» генерал-полковник И. Гарпе, командующий 9-й немецкой армией генерал С. Лютвиц были смещены с занимаемых постов. Геббельс истерически вопил о предательстве и измене на фронте.

Жуткое зрелище представляла Варшава. Гитлеровцы методически, дом за домом, квартал за кварталом, взрывали и уничтожали все, что до этого еще уцелело.

Главным в те дни было спасти оставшихся жителей Варшавы от голодной смерти: отступая из города, фашисты вывезли или уничтожили все запасы продуктов. Советский народ, верный своему интернациональному долгу, в этот тяжкий час поспешил на помощь варшавянам. Помимо значительного дара правительства СССР, 25 января вместе с братским поздравлением по случаю освобождения Варшавы правительство Украинской ССР шлет 15 тысяч тонн зерна, 1 500 центнеров подсолнечного масла, 1 тысячу центнеров сахара, а для детей — 50 центнеров сухих фруктов. 26 января правительство Российской Федерации передает Варшаве 30 тысяч тонн зерна, правительство Белорусской республики — 10 тысяч тонн и Литовской республики — 5 тысяч тонн зерна. Весть о щедрой помощи советского народа была встречена с огромной радостью и благодарностью всеми трудящимися Польши. Газета «Польска Збройна» писала 18 февраля 1945 года:

«Всего несколько месяцев тому назад эти народы (Белоруссии, Украины, Литвы.— **К. Т.**) сами находились под немецкой оккупацией, были разорены и ограблены, а теперь они помогают польскому народу. Мы никогда не забудем братской помощи советского народа».

С освобождением Варшавы закончился один из важнейших этапов Висло-Одерской операции. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта (командующие — Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, члены Военных советов — генерал-лейтенанты К. Ф. Телегин, К. В. Крайнюков, Н. Е. Субботин) при активном участии авиации дальнего действия под командованием Главного маршала авиации А. Е. Голованова в течение четырех — шести дней осуществили прорыв на фронте в 500 километров, на глубину 120—160 километров и вышли на рубеж Сохачев — Томашув-Мазовецки — Ченстохов. Впереди лежала Германия...

С тех незабываемых дней прошло 25 лет. Залечены раны войны. Как сказочный феникс, восстала Варшава из руин и пепла и не только восстановила свою былую красу, но стала еще прекраснее. Свободная и независимая Польша заняла почетное место в братской семье народов социалистических стран.

Польский народ гордится своей столицей, своей обновленной родиной, своим народным государством. Он преисполнен решимости укреплять и развивать нерушимую братскую дружбу между польским и советским народами, ведет совместную борьбу за полную победу коммунизма, за мир во всем мире.

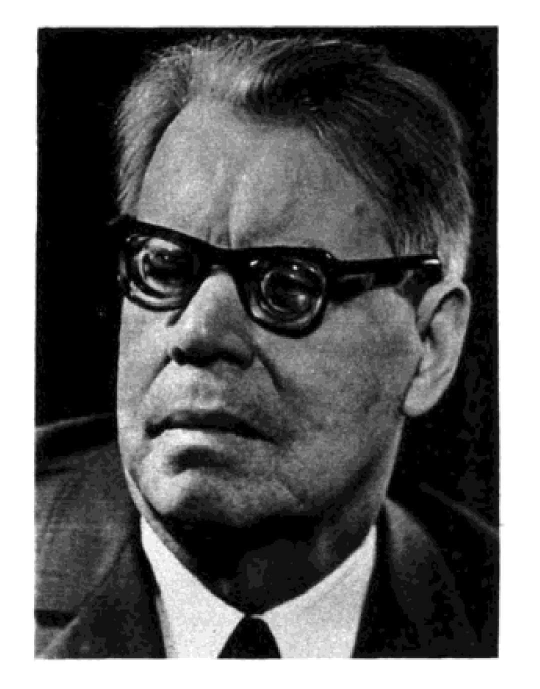
Польский народ, благодарные варшавяне свято чтут память о своих освободителях. На одной из центральных площадей столицы воздвигнут величественный монумент Братства по оружию — памятник воинам Советской Армии и Войска Польского, павшим в борьбе с фашизмом.

В день 25-летия освобождения Варшавы ветераны 1-го Белорусского фронта шлют сердечное поздравление польским трудящимся, своим боевым друзьям и желают им новых успехов в созидательном труде на благо нашего общего дела.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ПРОСТОРНОЕ СЛОВО ПОЭТА

К 70-летию со дня рождения М. Исаковского

Родился поэт в «полевом мужицком океане», в краю безвестном, глухом, отгороженном от мира безмолвием болот, частых ельников, скупых на урожаи пашен. В родной деревне Глотовке, в отцовской хате, сумрачной и бедной, он нередко испытывал приступы смутного томления, которое, вероятно, предшествует появлению музы, первым проблескам поэтического сознания, но которое он, конечно, не знал, как назвать, как определить. Думалось, что эти приступы внутреннего беспокойства вызывал крик улетающих к югу журавлей, пустеющие осенние леса, тихие вечерние закаты, бедность и убогость отцовского крова. И только обложки свежих журналов, пахнущие типографской краской, газеты, книги, которые отец — сельский почтарь — развозил по округе и которые он мог дать на день, на два одному из сыновей, рассказывали о какой-то иной, красочной, необыкновенной жизни. У мальчика была своя «тайна»: он плохо видел, был близорук от рождения. И эта «тайна» и боязнь стать посмешищем среди озорных и бойких на язык деревенских сверстников заставляли его еще больше замыкаться, уходить в себя, поддерживали в нем врожденную стеснительность и скромность. Даже непритязательные детские забавы и радости — «ручей перепрыгнуть с разбега... сыграть на лужайке в лапту» — обходили его стороной. Да и не только его, но всех его односельчан большие радости и большие удачи обходили окольными путями. Многим позднее поэт писал:

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили...
Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Может быть, тогда, в канун Октябрьской революции, и мелькнули у него горькие строки: «Вот он, край, где просторному слову появляться не велено...» Однако революция уже раскачала, вздыбила «полевой мужицкий океан», и с каждым днем все отчетливее, яснее стали проступать очертания нового мира, стали открываться новые пути-дороги. В 1918 году Михаил Исаковский вступает в ряды Коммунистической партии, а через некоторое время становится редактором и единственным сотрудником ельнинской уездной газеты. Огненные ветры революции развеяли вековую глухомань, они предопределили жизненный и творческий путь Михаила Исаковского, вызвали к жизни то «просторное слово», которое пришло к нему не сразу, не по мановению руки, но которое все-таки пришло. Можно себе представить, с какой отрадой, с каким искренним воодушевлением встречал он перемены к лучшему в облике родного края, в быту односельчан, в их «географии жизни»! Вот стихотворение «Ореховые палки» (1925). Оно навеяно чисто крестьянскими заботами и надеждами, оно очень местно, локально. Поэт впервые замечает, как отходят в прошлое цепы и как на общественном гумне впервые застучала молотилка. Пройдет всего год, и в стихах М. Исаковского прольется иная, безудержная радость:

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда...

Эта радость была присуща и его землякам, смолянам, и жителям других краев и областей нашей Родины. Так сторона безвестная, глухая породила поэта с удивительно ясным, народным «просторным словом».

Одно из свойств подлинно народного дарования, народного таланта, по-моему, заключается в том, что его появление, его внедрение в самосознание современников происходят как-то незаметно, без помпы и словесного грохота. Спустя какое-то время уже невозможно себе представить, что мы не знали, не пели всех этих песен, начиная с песни «Вдоль деревни» и кончая «Одинокой гармонью», песен, которые возникли, родились как бы естественно, непроизвольно, как рождаются весной из почек листья и как они облетают в иной срок, в иную пору. Услышав эти стихи и песни, «баяны ахали даже в самом песенном селе» (С. Орлов): ведь в них было нечто давно ожидаемое, нечто такое, что витало в воздухе, насыщало саму атмосферу нашей повседневности. И люди разных возрастов, вкусов, наклонностей, профессий принимали эти песни за свои, нимало не задумываясь поначалу, кто их сочинил, кто выразил в поэтическом слове их такие на первый взгляд очевидные чувства и мысли. И лишь позднее имя поэта и его соавтора-композитора становилось известно большинству. Примерно такой случай и произошел с Михаилом Исаковским. Он даже сам не знал, что его стихи уже поют, что его песни уже «выбились в люди». Как-то в давнем 1935 году он смотрел кинохронику, в которой был показан хор имени Пятницкого. Хор исполнял новую песню. И этой песней, к немалой радости и немалому изумлению поэта, явилось его стихотворение «Вдоль деревни». Оказывается, композитор В. Г. Захаров вычитал эти стихи в отрывном календаре и положил их на музыку. Творческое содружество В. Г. Захарова и Михаила Исаковского в дальнейшем принесло многие широко популярные песни: «Провожанье», «И кто его знает», «Шел со службы пограничник», «Ой, туманы мои», «Пройдут года» и другие. Эти песни составили целую полосу в развитии нашей музыкальной культуры, они открыли нам самих себя, способствовали нашему самопознанию и самовыражению.

Сейчас довольно много спорят и говорят о народности нашей поэзии, нашей литературы. И весьма уместно будет, если мы обратимся к истокам если не самого понятия народности, то хотя бы к возникновению этого термина. Почему-то его связывают с официальной идеологией николаевской России, с пресловутым триединством. В действительности же термин «народность» и само понятие народности в искусстве ввел в читательский обиход критик Орест Сомов, близкий к кругам декабристов. Его статья «О романтической поэзии» была одобрена А. Бестужевым и явилась как бы литературным манифестом первых дворянских революционеров. Народность нашей литературы О. Сомов видел «в духе языка, в способе выражения, в свежести мыслей, в нравах, наклонностях и обычаях народа». Впервые О. Сомову принадлежит введение в понятие народности и «русского гения», под которым он понимал прежде всего «твердость духа, презирающую все опасности и самую смерть», понимал «нетерпение ига чуждого».

Это определение народности литературы, и в частности поэзии, может быть соотнесено с творчеством Михаила Исаковского. Простые и «вечные» темы, такие, как встречи и расставания у колодца, как прославление «твердости духа» своих современников, как печаль по уходящему лету, имеют один-единственный способ выражения, свойственный именно Михаилу Исаковскому. А в этом-то и заключается весь секрет его поэзии. Этот способ выражения оказался столь всеобщим, а знание нравов, наклонностей, обычаев людей — столь безукоризненным и совершенным, что слово поэта, окрыленное музыкой В. Захарова, В. Соловьева-Седого, М. Блантера, Дм. Покрасса, облетело всю страну, перешагнуло границы и рубежи, явило миру талантливую, лиричную, стойкую в горе и несчастье душу советского человека.

Эхо песен Исаковского, написанных в предвоенные годы и в годы войны, звучит и сейчас во многих уголках земного шара. Довольно популярным танцем в Париже в последнее время является «Казачок». Но прислушайтесь к мелодии этого танца, и вы услышите все ту же «Катюшу»! Да, ту самую «Катюшу», которая вот уже больше тридцати лет звучит и в дружеском кругу, и на праздничной демонстрации, и летним вечером в полях Смоленщины или среди новостроек Подмосковья. И если ваши друзья в зарубежном далеке желают сделать вам приятное, то они непременно споют вам эту песню или на русском, или на родном языке. Казалось бы, что такого в этих нескольких строфах?! Девушка с речного обрыва шлет привет возлюбленному, который служит «на дальнем пограничье». А вот поди ж ты! Поэзия беззаветной, скромной, чистой любви русской девушки Катюши близка всем тем, кто испытывает чувство дружелюбия и симпатии к нашей стране, кто любит наш народ и помнит его героическое прошлое, его подвиг в дни Великой Отечественной войны.

Почему-то принято считать (я имею в виду иные критические статьи и литературоведческие сочинения), что творчество М. Исаковского даже с точки зрения его поэтики, мастерства целиком укладывается в традиционные песенные каноны и схемы, что по сравнению с предшественниками, такими, как Н. Некрасов, А. Кольцов, И. Никитин, как поэты «суриковского кружка», он ничего принципиально нового в нашу литературу не внес. Досадное заблуждение! Взять одно из лучших созданий М. Исаковского — его песню «Враги сожгли родную хату» или «Перелетных птиц». Поначалу песня-стихотворение «Летят перелетные птицы» развертывается в духе извечных народных мотивов: отлет птицы вызывает в человеке чувство щемящей грусти, чувство неудовлетворенности своим положением, своим земным существованием, бытием. Эти первые три строчки как бы восстанавливают незримую духовную связь между нами и теми авторами, которые сложили на Украине «Дивлюсь я на небо», у нас в России — «Если бы были у меня, у молодца, крылушки...» или «Соловей, соловейко молодой...». Однако стихотворение Исаковского пролагает рубеж между прошлым и настоящим, оно внутренне полемично именно с этой песенной традицией. Посмотрите, как по-новому, как в соответствии с духом и сутью нашего времени повернута у Исаковского тема перелетных птиц:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

Не следует думать, что Михаил Исаковский опирается только на внутреннее чутье, на интуицию. В последнее время он настойчиво и последовательно размышляет, что такое народная песня, что такое народность в нашей литературе вообще. Я сошлюсь хотя бы на сборник его статей и высказываний «О поэтах, о стихах, о песнях» (1968). Сохранив и душевное целомудрие, и застенчивость деревенского жителя, и искренность во всем, что касается литературного ремесла, профессии писателя, Михаил Исаковский с огорчением и недоумением видит, как легковесно стало слово под пером иных поэтов-песенников, на каком конвейере создаются иные современные песни. Они появляются мгновенно и так же мгновенно исчезают, как мотыльки-однодневки. Поэт страстно и убежденно спорит не только с авторами таких песен-однодневок, но и с теми критиками, которые, оправдывая существование «современных народных песен», исходят из убеждения, что эти-де песни могут быть послабее, похуже: мол, что с них взять — они же народные. «Это уже просто унизительно для народной песни!» — в сердцах восклицает поэт. И продолжает: «Народный — это очень большое слово, и надо подходить к нему с уважением, не надо снижать и опошлять его».

В этом высказывании весь Михаил Исаковский, поэт, гражданин, горячий патриот. В этом высказывании весь его предшествующий опыт, вся его вера и убежденность, что «новые песни придумает жизнь», что эти песни еще не раз и не два прозвучат вместе с «Катюшей» и «Одинокой гармонью» в самых отдаленных, самых глухих уголках нашей планеты. Ибо просторным стало слово истинного поэта.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Памятник В. И. Ленину в Куйбышеве.

У НАС ЖИЛ ЛЕНИН

В. П. ОРЛОВ,
первый секретарь
Куйбышевского обкома КПСС

Не так уж много в стране городов, в которых жил и работал В. И. Ленин. Куйбышев, или, как его называли раньше, Самара, на особом положении. Четыре с лишним года жил здесь Владимир Ульянов, и эти годы сыграли немалую роль в его жизни, в его становлении как марксиста и последовательного борца против самодержавия.

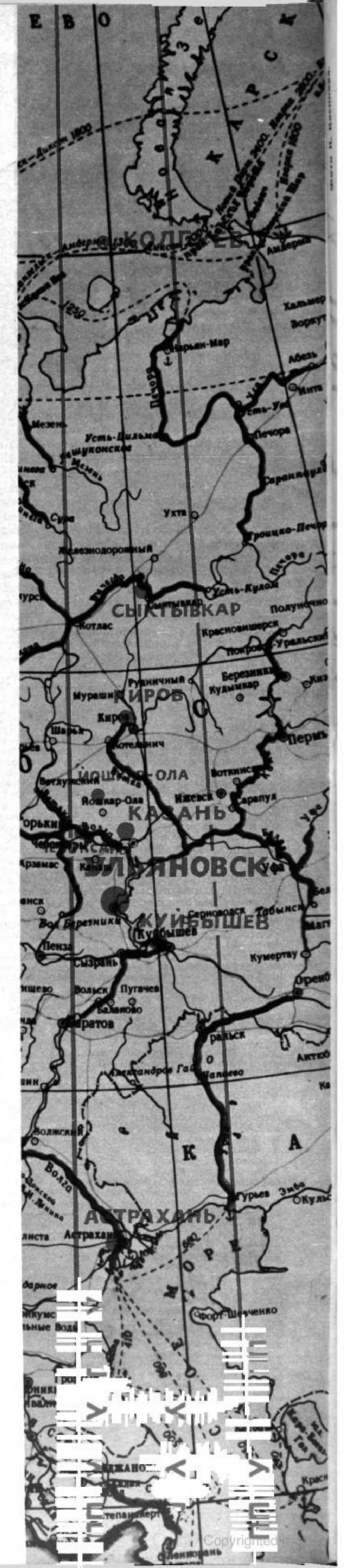
Своим появлением в Самаре семья Ульяновых обязана Марии Александровне, на плечи которой за несколько лет свалились страшные испытания: смерть мужа, казнь старшего сына, Александра, исключение из университета Владимира, установление гласного полицейского надзора за дочерью Анной... Мария Александровна продала дом в Симбирске, и на эти деньги старый друг семьи Марк Тимофеевич Елизаров купил участок земли в Алакаевке. В начале мая 1889 года туда выезжает вся семья Ульяновых.

О дне приезда известно из донесения начальника губернского жандармского управления. «...4 минувшего мая прибыла состоящая под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Анна Ульянова на хутор при дер. Алакаево. Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Мария, брат Владимир, состоящий под негласным надзором полиции, и бывший студент, сын крестьянина Марк Тимофеев Елизаров, человек сомнительной политической благонадежности».

Забегая вперед, скажу, что сейчас в Алакаевке Дом-музей В. И. Ленина, но вещи Ульяновых, к сожалению, не сохранились, да и сам дом не раз перестраивался. В 1893 году его продали купцу, который дом разобрал и перевез в другую деревню... Через сорок лет колхозники снова разобрали этот дом, вернули в Алакаевку и собрали заново. В 1942 году здесь побывал Дмитрий Ильич Ульянов. Он начертил схему расположения комнат, указал, где кто жил, где что стояло, и дом опять перестроили. Теперь он такой, каким был восемьдесят лет назад.

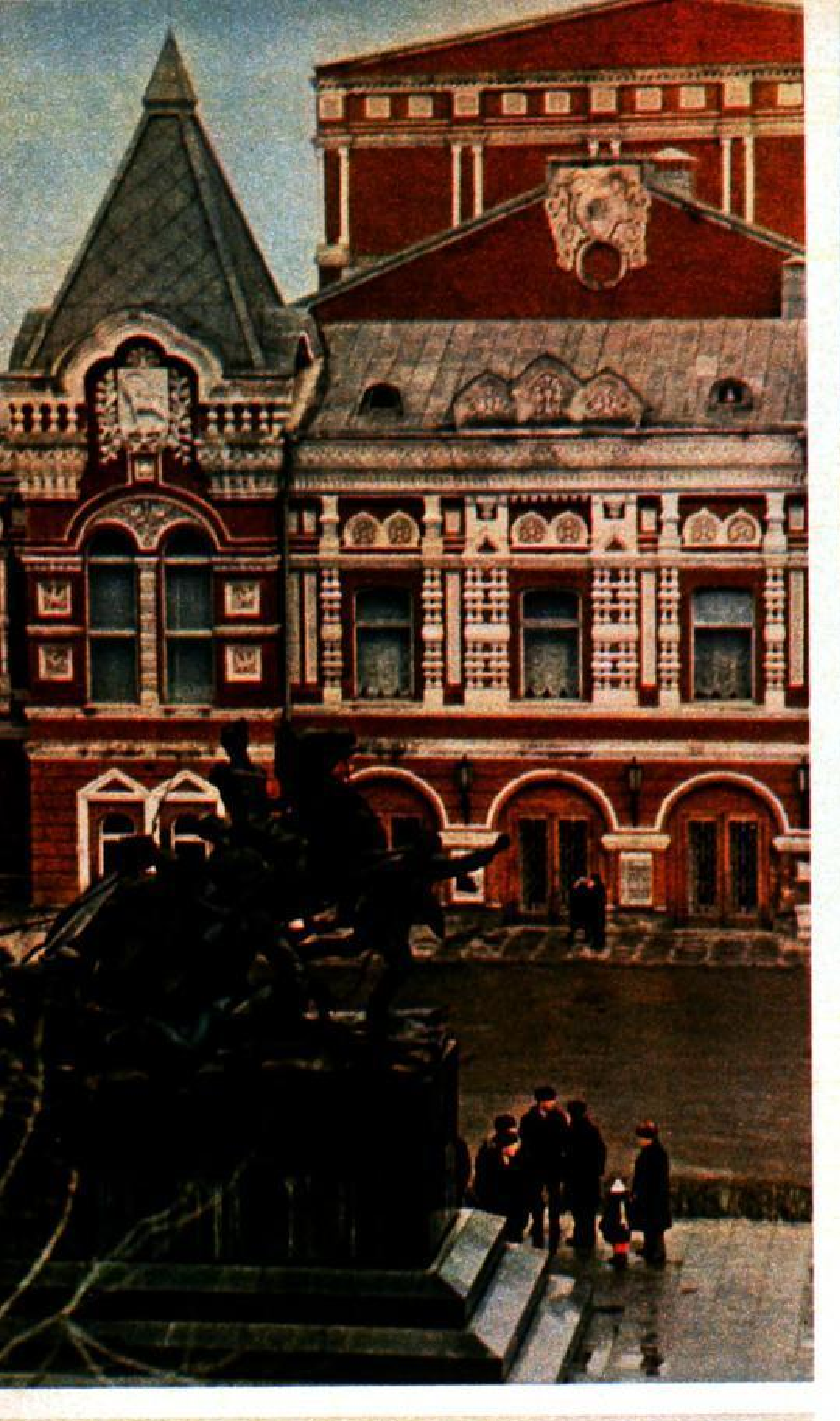
В Самаре Ульяновы поменяли несколько квартир, и всюду их преследовало жандармское око. Ленин называл Самару местом, где началась его революционная деятельность. Отвечая на вопрос анкеты делегата X съезда партии об участии в революционном движении до 1917 года, Ленин писал: «1892—1893 гг. Самара...»

Многое в жизни Ильича было здесь первым. Первыми были его столкновения с народниками. Здесь же он организовал первый кружок марксистов. В Самаре Ленин пишет свои первые марксистские произведения, в частности

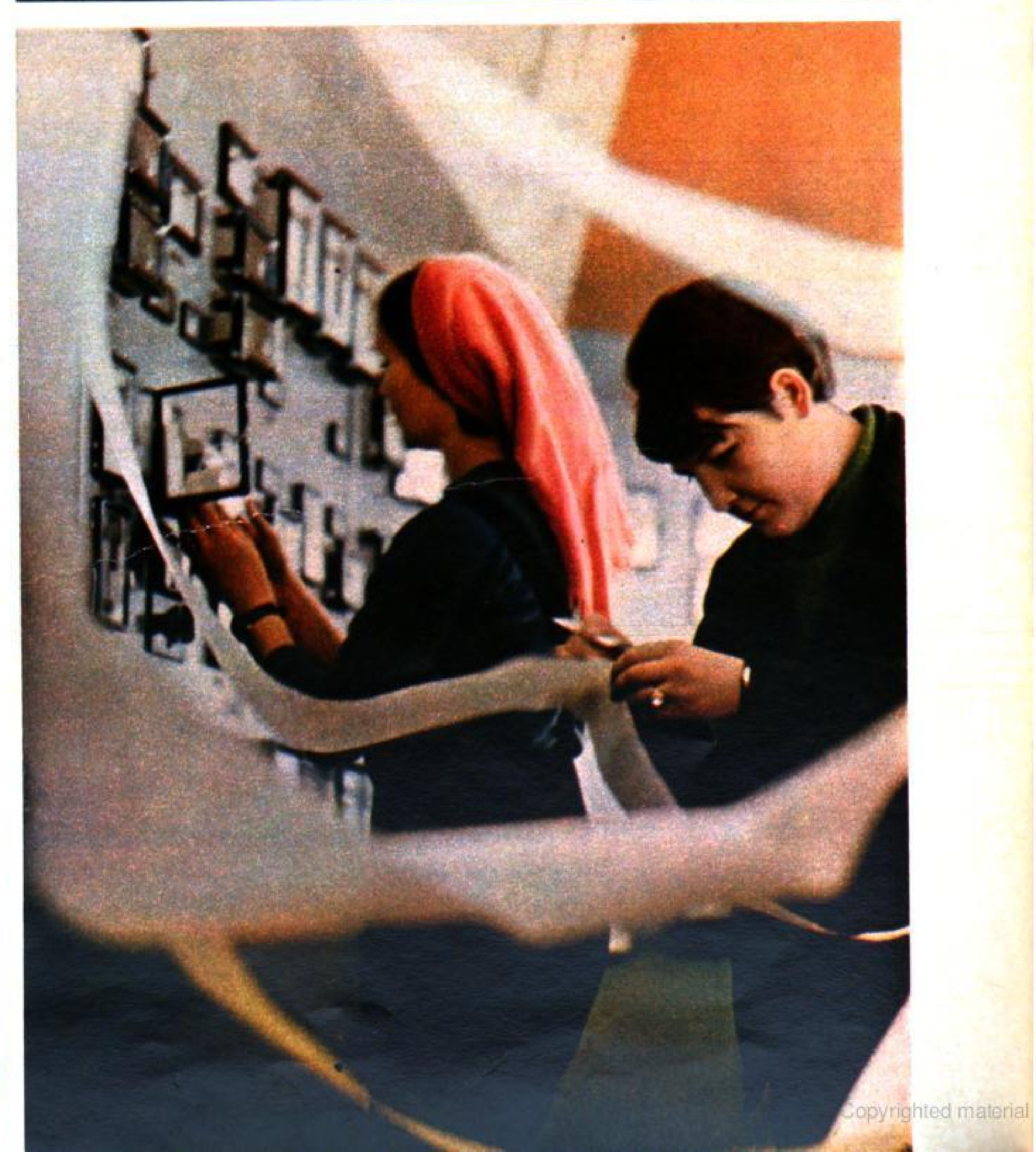

Дом-музей В. И. Ленина в городе Куйбышеве. В пионеры принимают учащихся школы № 25.

Фото К. Каспиева.

Самара

работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Этой работой открывается Полное собрание его сочинений. Первое выступление перед рабочими также было в Самаре. Один из старых коммунистов, А. А. Беляков, пишет в своих воспоминаниях: «Довольно нам «промеж себя революцию пущать»,— говорил Владимир Ильич,— пойдем к рабочим. Пойдем к тем, какие есть, начнем с малого...»

Начать пришлось с доклада о крестьянской общине в небольшом кружке железнодорожных рабочих. И уже тогда Ленин заявил, что только пролетариат может совершить революцию и стать во главе общественного движения.

Получив университетский диплом, Ленин начал работать помощником присяжного поверенного в самарском окружном суде. Восемнадцать дел вел Владимир Ильич. Молодой адвокат не служил царскому строю, он боролся с ним и в стенах суда.

И, наконец, в Самаре Ленин сделал собственноручный перевод «Манифеста Коммунистической партии».

Не порывал Владимир Ильич связи с самарскими социал-демократами и после отъезда из города. С января 1902 года Самара становится центром общерусской организации «Искры».

Больше всего мы гордимся тем, что В. И. Ленин является основателем нашей низовой партийной организации. Образование Куйбышевской парторганизации относится к началу девяностых годов — первый марксистский кружок был создан Лениным в Самаре в ту пору. Поэтому и спрос с нас особый.

Когда-то Самара была захолустным, окраинным городом Российской империи. Два винокуренных и пивоваренных заводика, несколько мельниц да лесопилок — вот и вся промышленность. Зато кабаков и трактиров в избытке. В середине девяностых годов Горький писал: «Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру, вспять возвратится, зане город сей груб и убог. Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру, но не умеют ценить к высшему жизни дорог».

Да и как могло быть иначе, если в городе не было ни одного высшего учебного заведения. Половина населения неграмотна, на всю Самару не более сотни врачей. Накануне революции в городе появилось несколько промышленных предприятий, на которых вели активную пропагандистскую работу Куйбышев, Шверник, Бубнов, Митрофанов, Галактионов...

Через день после свершения революции в Петрограде Самарский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял власть в свои руки.

Шли годы. Быстро менялся облик города. К 1935-му, когда Самара стала городом Куйбышевом, она уже заметно выросла, похорошела, здесь появились новые предприятия.

В пору войны на этот город легла особо большая ответственность. Сюда были эвакуированы правительственные и культурные учреждения, сюда перебазировалось много фабрик и заводов. Именно в то время на базе Московского ГПЗ возник 4-й подшипниковый завод, который сразу же стал выдавать продукцию для фронта. В 1943 году «Шарик» — так любовно называют его куйбышевцы — был награжден орденом Ленина.

Сейчас этот завод выпускает уникальные подшипники, размером от одного до шестисот миллиметров. Есть тут подшипники, которые изготовляют буквально по 5—6 штук в год, а есть и такие, которые сходят с конвейера десятками миллионов.

Завод славен не только своей продукцией. Здесь родилось немало интересных начинаний. Во многих цехах, например, отсутствует отдел технического контроля. Рабочий сам проверяет качество своей продукции, сам сдает ее на склад, сам записывает, сколько сделал, скажем, колец, и практически сам выписывает себе зарплату.

Немало на заводе старых, опытных рабочих, которые являются не только отличными мастерами своего дела, но и прекрасными воспитателями. Целую плеяду первоклассных специалистов воспитал Герой Социалистического Труда фрезеровщик В. М. Кривошеев. Они переняли у учителя и профессиональное мастерство и ту безграничную любовь к своему делу, без которой немыслим современный рабочий.

Первой базой завода были казармы, а теперь он так разросся, что один из его филиалов отпочковался в самостоятельное предприятие, которое специализируется на выпуске подшипников-гигантов весом до тонны. А в перспективе — изготовление и десятитонного, диаметром в три метра.

Я не случайно так подробно рассказываю о подшипниковых предприятиях. Они наша гордость. И хотя эта отрасль промышленности для Куйбышева совершенно новая, оба завода — среди лучших в стране.

К числу таких же новых предприятий относится и Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод — он тоже строился во время войны и первую продукцию дал в 1945 году. Начинал с небольшой крекинг-установки, а сейчас его мощность увеличилась в 16 раз. Горючее для автомобилей, мазут, масла — вот далеко не полный перечень продукции завода. Он дает зимнее дизельное топливо, которое знают во всем мире, без него не могли бы работать в Заполярье и Антарктиде. Автомобильный завод в городе Тольятти еще только строится, а бензин для его машин уже есть.

Так уж случилось, что наш город стал своеобразной лабораторией по освоению новых отраслей промышленности. На совершенно голом месте выросли подшипниковые, нефтеперерабатывающий, металлургические и станкостроительные гиганты.

Не могу не сказать несколько слов о металлургическом заводе имени Ленина. Это одно из крупнейших предприятий в Европе, и, что очень важно, абсолютно все оборудование здесь отечественное. Его продукцию — листы и трубы из специальных алюминиевых сплавов — ждут люди, делающие автомобили, пароходы. Без этих листов и труб трудно представить Дворец съездов в Кремле, столичные гостиницы «Россия», «Националь», новый Арбат.

Начинался завод довольно своеобразно. Еще подвозилось оборудование, еще цеха стояли без крыш, а сюда уже приезжали выпускники из различных институтов, будущие эксплуатационники монтировали плавильные печи, прокатные станы. Через несколько лет эта молодежь стала руководить производством. Видимо, поэтому здесь так бурлит творческая мысль и все новое быстро внедряется в практику. На заводе, которому нет и десяти лет, уже шесть лауреатов Ленинской премии. И один из 95 Героев Социалистического Труда, работающих в Куйбышеве, трудится на металлургическом заводе — литейщик Константин Иванович Любаев.

Наш город стоит на крупнейшей водной магистрали — Волге. Издавна он считается большим речным портом. Но нас этот порт уже не устраивает. И сейчас неподалеку от старого строится новый, еще более мощный. В Куйбышеве крупнейшее в мире специализированное речное пароходство «Волготанкер». Основная его задача — нефтеперевозки в Волго-Камском бассейне. Белые танкеры с двумя красными полосами на трубе ходят и в Махачкалу, и в Ленинград, и в Кандалакшу, ходят и в Финляндию. Известно, чем меньше холостых пробегов делают суда, тем лучше. А что может везти танкер, скажем, из Кандалакши? Железную руду. Поэтому в пароходстве стали появляться нефтерудовозы. В Кандалакшу — нефть, а оттуда в Череповец — руду. За этот творческий подход к делу, за рациональное использование флота и выполнение плана перевозок пароходство «Волготанкер» награждено орденом Трудового Красного Знамени.

Город передовой индустрии становится и городом вузов. У нас их семь. Среди них недавно открывшийся университет. Собственно, жизнь университета началась еще в 1919 году, по декрету Совнаркома, подписанному В. И. Лениным. Но в двадцатые годы из-за нехватки средств его расформировали. Город вузов — город ученых: 67 докторов и 1 042 кандидата наук. Имя одного из наших деятелей науки, профессора Тихона Ивановича Ерошевского, известно во всем мире. Ученик Филатова, крупнейший ученый, блестящий хирург, заведующий кафедрой глазных болезней медицинского института, замечательный воспитатель, непременный участник международных конгрессов врачей-офтальмологов, руководитель областной глазной клиники, почетный гражданин города — вот далеко не полный послужной его список.

Куйбышевский глазной центр — один из крупнейших в стране. Здесь делают три тысячи операций в год. Это поистине трогательные события. Недавно Тихон Иванович рассказал о таком случае. Слепая женщина родила сына. Через восемнадцать лет его призвали в армию. Пока парень служил, Ерошевский сделал ей операцию — она стала видеть. Представляете состояние матери, которая впервые увидела взрослого, двадцатилетнего сына!

С середины прошлого века ведет свою родословную наш драматический театр. Сейчас у нас уже четыре театра: драматический, оперы и балета, ТЮЗ и театр кукол. Всей стране известен наш Волжский народный хор.

Одним словом, Куйбышев стал большим промышленным и культурным центром. Кажется, совсем недавно, всего два года назад, мы отмечали рождение миллионной жительницы города — Наташи Беловой. А сегодня архитекторы составляют перспективный план развития города из расчета на полтора миллиона жителей. Значит, вырастут новые дома, фабрики, заводы, новые клубы, больницы, детские сады. Так что работы впереди много и много настоящей человеческой радости.

...По стране шагает юбилейный год. До всенародного праздника — 100-летия со дня рождения Ленина — остались считанные дни. И в эту пору мы еще и еще раз сверяем свои дела по Ильичу. В эту пору куйбышевцев охватывают чувства большой гордости и большой ответственности: у нас жил Ленин!

Мне кажется, лучше всего эти чувства выразили учащиеся 25-й школы, шефствующие над Домом-музеем Ленина. Вот что написали они в книге отзывов: «Нам выпало огромное счастье — наша школа расположена рядом с домом, где жил и работал Ленин. Мы очень гордимся, что получили право шефствовать над Домом-музеем Владимира Ильича. Этот уголок стал для нас самым дорогим местом. Здесь нас принимают в пионеры, здесь вручают комсомольские билеты. С этого места начинаются наши дороги в огромную прекрасную жизнь».

Куйбышевский драматический театр. На переднем плане — памятник В. И. Чапаеву.

На этом заводе производят горючее для автомобилей, мазут, масла...

В цехе приборных подшипников.

Почетный гражданин города Куйбышева профессор Тихон Иванович Ерошевский на операции.

Центральный универмаг «Самара».

Нефтеперерабатывающий завод. Оператор Таисия Савельева (справа) и помощник оператора Вера Метелева.

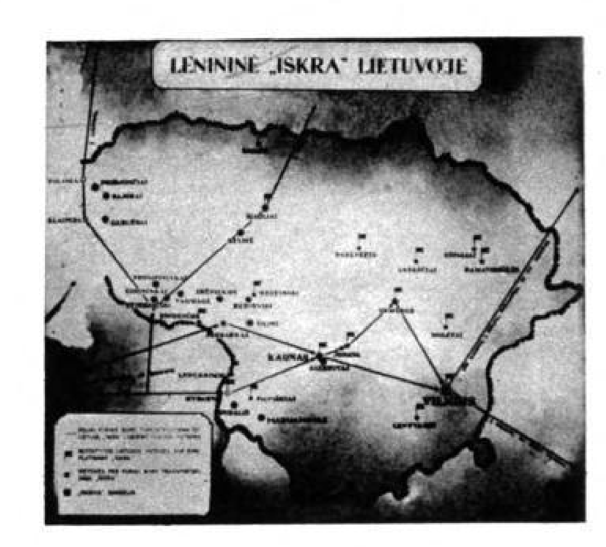
РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

В гостях у «Огонька» литовский журнал «Швитурис». В каждом номере этого журнала публикуется фотопанорама жизни республики. Сегодня «Швитурис» знакомит с такой фотопанорамой наших читателей.

Вторую жизнь скоро начнет площадь Ю. Янониса, находящаяся в центре Каунаса. Сейчас она реконструируется. А когда работы будут закончены, в центре площади поднимется памятник В. И. Ленину. Авторы монумента — скульптор Н. Пятрулис и архитектор К. Шешельгис. На литовском граните будут высечены барельефы «Труд», «Мир» и «Революция».

Фото А. Бразайтиса.

Недавно в республике по путям ленинской «Искры» прошли молодежные эстафеты, здесь проводились встречи с ветеранами революции. На карте обозначены пути «Искры», места ее хранения в Литве и недавно установленные места распространения.

Фото А. Бразайтиса (ЭЛЬТА).

В районный центр Пасвалис доставлен камень-великан, найденный за десятки километров отсюда. Он будет установлен вблизи здания, в котором в 1918—1919 годах работал первый районный Совет. На этом камне высечены имена литовских революционеров.

Фото И. Дилиса.

КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО

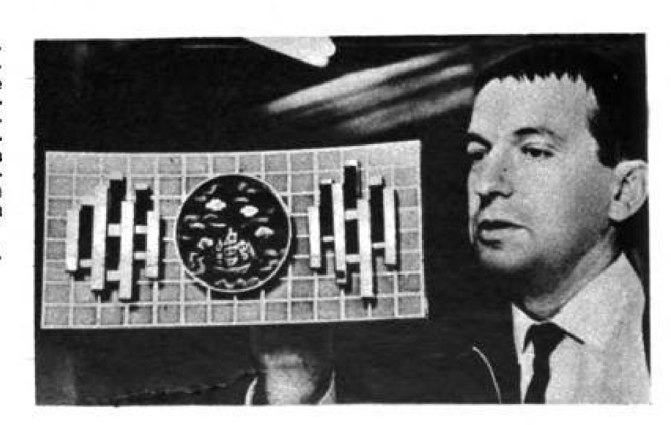

Тринадцать мужских хоров из десяти стран мира собрались в итальянском городе Ареццо, где состоялся XVI международный конкурс полифонической музыки. Лавры победителя привез из Италии вильнюсский хор «Варпас». Первое место он занял также и на конкурсе народного пения.

Фото А. Бразайтиса.

В мастерской художника К. Моркунаса рождается новое произведение, макет которого вы видите на снимке. Этот огромный красочный витраж встретит посетителей советского павильона на Всемирной выставке «ЭКСПО-70» в японском городе Осаке. Работы литовских витражистов украсят и мемориальный центр Владимира Ильича Ленина в Ульяновске.

Фото Э. Шишко.

В Советской Литве народному искусству уделяется немалое внимание: его собирают, охраняют, популяризируют. На снимке: женщины за прялкой поют старинные многоголосые песни. Это хор, выступающий на выставке в городе Дусетос.

Фото С. Нарвидаса.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СТРОИТЕЛЬСТВО

На заводе азотных удобрений в городе Йонава вошел в строй действующих большой комплекс производства метанола. Две автоматизированные линии уже изготавливают ценный химический продукт, который будет применяться для производства искусственного каучука и пластмасс. Управление всеми технологическими процессами ведется с центрального диспетчерского пульта.

Фото М. Огая (ЭЛЬТА).

Трудящиеся Советской Литвы требуют, чтобы все изделия легкой промышленности республики были удобными и красивыми. Взгляните на образцы продукции, выпускаемой клайпедской обувной фабрикой «Бриедис». Они свидетельствуют, что работники промышленности стараются удовлетворить запросы потребителей.

Фото А. Жижюнаса.

Продукция Каунасского завода радиоприемников широко известна в Советском Союзе. Скоро завод начнет массовый выпуск новой, красиво оформленной магнитолы «Нида».

Фото Л. Адомавичюса.

О том, что предложит литовская мебельная промышленность в нынешнем году, красноречиво рассказала ярмарка, состоявшаяся в Центральном мебельном магазине Вильнюса.

Фото И. Фишера.

НАУКА. ТЕХНИКА

Интересные исследования проводит Геологический институт. Кандидат геолого-минералогических наук А. Климашаускас создал аппарат, который во многом улучшит методику определения возраста горных пород.

Фото А. Гарункштиса.

Двадцать шестой год своей деятельности начал Вильнюсский государственный педагогический институт. Эта высшая школа за четверть века подготовила более десяти тысяч учителей.

Фото И. Дилиса.

Весьма популярным стал в Вильнюсе клуб молодых ученых «Под Зодиаком». Собрания клуба посещают и известные деятели науки Литвы. Устав клуба, кроме всего прочего, требует, чтобы члены его были находчивыми и остроумными. А для серьезных ученых это, как правило, не так уж трудно!

Фото Я. Урбайте.

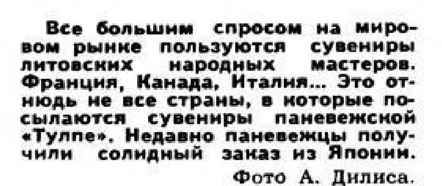

Недавно действительному члену Академии медицинских наук СССР, профессору Зигмасу Янушкевичусу была присуждена Государственная премия СССР. Институт, которым руководит профессор, широко известен своими важнейшими исследованиями сердца и кровеносных сосудов.

Фото А. Бразайтиса.

СЛУЖБА БЫТА

Все большим спросом на мировом рынке пользуются сувениры литовских народных мастеров. Франция, Канада, Италия... Это отнюдь не все страны, в которые посылаются сувениры паневежской «Тулпе». Недавно паневежцы получили солидный заказ из Японии.

Фото А. Дилиса.

Журнал «Швитурис» и потребительская кооперация Литвы организовали конкурс литовских национальных блюд, в котором приняло участие почти 30 районов республики. Каждый район предъявил дегустационной комиссии более 200 блюд литовской кухни. Повара алитусского ресторана даже пальчики облизывали, пробуя кушанья, которые приготовили колхозницы по старинным рецептам. Многие блюда, отобранные на конкурсе, будут включены в меню столовых, кафе, ресторанов.

Фото А. Валунаса.

В старой мельнице, что находится на территории колхоза «Гедра», в Радвилишкском районе, каунасские любители-охотники открыли музей охотничьего быта и трофеев. На первом этаже столетней ветряной мельницы вы увидите старинные жернова, сито, гарнец и другие мельничные принадлежности. На втором — шкуры, рога, клыки, чучела зверей и птиц, охотничье оружие. На самом верху — уютная комната отдыха.

Фото А. Дилиса (ЭЛЬТА).

РОЖДЕНИЕ

(Начало см. на стр. 1.)

Несколько лет назад нам попытались подставить ножку — правительство ФРГ наложило вето на продажу Советскому Союзу труб большого диаметра. Эта нашумевшая история всем хорошо памятна. Подножка не удалась. Трубы, в которых нам отказали купцы, мы стали делать сами — в Челябинске, Жданове, Новомосковске, Харцызске... Но потребности продолжали расти, и, чтобы их удовлетворить, решили построить новый завод — мощный, высокопроизводительный, самый современный. Быть ему определили у города Волжского. Выбор места был подсказан точным расчетом: степной рельеф исключал лишние земляные работы, под боком такая удобная транспортная магистраль, как Волга, энергетическая база тут же, в черте города,— Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС. Кроме того, не требовалось создавать новую строительную организацию, набирать и везти откуда-то рабочих: они живут в самом Волжском, который первоначально и был-то построен именно для них, возводивших в свое время эту ГЭС.

Составить строительный проект поручили днепропетровскому институту «Укргипромез», спроектировать и сделать оборудование предложили чехословацкой фирме — послали технический запрос. Ответ пришел быстрее, чем ожидали. Прикинув свои возможности и сделав предварительные расчеты, фирма согласилась выполнить заказ. В январе 1967 года был подписан контракт. Как раз в то время степь обнесли колышками. А в ноябре 1969-го завод выдал первую трубу.

Когда видишь этот гигантский цех, равный нескольким средней величины заводам, с трудом веришь, что все это создано в столь короткие сроки. Но завод уже живет, живет в разноцветных огоньках пультов, во вспышках пламени сварки, в негромком урчании механизмов. Захватив два пролета, выстроились пять станов первой группы, а в двух соседних пролетах уже идет монтаж второй очереди. И очень забавно выглядит в огромном пролете одинокий токарный станок. Он тут поставлен на время наладки: если вдруг срочно какая-то мелочь понадобится, чтобы не бегать далеко, а тут же ее и выточить. Всего в цехе таких пролетов двенадцать, занимают они площадь в восемнадцать с половиной гектаров, и «урожай» с них будет собираться весьма весомый — сотни тысяч тонн стальных труб в год.

Первую трубу погрузили на машину, написали на ней доброе приветствие и 7 ноября торжественно провезли по городу в колонне демонстрантов. С тех пор труб уже сделано много, но слова «первое», «впервые» здесь в большом ходу — завод ведь, по существу, только рождается.

Вот пришла первая экскурсия: студенты Волгоградского металлургического техникума сгрудились у стана, их захватило удивительное зрелище рождения трубы. Не исключено, что кому-то из них предстоит в недалеком будущем работать здесь.

...Толстая полоса стали уперлась в направляющие ролики и начала закручиваться на манер цигарки-самокрутки, прозванной «козьей ножкой». Только края не накладывались друг на дружку, а шли встык, кромка к кромке. Склеивались эти кромки огненными языками сварки, сразу двумя швами, одним—изнутри, другим—снаружи. И выходила с другого конца стана готовая, бесконечно наращивающаяся труба. Когда она достигла заданной длины, включился аппарат плазменной резки. Его каретка двинулась за трубой и на ходу ровненько, как бритвой, отрезала ее. Внутри трубы бушевало пурпурное пламя, а снаружи фиолетовое: это светились пары железа. Оно не плавилось, оно сразу испарялось...

Экскурсантам, конечно, невдомек, что у оператора, управляющего плазменной резкой, сегодня событие: он ведет свою первую самостоятельную смену. Оператора зовут Володя Пьянков (фамилия совершенно не соответствует его трезвому нраву), и приехал он сюда два года назад из Сумгаита. Там тоже работал на трубном заводе, но услыхал о строительстве волжского гиганта и решил, что должен в этом участвовать.

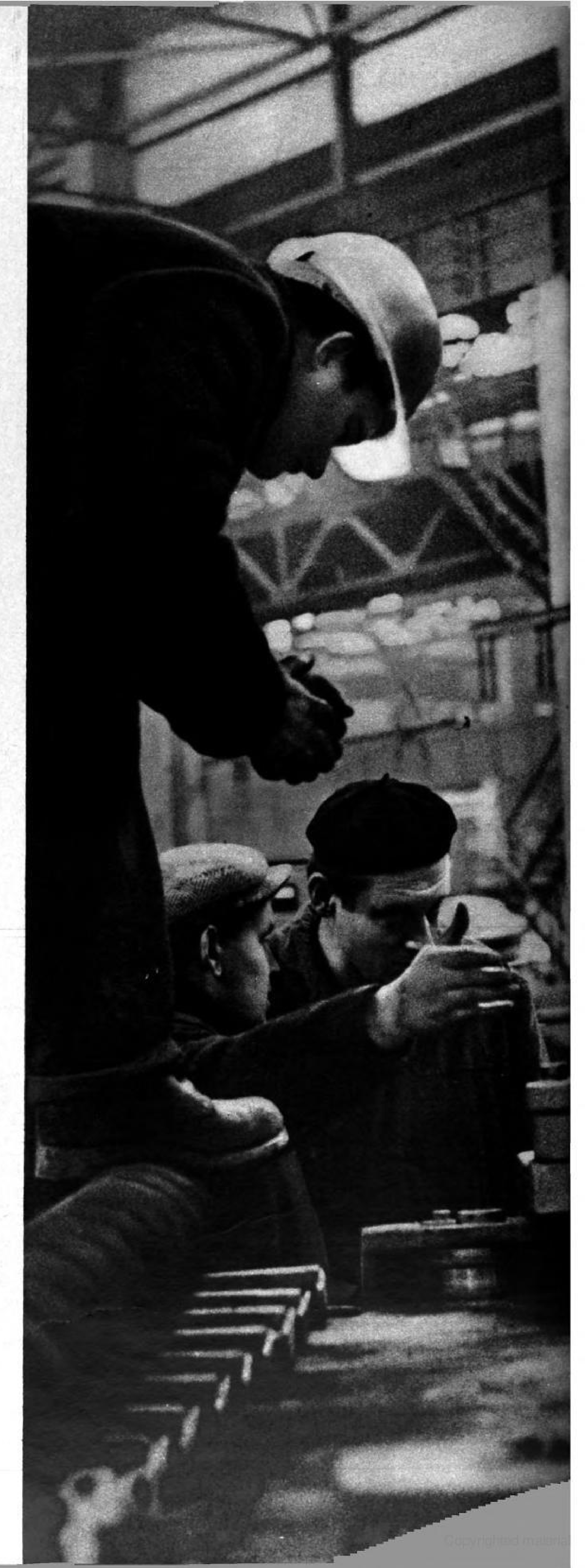
— Плазменная резка, по-моему,— самое интересное место на стане,— говорит нам Володя,— я бы даже сказал, фантастическое. С одной стороны, все вроде бы очень просто, на установку подается только вода и электричество. А под электродом начинаются чудеса: вода разлагается на кислород и водород, который служит источником плазмы. Она и режет трубу. Температура при этом достигает тридцати тысяч градусов, а на поверхности Солнца — всего шесть тысяч! Правда, здорово? До сегодняшнего дня я был дублером, теперь сам работаю. Вся наша смена уже несет вахту самостоятельно.

Шеф-монтаж и наладку оборудования ведут чехословацкие специалисты. Их тридцать человек. Возглавляет группу директор шеф-монтажа Франтишек Плшек.

— Мы знаем, что строим здесь завод большого значения,— начал он свой рассказ.— И строим его в тесном, товарищеском сотрудничестве с советскими специалистами и рабочими. Для нас это вторая совместная стройка: в ЧССР вся наша группа работала в Кошице, где возводился самый крупный в Чехословакии металлургический комбинат. Создавался он с помощью Советского Союза. И нам тем более приятно теперь работать здесь. Это еще раз доказывает, что кооперирование промышленности социалистических стран позволяет наиболее успешно и выгодно строить сложнейшие современные предприятия. Заказ, который получила наша страна по Волжскому трубному заводу, очень для нас выгоден. Мы в шутку даже называем его заказом века. Над ним работали четыре наших крупнейших завода — Витковицкий в Остраве, Ждярский, ЧКД в Праге и завод сварочного оборудования в Хотеборже. Около пятнадцати заводов-смежников поставляли различное сравнительно мелкое оборудование.

Наша промышленность прежде такие станы не выпускала. Все начинали с азов. Тут нам очень помогли советами ваши товарищи, уже имевшие дело с подобным оборудованием. Благодаря им мы одолели все трудности, исправили все ошибки еще в процессе производства. Многие технические задачи решали совершенно по-новому. Что это дало? Например, вот что: теперь можно быстро перестраивать стан на производство труб самых разных диаметров — от 530 до 1 420 миллиметров.

Сейчас, как видите, ведем монтаж оборудования и готовим рабочих, которым придется это оборудование эксплуатировать. То и другое идет успешно, в сроки укладываемся. Уже целые смены

приступили к самостоятельной работе.

— А какое у вас самих впечатление о цехе?

— Нам он очень нравится. Впрочем, родителям всегда нравятся их дети. Думаем, что на всех он произведет большое впечатление. Специалистов поразят масштаб и технические новшества конструкторского решения. А экскурсантам завод покажется гигантской игрушкой, чем-то вроде игрушечной железной дороги больших размеров, где все управляется кнопками. Все здесь построено на автоматике. Людей мало, работы много.

— А в городе Волжском вам нравится?

— Нравится — не то слово. Мы были очень взволнованы, когда приехали сюда. В этих местах проходила самая грандиозная битва минувшей войны. Совсем рядом, через Волгу, сражался Сталинград. Мы много читали об этом, видели в кино. Но это не то. Сейчас, когда мы побывали на Мамаевом кургане и услышали рассказ об обороне города, где был совершен великий подвиг, мы почувствовали... О чувствах вообще трудно говорить. О таких сильных — тем более. Пожалуй, можно это назвать чувством бессмертия. Бессмертия нашего общего дела. Несокрушимости социализма...

Франтишек задумался, помолчал и снова — о нем, о городе Волжском.

— Нам здесь и люди нравятся и природа. Лето вспоминаем с удовольствием. Зимы, правда, опасаемся, но уже готовим лыжи, даже места для прогулок присмотрели, только снега что-то все нет...

По снегу тоскуют не только чехословацкие друзья. Были мы в квартире, где стоят четыре пары лыж — две пары больших и две пары маленьких. По телевизору показывали каких-то лыжников, и Ирина сказала мужу:

— Видишь, люди уже на лыжах ходят! А ты нас куда затащил, может, тут снегу и вовсе не будет...

Впрочем, это она так, в сердцах. Никто никого никуда не «затаскивал». Только ведь от Урала враз не отвыкнешь... И тот вечер, что мы провели в этой дружной семье, был почти полностью посвящен воспоминаниям о чудесном уральском крае.

А наутро мы встретили главу семейства Николая Александровича Богатова в цехе и опять услышали об Урале, правда, косвенно: Николай Александрович вел довольно крупный разговор с начальником одного из участков.

— Ты тут за все отвечаешь, в том числе и за эстетику. Мотор так оградить надо, чтобы красиво было. Если с самого начала ляпать начнем, ни вида не получится, ни чистоты. Надо, чтобы все было, как на «Северке»,— мозаичный пол, и никакой грязи!

«Северка» здесь ставится в пример, с нею у Николая Александровича Богатова связано очень многое. Северский трубный завод на Урале инженер Богатов строил, пускал. Там он и работал и приобщался к науке, защитил кандидатскую...

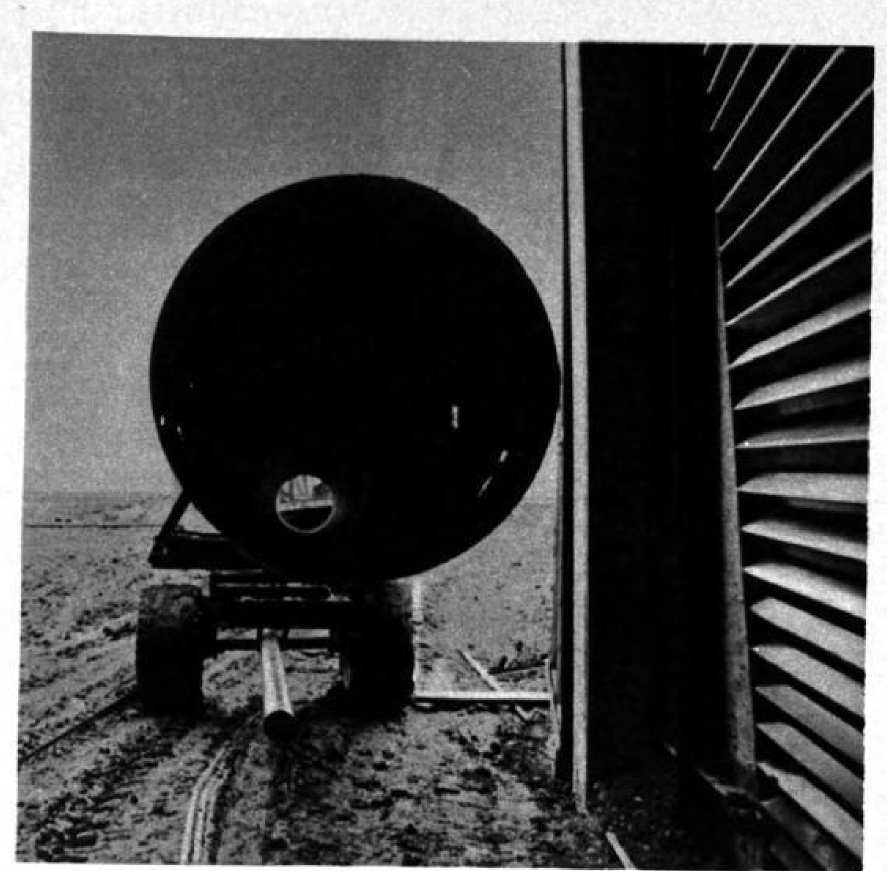
Внешне Богатов очень похож на артиста Михаила Ульянова, точнее, на его Трубникова из фильма «Председатель». По этой ассоциации мы часто оговаривались, называя его между собой Трубниковым. Ей-богу, ему эта фамилия была бы как нельзя впору. Потому как «трубник» он до мозга костей, производство это знает досконально, кандидатская сделана тоже по трубам, и по ним же выданы ему двенадцать авторских свидетельств на изобретения.

Хотел было Богатов уйти в чистую науку, поехал в министерство проситься в институт, а ему предложили вдруг на Волжский трубный главным инженером. Позвонил из Москвы в расстройстве жене (она тоже инженер-трубник, в производственном отделе работает), а та и говорит:

— Чего ты огорчаешься, надо поехать посмотреть, тогда и решать...

Поехали, посмотрели, понравилось. Вернулись на Урал, забрали своих двух девочек и переселились на Волгу. И лыжи прихватили: спорт в семье уважают. Это и по походке Николая Александровича видно, очень уж он стремительно двигается. Мы идем по цеху, и он на ходу рассказывает:

— В науку не отпустили, ну да ладно, производство тут интересное. Ответственность, конечно, большая, впервые я главным инженером. Перспективы завода широки необыкновенно. Цех хоть и гигантский, но это только часть того, что будет. Сейчас он полкилометра длиной, а станет чуть не вдвое больше. И разместятся здесь еще два производства — термоотдел для упрочнения труб, чтобы они могли выдерживать давление до семидесяти пяти атмосфер, и отделение покрытия труб. Дело в том, что некоторые месторождения дают высокосернистый газ, и съедает он трубу за год. Чтобы жизнь трубе продлить, будем покрывать ее снаружи полиэтиленом, а изнутри

И повезли трубу на ГЭС.

С точностью до доли градуса.

Язык техники одинаково понятен и чехословацким и советским специалистам.

Улица города Волжского.

смолами. Потом на очереди цех подшипниковых труб, трубоволочильный, прессованных труб — очень высокого качества, для котлостроения. И еще запланирован опытно-промышленный стан, который должен быть в пятнадцать раз производительней ныне существующих.

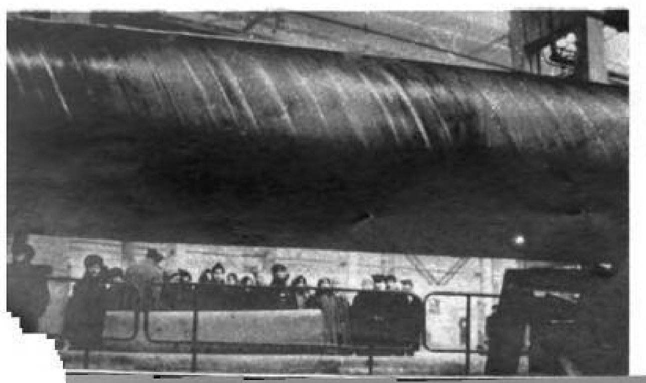
— Тут вам, Николай Александрович, материала не на одну докторскую хватит...

Богатов рукой махнул:

— И без докторской только успевай поворачиваться! Я ведь и на «Северке»-то диссертацию, так сказать, попутно сделал. А здесь все новое. И забот сколько!.. Чехи только два года будут снабжать нас всем необходимым. За это время мы все должны сами освоить. В контакте с нами пятнадцать исследовательских институтов работать будут, да еще предприятий сколько... А народ подготовить и обучить? Первые трубы для завода — как для родителей первые шаги их дитяти. А дитя наше огромное, вроде Гаргантюа, аппетит у него волчий — спасибо, вовремя подоспел на Новолипецком комбинате стан «2 000», с него стальной лист идет высококачественный.

Мы долго не могли понять, чем нам так нравится Богатов. А потом как-то сразу стало ясно — очень уж он под стать заводу: и молодой, сорок лет ему еще, и знающий, и нет в нем «замотанности» иных руководителей, и элегантен всегда, и бодр, и деловит. Словом, типичный современный инженер. До всего у него руки доходят: и выполнение графика работ, и вешалки в столовой, и общежитие. Впрочем, над проблемой жилья заводские руководители ломают головы чуть ли не на каждой оперативке. Дома, правда, строятся, но темпы, как говорится, пока не те. Специалисты съехались со всех концов страны, с других трубных заводов, и живут без семей. Некоторые из них обосновались в гостинице. Гостиница, между прочим, отличный информационный центр, где о заводе можно узнать очень многое. Заботами трубного сейчас живет весь город, как жил до этого заботами химкомбината, абразивного и подшипникового заводов — их тоже возводил «Волгоградгидрострой».

Соседкой нашей по гостинице оказалась инженер из Москвы Нина Сергеевна Залесская, сотрудница ЦНИИЭПжилища. Институт этот опекает строительство жилья в Волжском, и приехала Нина Сергеевна с приятной миссией — привезла на домостроительный комбинат новую документацию, по которой здесь скоро начнут строить дома. Красивые, с удобной внутренней планировкой, хорошей отделкой. Уже проектируется и второй домостроительный комбинат, который позволит полностью ре-

Первая экскурсия.

Директор шеф-монтажа Франтишек Плшек.

Галя Лозикова и Надя Горемыкина на заводе первый день.

Перекур.

шить проблему жилья. Город за ближайшие годы вырастет вдвое.

И еще одна интересная встреча в гостинице. Приехал вечером человек, а мест свободных нет. Взяли мы его к себе в номер, благо, у нас диван пустовал. И сразу себя почувствовали, как... на заводе. Тут же народ повалил. Не к нам — к нему. И пошел разговор, пересыпанный терминами «перемычка», «ось», «арматурный участок», «башмак»... Наш новый знакомый оказался руководителем группы проектировщиков. Он осуществляет авторский надзор над строительством цеха. И для него это первый авторский надзор, потому что Валентину Давыдову всего тридцать два года. В Волжском он живет месяцами, лишь изредка наведываясь домой в Днепропетровск.

— Вот ведь какая семейная жизнь пошла,— смеется Валентин,— получаю от жены телеграмму: дома все в порядке, болты заменять нельзя! Жена тоже в проектном институте, в том самом, что готовил рабочие чертежи здания цеха. Словом, завод этот — дело хлопотное. Вроде бы проект есть, строй спокойно, только так не получается. Это как мебель в новой квартире расставлять: если на бумаге прикидываешь, все на месте, а в натуре что-то не лезет или неудобно стоит. Жизнь, она всегда новое диктует и лучшего требует. Я вот когда-то музыкальную школу окончил, привык по нотам в уме мелодии проигрывать, а теперь таким же манером чертежи «проигрываю», только это посложнее: все, кажется, предусмотрено, а нет-нет да поймаешь фальшивую ноту, надо поправлять на ходу. В этом и заключается авторский надзор. Пока все нормально — звучит цех, хорошо звучит...

Цех звучит и в буквальном смысле. Как-то забрались мы на его крышу, где над пролетами полощутся красные флажки и раскатывают десятки мотороллеров—подвозят битум кровельщикам. Дул пронизывающий ветер, и краснощекие девчата под звуки индийской музыки, льющейся из динамиков, доделывали кровлю последнего пролета.

— С тропической музыкой и работать теплее,— шутит девичий бригадир Светлана Байбурова.— А ну-ка, сфотографируйте Валю Беляеву, она у нас из шестнадцати девчат самая молодая.

— А вы?

— Я самая старая, мне уже двадцать один, а Вале только восемнадцать... Мы всей бригадой сюда приехали из Нижнекамска, там химкомбинат строили...

А трубы идут... Мы узнали, как были проданы первые две. Приехал за ними на тракторе с прицепом первый покупатель — снабженец с Волжской ГЭС, Ном Шамилевич Гиреев, расторопный, как все снабженцы. Понадобились они срочно: на ГЭС вышла из строя труба для отвода дренажных вод, и ее надо было срочно заменить. Рассчитывал Гиреев увезти сразу две, да не вышло: очень уж здоровенные. По одной пришлось брать.

Трактор вытащил первую «деловую» трубу за ворота цеха и повез на ГЭС.

Главный инженер Николай Александрович Богатов.

Вечерний час в библиотеке.

Спорт № 1 города Волжского — теннис.

КНИГИ О ВОЖДЕ

М. ЛАПШИН

В этой статье речь пойдет о литературно-художественной Лениниане. Естественно, нельзя проанализировать все произведения об Ильиче, опубликованные за пятьдесят два года Советской власти. Только библиографический перечень их занял бы несколько печатных листов. Поэтому я остановлюсь на наиболее существенных книгах, появившихся в последние годы.

М. Горький и В. Маяковский своими бессмертными произведениями о Ленине заложили те основные эстетические тенденции художественной Ленинианы, которые успешно развиваются в наше время. Эти тенденции, опирающиеся на горьковский метод социалистического реализма, диктуют непременные условия — показывать Ленина в тесной связи с историей и эпохой, характеризовать его в единстве как вождя и человека. Все это мы можем увидеть в лучших эпических произведениях о Ленине, вышедших в последние годы,— многоплановых книгах М. Шагинян, Е. Люфанова, А. Коптелова, М. Прилежаевой, М. Соколова. Эти произведения показывают Ильича в различные периоды его жизни и революционной деятельности.

Выбор этих книг не случаен. Во-первых, они объединены жанровым эпическим признаком; во-вторых, широко доступны, потому что в последние годы были изданы массовыми тиражами; в-третьих, указанные произведения — результат долголетнего труда писателей, живущих в различных городах нашей страны; в-четвертых, в этих эпических произведениях отражаются те общие художественные тенденции, которые характерны для наиболее значительной сегодняшней художественной Ленинианы.

Лучшее, что создано в художественной Лениниане,— не только наша славная история, но и верное оружие. Молодое поколение стремится походить на своих отцов и дедов, учится у них революционной отваге и гражданскому мужеству. И, естественно, художественная летопись жизни Ленина выступает как школа жизни, как школа патриотизма, которая приносит и еще долго будет приносить свои драгоценные плоды.

В 1969 году в издательстве «Художественная литература» вышла книга старейшей советской писательницы Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых». В ней две части. Первая — «Рождение сына» (в ранних изданиях называлась «Семья Ульяновых»), над которой Шагинян работала четверть века и рукопись которой в свое время читала Н. К. Крупская,— уже прочно вошла в золотой фонд Ленинианы. Вторая часть — «Первая Всероссийская» — завершена автором в последние годы.

Роман-хроника Шагинян — одно из лучших произведений советской литературы о семье Ульяновых, о детстве Владимира Ильича.

«Первая Всероссийская» охватывает начало семидесятых годов. Это было труднейшее время, когда после нечаевского процесса «на губы народа повесили замок». Центральным событием тех лет было открытие в Москве первой в России Политехнической выставки, приуроченной к двухсотлетию со дня рождения Петра. Используя выставку как фокус, в котором сконцентрировалось «все и вся», Шагинян скрупулезно, документально точно исследует и живописует развитие русского общества и общественной мысли в то далекое от нас время.

В «Первой Всероссийской» не только объективно осмыслено прошлое, но и верно схвачены перспективы. Анализируя спад общественного движения в год выставки, автор докапывается и до тех скрытых процессов, которые «бурлили в тогдашнем обществе». Как показывает писательница, катализаторами этих процессов выступали не только радикально настроенные юноши и девушки — будущие народовольцы, но главным образом различного рода просветители и особенно народные учителя, через руки которых проходила добрая половина передовых людей семидесятых и последующих годов. Вместе с Ильей Николаевичем Ульяновым они основные герои романа.

Писательница показывает начало симбирского периода жизни и деятельности старшего Ульянова, когда он был назначен инспектором народных училищ. Человек, увлеченный идеей «просвещения низов», Илья Николаевич приложил титанические усилия по созданию народных училищ. Этой подвижнической деятельностью он занимался в то время, когда черносотенный министр просвещения Дм. Толстой старался ничего не оставить от демократических реформ 60-х годов. В пургу и слякоть, по бездорожью и в холод старший Ульянов постоянно был в разъездах по школам. Страницы, на которых автор описывает, как помогает инспектор народных училищ учащимся детям, самые поэтические и увлекательные в романе.

Илья Николаевич исповедовал передовые педагогические принципы своего времени — демократизм, народность, уважение к «инородцам». Эти принципы он проводил последовательно и свято. Автор цитирует пролежавшие целое столетие так называемые синие тетради — протоколы объединенных учительских советов, в которых,«как живая мушка в золотом соку янтаря, запечатлелась мысль человеческая, интересная для потомков». Читаешь эти протоколы и чувствуешь, сколько в них полезного для сегодняшней нашей педагогики.

В другую обстановку, отдаленную пятнадцатью годами от книг М. Шагинян, переносит нас роман воронежского писателя Евгения Люфанова «Самый короткий путь», опубликованный в третьем и четвертом номерах «Подъема» за 1969 год.

Роман повествует о первом студенческом семестре семнадцатилетнего Ленина, о его учебе в Казанском университете. Об этом периоде жизни Ильича до сих пор не было написано приметных художественных произведений. «Самый короткий путь» удачно заполняет этот пробел.

Началу учебы Владимира Ульянова в университете предшествовало несколько трагических событий. За полтора года до этого умер отец. А в мае 1887 года за участие в покушении на царя был казнен брат. Владимир, оставшись старшим мужчиной в семье, с чрезвычайной ответственностью отнесся к своим обязанностям. Несмотря на роковые удары судьбы, он с золотой медалью окончил гимназию и стал студентом.

— Мы пойдем другим путем...— сказал молодой Владимир Ульянов. Автор показывает начало этого «другого», «самого короткого пути». Люфанов очень удачно, эмоционально и взволнованно рисует студенческую жизнь Ленина, атмосферу Казанского университета тех далеких лет.

С первых дней появления Владимира в среде казанских студентов самыми близкими его товарищами стали старшекурсники. Некоторые из них были на пять-шесть лет старше, но принимали его в свой круг как ровесника. И не случайно первокурсник Ульянов был душой знаменитой университетской сходки, на которой произнес революционную речь.

За активное участие в этой студенческой сходке Владимир Ульянов был исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино, Черемышевской волости, Лаишевского уезда, «без наездов в Казань».

Роман кончается пребыванием молодого Ленина в Кокушкине. Предстояло еще тридцать лет, долгих тридцать лет, чтобы «самый короткий путь», начатый на революционной сходке в Казанском университете, привел к революции.

Хронологически к роману «Самый короткий путь» примыкают книги о Ленине Афанасия Коптелова.

В 1963 году был опубликован его роман «Большой зачин». Через два года вышла первая книга нового романа «Возгорится пламя» и совсем недавно вторая («Советский писатель», 1969, и «Роман-газета», 1969, № 16). Все эти три книги охватывают ранний период жизни и деятельности Ленина — его сибирскую ссылку в Шушенском.

Писатель воссоздает Сибирь конца прошлого столетия. Воссоздает широко, свободно, щедро вкладывая в повествование не только то, что изучил по архивам, что пережил и передумал, но и свое умение увлекать и убеждать читателя. Коптелов не морализирует, а показывает жизнь в ее подлинном историко-революционном движении, читатель же сам делает для себя выводы.

Афанасий Коптелов пишет впечатляюще не только о Ленине, но и обо всех его близких, о соратниках и единомышленниках.

Романы Афанасия Коптелова отличаются тщательностью повествования. Это хорошо. Но кое-где достоинство перерастает в недостаток. Иногда за тщательностью чувствуется необязательность отдельных эпизодов, сцен, которые тормозят действие и в некоторых местах придают ненужную статичность. Хотелось бы, чтобы в заключительной книге, над которой автор сейчас трудится, было больше динамичности и экспрессии.

Ленинская тема является главной и в творчестве писательницы Марии Прилежаевой. Первым ее произведением об Ильиче явилась повесть «Начало» (1957), посвященная начальным революционным шагам молодого Владимира Ульянова. Следующая повесть — «Удивительный год» (1966) — живописала шушенскую ссылку Ленина. Последняя повесть — «Три недели покоя» («Роман-газета», 1969, № 17)—рисует начало первой эмиграции Владимира Ильича и выпуск газеты «Искра».

В 1900 году тридцатилетний Ленин вместе с матерью и старшей сестрой совершил поездку по Волге и Каме из Нижнего в Уфу к Надежде Константиновне, отбывавшей здесь последние месяцы ссылки. Эти «три недели покоя» — сюжетная основа новой повести Прилежаевой.

Еще в шушенской ссылке Ленин разработал план создания общерусской социал-демократической газеты. Во время своей поездки по Волге и Каме он формирует авторский актив, вербует будущих распространителей «Искры». Сколько сделано Лениным за эти три недели «покоя», сколько проведено нужных и полезных встреч!

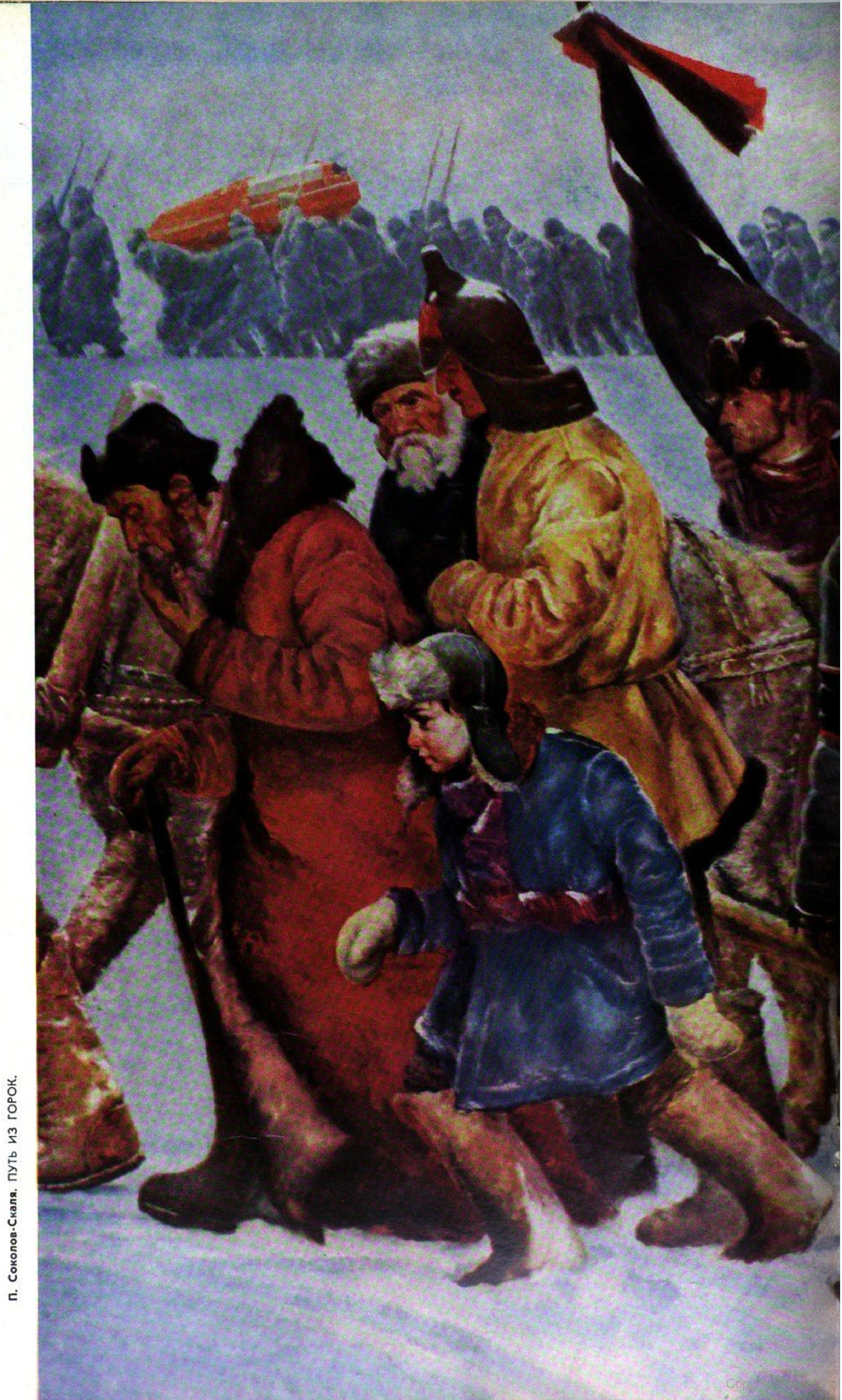
Большая удача писательницы — воссоздание поэтического образа молодой Крупской. Перед нами светлый и прекрасный облик Надежды Константиновны, человека большого гражданского мужества, располагающего к себе неподкупной совестью, органической честностью.

В конце повести мы видим Владимира Ильича в Лейпциге, где 11 (24) декабря 1900 года в типографии Германа Рау выходит первый номер «Искры». «...Владимир Ильич держал в руках первый номер газеты... Несколько минут стоял молча. Сбывалось то, о чем он так много думал в ссылке, что готовил с таким трудом и надеждами!»

Пройдет семнадцать лет, и из зажженной Лениным «Искры» разгорится пламя революционного пожара, которое сожжет дотла и царскую монархию и буржуазную власть в России.

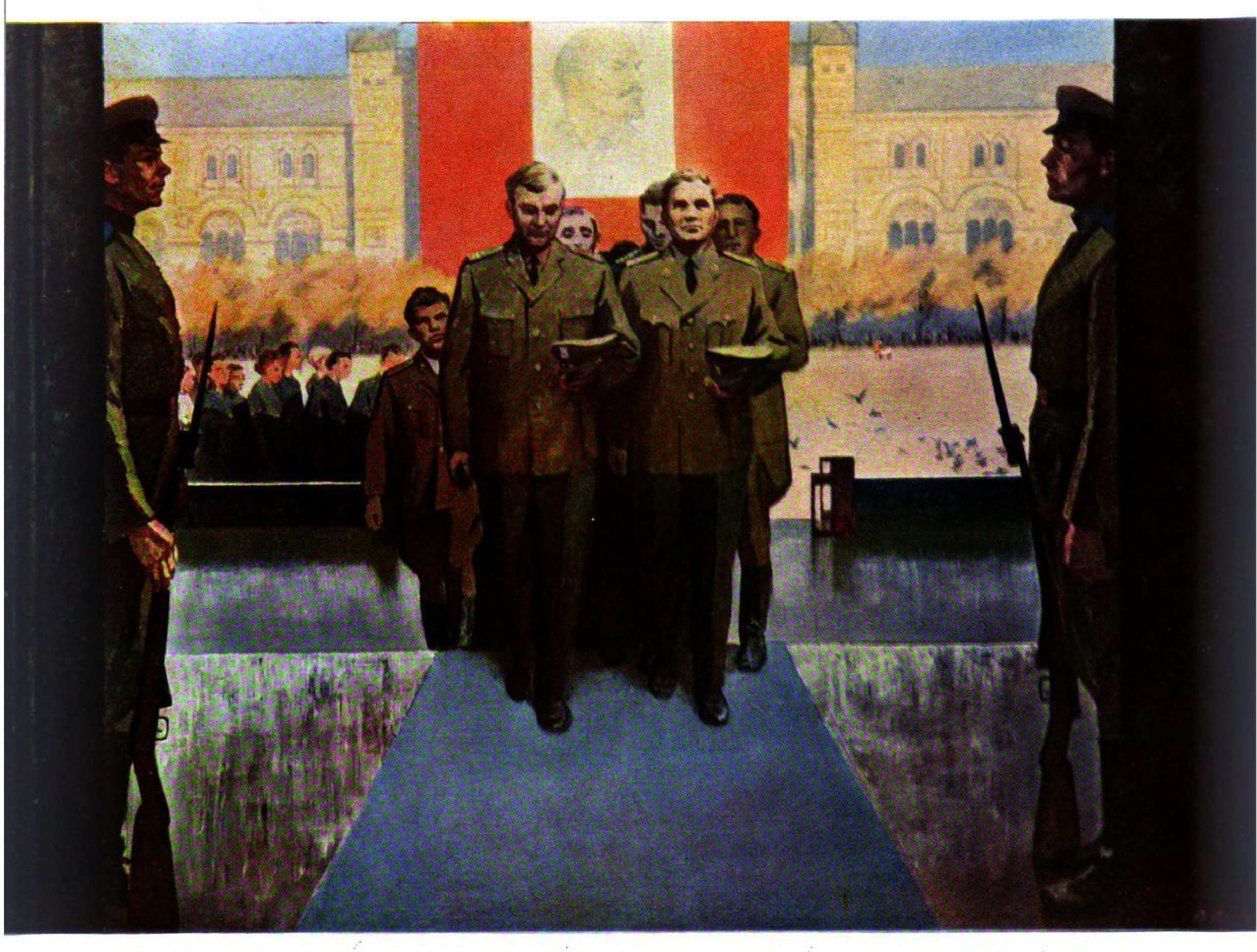
О том, как это происходило, рассказывает ростовский писатель Михаил Соколов, который трудится над ленинской темой более тридцати

В. Серов. ГОРКИ. 23 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА.

П. Соколов-Скаля. ПУТЬ ИЗ ГОРОК.

В. Правдин. К ЛЕНИНУ.

лет. В 1967 году в столичном издательстве «Советский писатель» вышла третья книга его эпопеи «Искры». Недавно в журнале «Дон» была напечатана заключительная часть.

В первых двух книгах Соколов показал Россию в годы великих социальных потрясений — в конце прошлого и начале нынешнего века. Последние книги посвящены событиям общественно-политической жизни России после разгрома первой русской революции 1905 года.

Почти все герои третьей и четвертой книг «Искр» самыми различными путями связаны с Лениным и Крупской. И не случайно в них образ Владимира Ильича занимает значительное место.

В четвертой книге повествуется о жизни и деятельности Ильича в годы второй эмиграции.

Писатель как бы видит Ленина в обстановке тех далеких дней. Человек, ставший «нашей совестью, нашим чувством», изображен автором «близко зримым». И эта профессиональная внимательность не только к вопросам, обсуждавшимся на Стокгольмском и Лондонском съездах, но и к человеческим чертам молодого Ильича помогает нам лучше увидеть «самого человечного человека».

Как указывалось, эпопея Михаила Соколова охватывает большой период в жизни России. Естественно, что такой широкий охват событий таил в себе опасность сбиться на иллюстративность, эскизность, фрагментарность. В «Искрах» действительно встречаются страницы информационно-обозревательные. И не только там, где без них не обойтись. Такие страницы заметны и в последних книгах. Порой автор явно злоупотребляет хроникальными пересказами различных исторических фактов, превращая их в норму повествования, подменяя художественный показ простым сообщением о совершившихся событиях.

Видимо, Михаил Соколов еще вернется к своей эпопее.

В последних эпических произведениях об Ильиче явно ощущается новая, более высокая степень «исторического видения». Крепнущий историзм писательского осмысления предреволюционных, революционных и послереволюционных лет помогает изображать вождя партии и государства более глубоко и всесторонне.

Сегодняшняя Лениниана все более активно переходит от камерных произведений к многоплановым, развернутым, эпическим полотнам с широким кругом событий.

Говоря о достижениях современной Ленинианы, а они очевидны, нельзя не сказать и о недостатках. Читая не только лучшие художественные книги о Ленине, нетрудно заметить, что отдельным авторам не хватает всестороннего осмысления исторических событий, партийной проекции их на день сегодняшний. Это выражается прежде всего в отходе от конкретно-исторического освещения фактов революционной борьбы, в преувеличенном внимании к какой-то одной черте Ленина, абсолютизации в его характере доброты, жалости.

Ленин был не просто гуманистом. Его гуманизм был революционным. Превыше всего он ставил интересы партии и народа. Никогда не колебался в выборе средств для защиты этих интересов. В обращении «К партии. Ко всем трудящимся», принятом экстренным пленумом ЦК РКП(б) в связи со смертью Ленина, говорилось: «Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для Ленина не было».

Как совершенно справедливо было сказано на последнем писательском съезде, «всегда и всюду, когда мы соприкасаемся с темой Ленина и революции, с особой силой должны мы чувствовать ответственность за глубокое содержание, за партийную целеустремленность, за высокое художественное мастерство. Здесь не может быть места ни субъективизму, ни ремесленничеству».

От того, с каких позиций, с какой проникновенностью, с каким мастерством пишутся художественные книги о Ленине, зависит их конечная ценность — воздействие на ум и сердце читателя.

ЗВОНКИЕ ГОЛОСА СИБИРИ

Сибирь и Север для него открытая книга. Он плавал на лодке-илимке по Подкаменной Тунгуске и мчался на оленях под сполохами северного сияния из Туры к фактории Усть-Илимпея. Он входил в чумы эвенков и взбирался на бетонные громады сибирских гидроэлектростанций. Тува, Алтай, Хакассия, Байкал, Норильск, Игарка, Туруханск, Диксон, Якутия... Есть ли маршруты более суровые, но и более романтичные!

И когда он возвращается из дальних странствий, пропахший морозной хвоей и дымом кочевий, полный впечатлений от пережитого, по-ребячьи восторженный, подвижный, смеющийся, мы знаем, что уже завтра будем читать стихи о дорогих его сердцу полярниках, оленеводах, капитанах кораблей, строителях, звероловах, следопытах... И читаем эти стихи, здоровые, крепкие, рабочие стихи, читаем их в «Правде», «Известиях», «Комсомолке», в «тонких» и «толстых» журналах Советского Союза.

Таков поэт Казимир Лисовский, награжденный недавно орденом Трудового Красного Знамени.

Мне особенно приятно писать эти строки потому, что и моя поэтическая биография началась в Сибири, потому, что Казимир Леонидович был моим наставником и по сей день щедрый на добрую поддержку друг.

И когда мне впервые довелось пройти и проехать сибирскими дорогами, пусть они не составили и десятой доли расстояний, пройденных Лисовским, я убедился, насколько точен и зорок глаз поэта. Дива сибирские увидены поэтом въявь, глубоко прочувствованы, и потому стихи его обладают завидной убедительностью. И, конечно, самые теплые свои слова Казимир Лисовский отдал людям, населяющим его величавый край. Так приложимо к нему — певец Сибири.

«Разумеется,— пишет о себе Лисовский,— это отнюдь не значит, что мне чужды другие темы, другие «географические широты»...». Известны взволнованные строки поэта о его родине — Винничине, прелестные крымские мотивы, стихи о Польше. «Но,— продолжает Казимир Леонидович,— Сибирь по-прежнему осталась моей первой любовью».

Здесь в 1933 году в иркутской пионерской газете появилось его первое стихотворение, «Ангара». Здесь, в Красноярске, вышла его первая книга стихов, символически названная — «Клятва». Здесь, в Шушенском, он прикоснулся к священной памяти Ленина, и сколько благодарных слов исторгло чувство любви к родному Ильичу! Здесь Казимир Лисовский сложился как поэт и гражданин.

Ему пятьдесят лет. Сделано много. Несколько десятков томиков стихов, поэм, путевых очерков венчают многолетний труд литератора. А впереди новые пути-дороги, новые поэтические открытия. Одна из северных миниатюр Казимира Лисовского заканчивается словами о счастье. В чем же оно? Да в том, чтобы

Остался на множество лет,
Может, маленький мой,
Может быть, и совсем незаметный
Среди прочих следов,
Но впервые проложенный след.

Твердый, уверенный след проторил и дальше проторит поэт в советской литературе.

Михаил ГОРБУНОВ

Человек родился в алтайском селе, всю жизнь прожил в Сибири и даже служил в армии на Дальнем Востоке, а затем участвовал в войне с Японией. И сейчас Василий Михайлович Пухначев, как и в молодые годы, колесит по разбуженной Советской властью сибирской земле, живет в сказочно разросшемся Новосибирске.

Но имя его известно не только в любом уголке нашей необъятной страны, оно знакомо и за ее рубежами.

Это вполне закономерно и понятно. Песни на слова Василия Пухначева исполняют Государственный русский народный хор имени Пятницкого, Большой хор Всесоюзного радио, Государственная академическая хоровая капелла БССР, Государственный сибирский народный хор и многие другие ансамбли, популярные у нас и за рубежом, и тысячи самодеятельных коллективов.

Василий Михайлович Пухначев — создатель либретто оперы «Ермак», его «Сказки старого Тыма» много раз издавались и переиздавались. На слова его песен написаны мелодии такими талантливыми композиторами, как В. Мурадели, А. Долуханян, В. Левашов, Г. Носов.

Василий Пухначев, безусловно, современный поэт. В этом убеждаешься, читая его поэму-трилогию «Сказ о Васюганье», стихи «Моя Сибирь», «Славься, Отчизна!».

Он слагает стихи о великих переменах, которые свершились на его родной земле всего лишь за полстолетия. Он воспевает людей, которые возвели гигантские плотины и гидроэлектростанции, построили в таежной глухомани новые светлые города, сумели добыть богатства, столетиями таившиеся в недрах. Он любит свой край и эту любовь передает читателям.

Творчество Василия Михайловича Пухначева молодо, оно не стареет, как все талантливое и народное. В расцвете своего дарования замечательный поэт-песенник, прекрасной души человек встретил свое 60-летие.

Михаил ХОДАКОВ

ТАЙНИК

«Сложный, с неравными сторонами четырехугольник: Фридрих, Анна, Марина, Ольга. Где перекрещиваются их дороги, с какого из этих четырех углов тянется нить к «Доб-1», к тайнику в Донском монастыре! И есть ли эта нить! А если да, то от кого и куда! И еще один немаловажный вопрос: что представляет собой Эрхард сегодня! Птицыну кое-что известно о его послевоенной жизни. А Гринбаум умолчал: где он и что делает сейчас бывший учитель немецкого языка! Почему филателист умолчал: по незнанию или умышленно! А мама и дочка, они знают! Что знают!»

О том, как советская контрразведка распутывает этот узел, в котором переплелись судьбы вражеских агентов и людей, случайно оказавшихся в связях с ними, рассказывает повесть А. Зубова, Л. Лерова, С. Сергеева «Тайник», которую мы начинаем печатать со следующего номера.

Отцовская синеющая даль...

Андрей МАЛЫШКО

СОНЕТЫ ОБУХОВСКОЙ ДОРОГИ

1

Привет тебе, родимая дорога,
В дождях, в пыли тут вьется колея,
Теперь другая радостно и строго
Уходит вдаль. Но все же ты — моя.

Ты в новый мир вела нас понемногу,
Как позволяла ширина твоя,

В буграх, с мостком у берега крутого,
Где и сейчас шумит дубков семья,

Где в непогоду кони рвали шлéи
И в школу шли босые Галилеи.

И небо им сияло круглый год
В шелках дождей и в пламени метели.
Теперь другая поросль там цветет,
А ты все та ж, как мать у колыбели.

2

А ты все та ж, как мать у колыбели,
Вся в зелени, с кустами по краям,
Где маки красные опять запламенели,
В густых ветвях не молкнет птичий гам.

Здесь у твоей обочины сидели
Кузнец и плотник с чарками в руках,
И чеботарь и хлебороб хмелели,
Топча в надежде этот древний шлях,

И сыновей тут внаймы провожали...
Лишь новый путь открыл иные дали:

Асфальтом крытый, прямо он прошел
И, как стрела, пробил леса и горы,
И меряет крылом степной орел
Его земные версты и просторы.

3

Его земные версты и просторы
Я от Карпат вобрал и по Сиваш.
Перепахали межи мы и норы,
Над миром новым флаг сияет наш.

Очистились земли свободной поры,
И весел звон зеленоглавых чаш,
И внукам время выткало узоры,
В листву вплетая танк и патронташ.

Дорога вдаль летит, в огни одета,
И освещает заревом полсвета.

Мои порывы, радость и печаль,
И сон, и мысль вросли в просторы эти,
В отцовскую синеющую даль,
Где пламенеют красные рассветы.

4

ХЛЕБОРОБЫ

Они садятся за столы простые,
И на руках их кожа, как кора.
Пусть целина, овраг или гора —
Распашут все их руки трудовые.

Проходят дни и годы молодые,
Но пахарь знает — есть всему пора:
Пусть непогодь ярится у двора,—
Он сеет вновь надежды золотые.

Он держит на плечах своих артель,
И синь небес, и жгучую метель.
И гром войны, бывало, брал он в руки...

Сейчас они за праздничным столом,
И чарку пьют, и светятся челом,
И ладят песню с клекотом разлуки.

5

И ладят песню с клекотом разлуки
О славном Гонте, о былых боях,
Поют о космонавтах-сыновьях,
Которым вслед посматривают внуки.

И с космодромов к ним доносит звуки,
Вплетая в песню, гулкая земля.
А хлеборобов те же ждут поля,
Где веком стерты дедовские муки.

Гей-гей лета, прошедшие в огне!
И бронзовые лица в седине
Вдруг осеняет силой молодою...

И белая гречиха льет меды
На борозды, на хаты, на сады
Под круглою полночною луною.

6

ДАЛЬ В САДАХ

Названья сел, как искры при ударе,
Как кованые грани якорей:
Безрадичи, Триполье на горе,
И Креничи с Кагарлыками в паре.

Слободки Красные в венках из марев,
Карапыши все в утренней заре
За половецким яром, на бугре,
Где все теперь в цветах вишнево-карих.

И над веками тихий шум садов,
И ветви яблонь гнутся от плодов,
Там люди схожи с огненною сталью —

Быстры, искристы. Это ведь у них
Беру я в песни пламя слов живых,
Овеянных неповторимой далью.

СЫН ЯКОВА-КУЗНЕЦА

Уже давно и кузницы той нет,
Дышавшей голубым и красноватым
Густым огнем от угольев дубовых,
Звеневшей молотами по утрам.
И кузнеца давно нет. Лишь на тропке
Теперь сирень с черемухой растут.

Но сын Иван из горна взял огонь
И перелил его в слова стальные
Любви великой, посадил тут розы
Для матери родной, и для детей,
И для земли с названьем Украина,
Где эти розы буйно расцвели.

И оживает наковальни звон,
И опускается гудящий молот,
И охраняет утреннею ранью
Спокойный сон планеты и людей.

ПЕЙЗАЖ

Синеет осень, светит берегам,
Пожаром помидоры дозревают,
Буй-туры ветра мчатся по лугам,
Края у туч рогами задевая.

И мед хмелеет в ульях налитых,
Летит пчела в жужжанье мелодичном,
Плод падает у яблонь молодых,
На сердце сада гулко и ритмично.

И обнимая далей синеву,
Я множусь жизнью и дышу сосною.
Натягивает звонко тетиву
Земля меж солнцем и моей душою.

ЗИМА

Снега, снега дымятся меж стволами
Дубов могучих, в сизых горизонтах
Земного лона.
Там гривастый конь
Метели белой, закусив поводья,
Летит в долины, и в его очах
Отражены деревья, реки, хаты,
И детвора, и бойкие синицы.
Но грудь моя, не скованная льдом,
Как мартовская ветка под метелью,
В которой буйно бьются соки жизни.

Перевел с украинского
Юрий САЕНКО.

ХИЖИНА ДЖЕКА ЛОНДОНА

«Место встреч Джека Лондона» — старое здание салуна в Оклендском порту на площади Джека Лондона.

Это письмо, полученное мною из Калифорнии от дочери Джека Лондона, было сенсационным:

«Дорогой Виль, я так давно ничего не слышала о Вас, что не знаю, известно ли Вам о хижине Джека Лондона, в которой он провел часть зимы 1897—1898 года в районе Юкона (на левом притоке ручья Гендерсона, впадающего в реку Стюарта, которая, в свою очередь, впадает в Юкон). Эту хижину скоро привезут сюда и установят на площади Джека Лондона, и, по-видимому, в июле состоится торжественное открытие ее. Потом планируется создать здесь музей».

Со старшей дочерью писателя, Джоан, мне довелось познакомиться в США, где я собирал материал для книги о Джеке Лондоне. Джоан пригласила меня тогда к себе домой в городок Плезант-хилл, неподалеку от Сан-Франциско. С той поры вот уже десять лет мы переписываемся. Я сообщаю о новых изданиях Лондона и публикациях, посвященных его творчеству, появляющихся в Советском Союзе, Джоан — о своей работе над книгами и об изучении произведений ее отца в Соединенных Штатах.

Новость, сообщенная на этот раз Джоан, буквально взбудоражила меня. Подумать только, цел тот легендарный домик, в котором жил на Аляске молодой неудачливый золотоискатель, а позже знаменитый писатель Джек Лондон! И не просто цел, но будет перевезен на его родину и превращен в музей!

Как же его нашли, как удостоверились, что это именно та самая хижина? Я написал письмо Джоан и задал ей эти вопросы. И вот что она рассказала.

Одному из канадских поклонников творчества Джека Лондона, Дику Норту, стало известно, что существует автограф Лондона на обломке дерева. Норт принялся за розыски этого уникального автографа. Он отправился в Доусон, на Аляску. Здесь ему удалось выяснить у старожилов, что последний аляскинский почтальон, развозивший почту на собаках вверх по Юкону, давным-давно нашел надпись Джека Лондона на бревне внутри хижины, что стояла на ручье Гендерсона, и будто бы он вырезал эту надпись.

Большого труда стоило Норту разыскать старого Маккензи. Тот сообщил, что действительно был у него такой автограф Лондона, но он его подарил одному из друзей, несколько лет назад умершему. Маккензи понятия не имел, где теперь может быть кусочек дерева с подписью Лондона. Старый почтальон заверил, что хижина Джека Лондона должна быть цела, так как сделана она была из крепких бревен. Хотя в последний раз видел он ее лет двадцать назад. А за это время всякое могло случиться.

Ободренный первыми успехами, Норт взял собачью упряжку и устремился на поиски хижины. Ему пришлось пройти на собаках более ста миль, но хижину он все же нашел. Она стояла вблизи участка № 54, на который в Доусоне была сделана заявка Джеком Лондоном.

Вскоре нашелся и автограф. На кусочке, вырезанном из бревна, написано: «Джек Лондон, рудокоп, автор, 27 января 1898 года». Автограф был привезен к Джоан Лондон. «Я не эксперт,— пишет она,— но я уверена, что это написано моим отцом». Автограф показали также биографу Лондона — Ирвингу Стоуну и специалистам по почерку. Все они единодушно заявили, что надпись сделана рукой Лондона.

Теперь оставалось подтвердить, что дощечка с подписью Лондона была действительно вырезана из бревна хижины, найденной Нортом. Для этого потребовалась новая экспедиция. Она подтвердила этот факт, обнаружив место, откуда был вырезан автограф.

Хижина Джека Лондона стояла на левом притоке ручья Гендерсона, в восьми милях выше устья и в 75 милях от Доусона. Размеры хижины невелики — всего четыре метра на четыре. Внутри нашли сковороду для выпечки лепешек, юконскую печку, банку из-под ружейного масла и лопату.

После поездки экспертов на хижину Лондона стали претендовать две страны: Канада, на территории которой она стояла, и Соединенные Штаты. Было найдено компромиссное решение: соорудить две одинаковые хижины, точные копии найденной, использовав в каждой половину подлинной постройки. Одна будет установлена в Окленде, на площади Джека Лондона, другая — в Доусоне.

В. БЫКОВ,
кандидат филологических наук

«ДЖЕНТЛЬМЕНЫ» БЕЗ РЕТУШИ

Игорь ИРОВ

„МОКРЫЕ ДЕЛА" ЦРУ

30 июня 1966 года в Вашингтоне стояла изнуряющая жара. Как отмечала пресса, «шпионы пришли в Белый дом прямо с летнего зноя». В восточном зале резиденции президента США играл оркестр морской пехоты. Было торжественно и чинно. Президент принимал присягу у нового директора Центрального разведывательного управления Ричарда Хелмса.

Президент сказал: «За два с половиной года тесного общения с ЦРУ мне еще не приходилось встречаться с агентами типа «007» — Джеймса Бонда». Большой поклонник, по собственному признанию, писаний Я. Флеминга, автора сногсшибательных и кровавых похождений агента «007», бывший руководитель ЦРУ Аллен Даллес переглянулся с Ричардом Хелмсом. Что ж, может быть, президенту и не нужно знать некоторых деталей деятельности ЦРУ? И уж, во всяком случае, не следует о них говорить на официальной церемонии, где все так торжественно и чинно...

«Самым трудным для меня заданием была ликвидация одной женщины. Я трудился с чувством сожаления. Но ее ликвидация считалась важным делом, и его поручили мне... Ей было лет 35—36, темные волосы, стройная фигура, очень привлекательная женщина... Я выстрелил в голову, почти в упор, в ее же квартире в Вене. До этого я уже больше года работал на этом поприще... Если говорить об опасности, вспоминаю одного чеха в Мюнхене, которого мы считали представителем военной разведки. В тот вечер, когда я застрелил его, двое полицейских начали преследовать меня на машине. Только мили через две мне удалось перехитрить их и уйти от погони. А однажды в Праге мой пистолет дал осечку, и человек, которого я должен был ликвидировать, чуть не прикончил меня самого».

Так говорит Ян Цыбулка, один из наемных убийц-профессионалов ЦРУ, служивший агентом-ликвидатором в Европе. Путь в Центральное разведывательное управление США он нашел через уголовный мир. Может быть, это действительно самая прямая дорога в американские джеймсы бонды? Цыбулка убежал из Венгрии в 1950 году в Австрию, где занялся контрабандой. В Зальцбурге его арестовали, и он попал в тюрьму. Там его и отыскали американцы. Недалеко от того же Зальцбурга, на одной из ферм, используемой американской разведкой, он прошел обучение своему новому ремеслу — совершенствовался в стрельбе, учился владеть ножом и ядом.

Вскоре он приступил к выполнению заданий. А заданий, как свидетельствует американский еженедельник «Пэрейд», было семнадцать. Семнадцать человек убил Цыбулка по заданию ЦРУ. Помимо зарплаты, за каждое убийство он получал премию в 1 650 долларов.

Проживал он в то время в Вене и своим друзьям говорил, что занимается «политической деятельностью против коммунизма». Как видите, здесь он не лгал. Сейчас он, так сказать, в отставке. Живет в одном из городов на восточном побережье Соединенных Штатов, свободное время проводит в близлежащем кегельбане или потягивает пиво у телевизора. И если кто-то пытается представить ЦРУ как орган невинного «плаща» и никакого «кинжала», Цыбулка помалкивает. Уж он-то лучше других знает о «кинжале»...

ЦРУ — гигантский, освященный законодательством правительственный орган шпионажа. Но ЦРУ — также орган диверсий, заговоров, убийств. Вот об этом стараются умалчивать прыткие политиканы и газетчики. Практическим выполнением операций по шпионажу и диверсиям, включая «ликвидации», занимается в ЦРУ так называемое управление планирования. Сотрудники управления находятся во многих странах мира, они прикрываются дипломатическими рангами и журналистскими карточками, вывесками деловых контор и туристскими визами. Их около пяти тысяч. Их обуревает множество повседневных забот шпионов-профессионалов.

В библиотеке ЦРУ имеется гигантское собрание книг детективного жанра, начиная от романов Эдгара По и кончая книжками Яна Флеминга. «Как-то спокойнее дышится, когда знаешь, что если наши ребята из ЦРУ уже ничего не могут придумать сами, то они хоть могут проконсультироваться с писателями - детективщиками»,— ехидно заметил сенатор Стефен Янг.

Не будем спорить с сенатором, но нам сдается, что если «ребята» из ЦРУ и читают детективные романы, то скорее как юмористическую литературу. Уж кто-кто, а они-то знают, что на самом деле все значительно страшнее и подлее, чем в книгах.

ЕСТЬ ПРОСТО ПЕСНИ...

Ирма ЯУНЗЕМ,
народная артистка РСФСР

Слава о мастерстве Яунзем — она исполняет песни народов мира на 63 языках — облетела Европу и Азию, а пленки с ее голосом хранятся в студиях звукозаписи, как золотой фонд. У Ирмы Петровны во всех республиках Советского Союза десятки учеников. Сейчас они профессиональные артисты. Ирма Яунзем неизменно бывает на концертах своих воспитанников, следит за судьбами начинающих певцов. И какой бы ни возникал разговор о проблемах и традициях народной песни у нас в стране, о профессиональном мастерстве певцов, Ирма Яунзем становится обязательным участником обсуждений, дискуссий, конференций; ее постоянно приглашают в состав жюри самых разнообразных конкурсов вокалистов — профессиональных и самодеятельных, выявляющих новые силы и возможности этого жанра...

В студии звукозаписи перед нами — горы магнитофонных пленок. Многие из них имеют тридцатилетнюю давность и стали уже редкостью. А как хорошо, как ценно было бы записать их на грампластинки! Тысячи и тысячи людей с наслаждением слушали бы у себя дома великолепный голос Яунзем. И снова ожили бы, снова зазвучали бы песни народов мира — сокровища, собранные ею. Каких тут только нет песен: и японские и датские, финские и бурятские, казахские и армянские, грузинские и татарские; тут и песни чукчей, камчадалов, эвенков, гольдов, тут немецкие, французские, турецкие песни, тут, конечно же, песни русские и родные — латышские... Каждую она заучивала с фонографом, а потом взыскательно проверяла. Гольдские — проверяла у гольдов, а чукотские — у чукчей. Так же дело обстояло и с песнями армян, киргизов, казахов... Услышав пение Яунзем, каждый народ тут же признавал ее своей, настолько точно был передан в песне национальный колорит и характер звучания, настолько верно улавливала она национальные краски, характерные интонации.

Певица, как она сама рассказывает, считала недопустимым выступать с одними и теми же песнями: в течение сезона она не меньше чем три-четыре раза полностью обновляла свой репертуар, исполняя в концерте иногда несколько десятков песен. И всегда это было как откровение. Всегда поэтично и задушевно.

Сейчас возрождается интерес к старинным и забытым народным песням. Возникает множество новых самодеятельных студий. И сегодня, как во все времена, а может быть, даже еще более остро стоит вопрос о репертуаре певца.

Наш корреспондент Г. Сметанина обратилась к популярнейшей певице с просьбой поделиться мыслями о профессии, рассказать о секретах мастерства. Наверное, многие читатели захотят откликнуться на эти мысли.

— Собственно, секретов нет. Есть просто песни. Сотни, тысячи песен... Все они прошли через мои руки, если так можно сказать. Вернее, прошли через меня самое... Они как бы стали частью меня, а не только вошли в мой репертуар. Складывался же этот репертуар, как все большое,— медленно, годами...

После окончания Петербургской консерватории я начала петь классические произведения. Голос у меня был сильный, школа хорошая,— я училась у Ксении Дорлиак и Ивана Васильевича Ершова. Наверное, я пела бы в опере, если бы вдруг не нашла себя в другом.

...Во время гражданской войны я разъезжала по фронту вместе с группой моих товарищей-артистов. Мы выступали перед бойцами Красной Армии. Люди тосковали по семьям, детям, они были оторваны от родных мест, от всего им близкого. Я исполняла многие романсы и классические арии из опер Римского-Корсакова и Чайковского, но особенно дорогими, нужными бойцам становились русские, белорусские, латышские народные песни. Я чувствовала, что они сближают меня с аудиторией, удивительно хорошо ею воспринимаются. Вот тогда-то и возникло у меня решение посвятить себя тем песням, которые создает сам народ. Понести их в самую гущу народную... Я по себе знала, как песня помогает человеку жить...

Семья наша отличалась музыкальностью. Мать обладала хорошим голосом и пела. Родители мои были латыши, но жили мы в Минске. Дома у нас частенько собиралось «латышское землячество», как шутя говорили сослуживцы отца — землемеры и агрономы. А когда собирались, то уж обязательно пели. Для нас, детей, это всегда было настоящим праздником: мы чуть ли не с пеленок участвовали в общем веселье. Пели под аккомпанемент цитры латышские и белорусские песни.

Именно с них-то и началась моя песенная коллекция...

...1921 год выдался страшный, голодный. Чтобы хоть как-то прокормиться, мы с сестрой бродили по белорусским деревням, меняя вещи на продукты. А по вечерам заслушивались песнями в крестьянских избах. Раскрывалась в них сама душа народа. Песни говорили не только о тяжкой доле, но и о народных мечтах. В город мы тогда привезли целое богатство: много белорусских песен — пожалуй, более сотни — свадебных и обрядовых, лирических и шуточных. Мне удалось записать эти песни; среди них были настоящие шедевры. Они на много лет сохранились в моем репертуаре. В то время я еще записывала, конечно, с голоса, по памяти, а часто старалась просто запомнить: даже бумага была роскошью.

Вот те давние находки я и включила позже в свой репертуар. И пользовались они наибольшим успехом. Так я поняла, что стою на правильном пути. Путь этот — пропаганда народного творчества... Раньше белорусские народные песни никогда не звучали с эстрады. Кстати сказать, уже в 1923 году за сбор и популяризацию белорусских песен мне одной из первых было присвоено почетное звание заслуженной артистки Белорусской ССР.

Трудно сказать, какие песни я сама предпочитаю. Люблю всякие. Люблю, чтобы в них был глубокий смысл. А он есть в каждой народной песне, каждая имеет свою «крупинку» поэзии, в каждой — своя изюминка! И каждая — прелесть как хороша! Есть ласковые, есть задорные, есть грустные. В каждой — свое солнце, свой аромат. И в конце концов — лишь потрудись, собери их вместе — какой же получится пышный букет! И ни с одной расставаться не хочется...

Так я стала ездить уже по всей стране, собирая все новые песни. Понятно, что каждая встреча дарила и новые песни. Например, моими первыми учителями азербайджанской песни были композитор Узеир Гаджибеков и певец Бюль-Бюль (Мамедов) — азербайджанский соловей.

В Казахстане я наслаждалась пением Куляш Байсеитовой. От нее я записала «Дудароя» и много других казахских песен. В Армении, в приветливом доме художника Мартироса Сергеевича Сарьяна, в его солнечной мастерской я впервые встретилась с чудесным певцом Шара-Тальяном; от него я услышала и записа-

ла изумительные армянские песни Саят-Новы... Киргизской певице Сайре Киизбаевой я благодарна за неповторимые киргизские напевы.

Чем больше было встреч, тем больше я богатела. И в каждом голосе находила свою, особую прелесть, у каждого певца училась особенностям его исполнения, его колорита, старалась вжиться в народный образ песни. Ибо не существует песни без образа народа, создавшего ее.

Помогало мне, может быть, и то, что я всегда старалась почувствовать язык, на котором собиралась петь. Я работала над каждым непривычным для меня сочетанием звуков, сосредоточивалась на фонетике, неуловимых тонкостях звучания. И кроме того, хотя бы по словарю и букварю старалась познакомиться с языком, которого не знала раньше...

Когда у меня появился фонограф, работать стало и легче и трудней. Я стала выезжать далеко в глухие деревни, хутора. Мне хотелось послушать стариков, познакомиться с народными хорами, записать забытые, древние песни. А как трудно было порой сломить, особенно в первые минуты, настороженность, а иногда даже и неприязнь людей, не понимавших, зачем они мне понадобились. Ведь я знала, что именно у них-то и берегутся драгоценные, редкостные песни. А они упрямо твердили, что ничего у них нет и ничего они «знать не знают». И тогда случалось чудо: единственная песня, которую я знала на их языке, меняла все! Сдержанность куда-то исчезала. Хозяева становились приветливыми, и мы начинали петь и порознь и вместе. Тогда уж я могла всласть, с упоением записывать дивные мелодии и всегда привозила их с собой великое множество.

Случались тут не только любопытные этнографические находки. Встречались настоящие шедевры! И нельзя было не включить их в репертуар...

Десятки, сотни песен я записывала сама, впервые заносила на ноты, включала в сборники, которые тогда издавались. Множество песен передала в этнографический отдел Академии наук, раздала своим ученикам.

Не менее щедры и внимательны были ко мне и собиратели фольклора, композиторы. Им я обязана замечательными обработками и инструментовкой песен. Это М. Коваль, С. Василенко, М. Ипполитов-Иванов, А. Долуханян, В. Власов, В. Белый...

Окрылила меня встреча с известнейшим исследователем и собирателем казахского и киргизского фольклора Александром Викторовичем Затаевичем. Это был подлинный энтузиаст, знаток народного творчества, хороший композитор. Я увлеклась его записями, разучила и исполнила несколько песен. Он высоко отозвался о моем исполнении, поощрил мои поиски.

Ученик Римского-Корсакова композитор Максимилиан Осеевич Штейнберг специально для меня создал цикл песен для голоса с симфоническим оркестром — несколько тетрадей, куда вошли и обработки старинных песен; особенно люблю я «Сказ про татарский полон». Более 300 лет назад был сложен этот сказ, впервые обработанный Римским-Корсаковым. Меня привлекла в нем глубина эпического раздумья... Уверена: так, наверное, и вел древний старец свой неторопливый рассказ о прошлом. Так виделось горе русское, неизбывная тоска полонянки, которая теперь уже не может вернуться «во родную Русь», не может покинуть ни дочь, ни внука... Этой песней-сказом я почти всегда начинала свою концертную программу: он дарил мне необходимое творческое настроение, волновал и трогал слушателей.

Однажды Алексей Максимович Горький пригласил меня, когда у него гостил Ромен Роллан. Я очень волновалась: хотелось, чтобы мое пение им понравилось. И тогда я тоже исполнила свой любимый «сказ». Оба писателя были очень растроганы. Ромен Роллан нашел, что сказ чем-то напоминает французские песни, старые — времен Роланда, Жанны д'Арк.

Через некоторое время я получила от Алексея Максимовича пакет с книгой его избранных сочинений и фотографиями. Книга и портреты Горького и Р. Роллана были с теплыми надписями. Горький писал: «Очень хочется, чтобы Вы украсили Ваш богатейший репертуар и русскими старыми песнями». Не потому, что я их не пела, а потому, что Горький знал такие песни, о каких не знала даже я... В подарок он прислал мне четыре старинные песни, которые в молодости сам записал на Волге.

* * *

Судьба песни меня всегда глубоко волновала. Песня — это то, чем я дышу, то, без чего не ощущаю жизни. И я думаю с грустью, что красивую, самобытную русскую песню убивает сегодня песня псевдорусская, фальшивая, поддельная... Возможно, здесь отчасти виноваты и радио и телевидение, которые далеко не всегда с необходимой тщательностью отбирают свой репертуар. А ведь они тем самым прививают слушателям плохой вкус! Они заменяют поэтическую прелесть народной песни многочисленными дешевыми эрзацами народности.

Во время смотров или на концертах самодеятельности народная песня включается в репертуар как нечто обязательное, но порой живет в репертуаре лишь как принудительный ассортимент. Происходит это потому, что исполнители не ищут хорошую песню, а берут то, что лежит «на виду», то, что заметно... Между тем настоящая народная песня всегда стыдлива и целомудренна. Она прячет свою «изюминку». И классики прошлого и лучшие композиторы современности всегда знали это и потому-то создавали великолепные произведения на традициях народной песни. Так неужели же иссякли близкие, родные нам, подлинно русские мелодии?.. Ведь и наши современники Прокофьев, Шапорин, Свиридов, Щедрин, Кабалевский черпают из народной кладовой. Из сокровищницы русской песни берут они многое для того, чтобы обогатить свое творчество. Но прелесть эту не все умеют (или не хотят) широко донести до народа, до многомиллионного слушателя. И хотя у нас все поют, поют и в детских садах, и в школьных хорах, и в самодеятельности, и в вузах, хотя у нас есть великолепные хоры при дворцах пионеров, академические хоры при республиканских и областных домах народного творчества, есть и еще многое другое,— все же среди молодого поколения находятся юноши и девушки, которые не чувствуют красоты песни, не понимают ни серьезной классики, ни народной музыки. Им нравятся изощренные джазовые западные ритмы, они любят музыку невысокого качества, а то и вовсе пошлую. Они распевают бесконечные «ту-ру-рам, ту-ру-рам», дешевые, назойливые мелодии, насаждаемые радио и телевидением, «Голубым огоньком», нетребовательными к себе эстрадными исполнителями... Особенно обидно, когда даже талантливые певцы поют иногда «в угоду публике», отдавая дань моде, не отбирая репертуар. А между тем песни-однодневки, песни-одуванчики ничего не способны дать душе человека. Это песни с минисмыслом, мини-настроением... Любовь к музыке, к настоящей песне надо прививать в семье, воспитывать с детства. Надо, чтобы ребенок чаще слушал хоровое пение, как, например, это принято и сейчас в Прибалтике. Тогда хорошая песня и легко доходит и поется с радостью! Чтобы воспитывать настоящий вкус, надо беречь народные традиции, как зеницу ока. В той же Прибалтике, в республиках Средней Азии, в Бурятии, Якутии, на Кавказе, в Чечено-Ингушетии, в Татарии, Башкирии всячески поддерживают народную песню, питают ею душу.

Я против архаики, это — дело этнографов. Но когда композитор пишет современную музыку, она должна быть насыщена народными традициями, должна иметь национальную основу. Мне думается, это и есть самое ценное в творчестве.

Я знаю, что к столетнему юбилею Владимира Ильича Ленина готовятся интереснейшие музыкальные конкурсы. Будет и конкурс, посвященный народной песне. И я уверена, найдется что показать нашим музыкантам, нашим песенникам, чтобы достойно встретить великую дату.

ШИЛЛЕР НА СЦЕНЕ МАЛОГО

В канун Нового года Академический Малый театр СССР показал свою новую работу — «Разбойники» Шиллера.

Романтизм великого немецкого драматурга близок театру: пьесы Шиллера постоянно в репертуаре Малого, однако найти современное решение шиллеровской драматургии не просто. И режиссеру Леониду Заславскому, как и всему постановочному коллективу, понадобилось немало сил, чтобы убедительно и ярко раскрыть главную мысль трагедии: добрые цели не могут быть достигнуты за счет злодейства.

Карл Моор — эту роль играет артист Я. Барышев — становится центром спектакля. Он — атаман удалой разбойничьей шайки, совершающей убийства и грабежи, поджоги,— удивляет своих товарищей тем, что добычу отсылает сиротам, стремится к справедливому будто возмездию. Но злодейство не открывает путей к справедливости. Обагренные кровью руки не может очистить даже любовь. Такова мысль спектакля. Злодейство порождает злодейство: от руки Карла Моора погибает его любовь, его Амалия...

Мрачны и зловещи высокие своды замка фон Мооров (художник спектакля В. Харитонов), где теперь царит Франц. И он несчастен, одержим страхом... Появление Карла в замке доводит Франца до исступления, до самоубийства... Артист А. Эйбоженко создает образ злого и трусливого маньяка: нравственное падение приводит его к гибели.

Пожалуй, одной из самых ярких сцен спектакля становится ханжеская проповедь Патера, склоняющего разбойников к предательству атамана. Народный артист СССР В. Владиславский проводит эту сцену сдержанно, но ее обличительная, гротесковая сущность ясна. Патер — слащавый и хитрый — вызывает активное чувство неприязни...

Роль Амалии исполняет А. Евдокимова. Несмотря на традиционную трактовку образа, актриса нашла теплоту и человечность, сделавшие его убедительным, живым.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: Карл Моор — Я. Барышев.

Фото И. Ефимова.

О ГОНЧАРАХ, И ГРАДО

Ю. МЕЛЕНТЬЕВ

Любой человек, даже не живущий в столице, считает, что имеет представление о Москве, во всяком случае, в ее главных, так сказать, символических проявлениях: Красная площадь, Кремль, собор Василия Блаженного, Большой театр, гостиницы «Москва», «Метрополь»...

Не обольщайтесь. Даже эти, с детства знакомые названия, силуэты таят в себе множество не раскрытого, не увиденного, не замеченного вами.

Так было и со мной до тех пор, пока один добрый знакомый не предложил просто так пройтись по примелькавшимся местам Москвы. Эта неторопливая прогулка стала для меня началом многих открытий.

Кто не знает причудливого здания гостиницы «Метрополь»? Теперь оно принарядилось после ремонта. А совсем недавно было другим: днем у него более независимая и самобытная осанка, вечером здание вынужденно сутулилось под тяжестью неоновых букв и громоздкого силуэта «ТУ-104» с рекламой Аэрофлота. Возникшее в самом конце XIX века на углу бывшей Театральной площади, оно не было бы столь известно, если бы не один важный элемент, властно вторгшийся в его стиль. Этот элемент — красочные майолико-изразцовые панно Врубеля и Головина, которые сделали «Метрополь» знаменитым гораздо в большей степени, чем все утилитарные торгово-гостинично-ресторанные функции, которые были предусмотрены его строителем англичанином Валькоттом.

Каждый, кто неоднократно бывал в Третьяковской галерее, наверняка может припомнить, что наиболее запечатлелось в самый первый приход. Для меня с детства это были Куинджи с его таинственной «Ночью на Днепре», Верещагин с его картиной «Двери Тамерлана», Васнецов с «Царем Иваном Грозным» и «После побоища». Врубеля тогда память почти не зафиксировала. Зрительно помню лишь, что его «Сидящий Демон» был где-то поблизости от скульптур Антокольского.

Но затем всякий раз я подолгу останавливался у полотен Врубеля, стремясь понять «Пана», проникнуться очарованием «Царевны Лебедь», разобраться в мощных мазках его лермонтовских мотивов. Уже зная сложную, полную внутренних взрывов судьбу Михаила Александровича Врубеля, невольно сравнивал художника с судьбой его мятущегося, поэтического предшественника, ибо никто так глубоко не понял Лермонтова, никто так не продолжил его в искусстве, как Врубель.

Но одно дело — Врубель-живописец, другое — керамист, декоратор. Конечно, и до этой прогулки я видел что-то из керамических работ Врубеля по мотивам «Снегурочки» и «Садко», но считал это побочным увлечением гениального колориста.

Теперь, стоя на углу Неглинной и проспекта Маркса, я с некоторым удивлением рассматривал врубелевское керамическое панно на фронтоне гостиницы «Метрополь» и, почти уже не замечая непрерывного потока автомашин и людей, слушал историю создания «Принцессы Грезы»...

Случилось так, что исколесивший ранее почти всю Россию Михаил Александрович Врубель, тогда еще малоизвестный художник, осенью 1889 года проездом оказался в Москве и уже не смог вырваться из ее объятий. Россия жила в предчувствии великих перемен, испытывала бурные толчки промышленного развития. Москва была одним из решающих его центров. Здесь возникали новые акционерные общества, строились предприятия. Облик города во все большей степени определялся не великолепием дворцов и уютом особняков, а поднимавшимся многоэтажием деловых домов, банков, железнодорожных вокзалов, гостиниц. Чутко улавливала переломность момента, по-своему переживала новые времена русская интеллигенция.

Интенсивной жизнью жили художники, группировавшиеся в ту пору вокруг известного знатока искусства, крупного мецената С. И. Мамонтова. Чаще всего они собирались в загородном имении Мамонтовых — Абрамцеве, ставшем колыбелью многих замечательных художественных замыслов и воплощений. Врубель не только не затерялся в среде таких корифеев, как И. Репин, В. Серов, В. Васнецов, В. Суриков, но очень скоро стал своеобразным притягательным центром. В этот период он много работает и в живописи и в графике, а что касается проводившихся в Абрамцеве экспериментов по возрождению почти утраченных секретов русских изразцов и архитектурной керамики, майолики, то он сразу же становится душой опытов, бесспорным художественным лидером и руководителем. Одно за другим из обжигательных печей абрамцевского «Художественного гончарного завода» выходили уникальные произведения М. Врубеля: голова львицы и изразцовые печи для дома Мамонтова, керамические скульптуры на темы русских былин и знаменитые майоликовые камины.

Врубель весь в напряженном поиске, в стремлении сочетать и взаимообогащать колористические и технические возможности живописи и майолики. Он, как своеобразный алхимик, ищет свой философский камень, свою призму в искусстве, переходя от сполохов раскаленного горна в мастерской майолики к холодному блеску красок на холстах, посвященных Демону или доктору Фаусту.

В 1892 году в одном из сокровенных писем к сестре он писал: «Сейчас я опять в Абрамцеве, и опять меня обдает, нет не обдает, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте и в орнаменте». В другом письме он вновь говорит о поисках «чисто и стильно прекрасного в искусстве», о своей призме в нем. Заканчивается письмо такими словами: «Призма — в орнаментистике и в архитектуре — это музыка наша».

Видимо, повинуясь именно этой музыке и под ее влиянием, Врубель создает свои знаменитые панно для Нижегородской всероссийской выставки, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в истории русского архитектурного декора. Одно из них — та самая «Принцесса Греза», которую мы видим сейчас перед собой на фронтоне гостиницы «Метрополь» уже переведенной в вечный — керамический вариант. Другое — своеобразный гимн русскому пахарю — воспроизводит мотивы знаменитой былины о Микуле Селяниновиче. Это панно было затем повторено в каминах «Вольга и Микула», принесших автору мировую известность как непревзойденному мастеру керамического интерьера.

Но все это произошло уже несколько позднее, а в тот момент, когда «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович» были окончены в Нижнем Новгороде, их категорически забраковали невежественные заказчики.

— Взгляни,—продолжал рассказчик,—морские волны несут средневековый корабль, в дальние дали. Задумчиво скользят по струнам арфы пальцы красавицы, и, вслушиваясь в волшебные ритмы, застыли на палубе в немом почтении суровые мореходы и рыцари...

Мой собеседник умолк, и мы долго рассматривали мерцающие плиты, которые запечатлели трепетное отношение художника к музыке и через многие десятилетия передают этот трепет сегодняшним москвичам.

...В тот день мы бродили довольно долго, посмотрели и другие дома, украшенные керамической облицовкой. Недалеко от Кропоткинских ворот буйством языческих красок привлекает глаз краснокирпичный дом с теремными крышами. Построенный в самом начале века, он обильно расцвечен керамическими декоративными панно работы художника С. Малютина.

В мир России XVI, XVII веков попадаешь в нынешнем Музее К. А. Тимирязева, что на Малой Грузинской улице. Это здание возникло примерно в одно время с «Метрополем», но здесь архитектор шел к возрождению форм древнерусского зодчества. Тут можно увидеть и входные крыльца с шатровыми навершьями, и висячие «гирьки», и фигурные «дыньки», и витые столбы переходов. Но что особенно удалось архитектору — знаменитые каменные ширинки-ниши с сияющими в них, подобно драгоценным камням, русскими поливными изразцами. Здесь я впервые близко рассмотрел традиционные рельефы изразцов: птицу Сирин, ветви диковинных цветов или фруктов в фигурной вазе и многое другое.

Позднее, уже знакомясь со специальной литературой, посвященной изразцам, я с некоторым удивлением обнаружил, что все здания, построенные в конце XIX века в русском стиле, почему-то принято характеризовать своеобразно, обязательно прибавляя при этом слово «псевдо», а изразцовые украшения таких строений (например, известного дома Игумнова, ныне французское посольство по улице Димитрова) вопреки очевидным фактам называть бездушными, стандартными и т. п.

Конечно, воспроизведение того, что было достижением прошлых

КРАСОТЕ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

веков, не стало да и не могло стать серьезным течением в архитектуре, но в обращении к истокам на каком-то этапе развития едва ли полезно во всех случаях видеть только стремление сделать «а-ля». Известно, что возвратиться назад иногда бывает нужно хотя бы для того, чтобы разбежаться и прыгнуть вперед.

Именно так и поступали художники в абрамцевской керамической мастерской. Сначала они робко повторили одноцветную поливу, затем воссоздали под руководством Виктора Васнецова великолепие русского многоцветного изразца. Только после этого Михаил Врубель смог сделать следующий шаг, показавший новые возможности применения цветной керамики в градостроительстве.

С той памятной прогулки я начал всерьез интересоваться всем, что связано с керамикой, с ее возможностями в архитектуре, с русским поливным изразцом, с удивительной и славной историей глиняного русского узорочья, которое из века в век совершенствовалось мастеровыми людьми гончарных слобод.

* * *

Весть о выставке архитектурной керамики первой принесла моя маленькая дочь. Она сказала, что по радио передают «про изразцы». К этому времени изразцами «болели» в нашей семье все. Приносили домой сведения о том или другом сооружении, на котором обнаружили керамические плитки, строили планы о поездке в Ярославль.

Потом я увидел афишу. На терракотовом фоне ярко выделялась зеленая плашка с очертаниями стилизованного крупноголового зверя. Славянская вязь в верхнем углу плашки гласила: «Лев зверь». А над плашкой белыми штрихами обозначены контуры какого-то легкого строения. Как я узнал позднее, это был знаменитый Крутицкий терем. Музей архитектуры имени Щусева приглашал на выставку русского изразца.

Первоначально мы ожидали увидеть натуральные изразцы, но в нескольких залах щусевского музея их было не так уж много. Зато стены и стенды были сплошь увешаны акварельными копиями изразцов, фризов, керамических поясов, майоликовых печей чудесной работы. Многие из акварельных копий были сделаны так искусно, производили столь полное впечатление оригинала, что временами у того или иного стенда вспыхивал спор, а не приклеена ли здесь подлинная поливная часть изразца.

Вопросы и споры многочисленных посетителей разрешались у столика при входе. Там, видимо, сидел консультант, так как постоянно толпился народ. Пожилой, среднего роста человек с тронутыми сединой, гладко причесанными волосами и живым лицом давал пояснения спокойно, но в голосе его не было обыденности, скорее слышалось волнение.

— Скажите, какое влияние было решающим при возникновении русской архитектурной керамики — восточное или западное? — азартно спрашивал юноша-студент.

— А мне думается, вы не совсем правильно сформулировали вопрос,— последовал корректный ответ консультанта,— русская архитектурная керамика, на мой взгляд, ведет свои истоки от собственной бытовой керамики, от русской деревянной и каменной резьбы. Она как бы продолжает, подкрепляет их своими средствами и возможностями, хотя вбирает в себя и иные элементы.

— Вы что же, отрицаете культурную миграцию? — последовал иронический вопрос.

— Нет, я ее не отрицаю и отнюдь не сторонник теорий национальной замкнутости, но при этом смею думать, что не все можно объяснить в культуре народа влиянием соседей. Нечто может появиться и в его собственных недрах. Если вам знакомо латинское слово «миграция», то, может быть, вы вспомните слово греческого происхождения «автохтонный», то есть возникший на этом месте. Не хочу, чтобы меня поняли буквально, но считаю русскую архитектуру и один из ее элементов — архитектурную керамику — достаточно самобытными, чтобы не начинать разговор о них с рассуждений о степени иноземных влияний.

Консультант положительно нравился, и мы рискнули познакомиться. Как сразу выяснилось, пояснения давал сам автор и собиратель выставки, архитектор и художник Сергей Александрович Маслих.

Более десяти лет шаг за шагом в Москве, Ярославле, Новгороде, Пскове, Владимире, Дмитрове, Костроме и во многих других местах собирал он свои несметные богатства — многие сотни видов изразцов, созданных на территории России более чем за пять веков.

— Когда начинал, дал себе слово,— говорит Сергей Александрович,— не коллекционировать оригиналы. Им место либо в музее, либо непосредственно там, куда вложила сверкающую солнечную плитку рука мастера — печника или декоратора. Моя коллекция особого рода: перерисовываю изразцы в том виде, в котором удается их обнаружить. В своих акварелях стараюсь передать цвет, форму, фактуру и даже следы времени.

— Ну что же, это вам вполне удается...

— Хочу сразу предупредить, что здесь показаны лишь образцы той керамики, которая применялась русскими зодчими уже после свержения татаро-монгольского ига. Ранняя керамика, периода Киевской Руси,— предмет особого исследования. Если хотите, я кратко расскажу вам о том, что представлено на выставке.

И он рассказал:

— В XIV — начале XV века русская земля еще лежала в пожарищах, разрушены были храмы, сровнены с землей каменные палаты и стены крепостей, выжжены города и селения. Но страна поднимается, сеет, кует оружие, зреют замыслы, готовятся битвы.

Даже в самое лихолетье татарщины не замирала на Руси художественная жизнь. Она сосредоточивалась в ремесленных слободах северных городов, в монастырях, в вотчинах московских князей.

Строить надо было много, быстро, красиво. Входил в силу кирпич. Расторопные каменщики работали споро, каменосечец не поспевал за ритмом возведения стен. В ту пору и появились глиняные плиты с тисненым узором, буквально повторявшим орнамент и изображения белокаменной резьбы. Эти плиты еще не покрывались поливой. Они и известны как первые облицовочные керамические материалы, а позднее как «красные» изразцы. Изделиями из обожженных терракотовых плит с рельефом впервые была украшена Духовская церковь в Троице-Сергиевом монастыре (1476 год), а несколькими годами позже — княжеские палаты Углича, соборы в Кирилло-Белозерской, Ферапонтовой обителях.

Первый изразец, покрытый зеленой поливой, известен как уроженец Пскова. Оттуда он, видимо, и пожаловал в Московское княжество в первой половине XVII столетия. Полную силу зеленый — «муравленый» — изразец (помните песню о траве-мураве?) наберет и в облицовке печей и в наружном керамическом уборе зданий лишь в середине XVII века.

Многоцветье в архитектурной керамике заявило о себе в России в середине XVI века, когда на некоторых московских соборах, а также в близлежащих городах Старице и Дмитрове появляются белоглиняные изразцовые изделия невиданной красоты и формы. И здесь на первом месте следует поставить сокровеннейшую копилку русского зодчества — чудо-каменный цветок собора Покрова на Рву (ныне известный как собор Василия Блаженного).

Легендарные зодчие Постник Яковлев и Барма будто высекли величавый собор из единого драгоценного камня, огранили и отполировали его, отсекая все лишнее. И хотя грозный царь повелел возводить восемь глав, по числу престольных праздников, что прошли во время стояния у Казани, мастера возвели девять глав, «не яко повелено было, но яко... разум даровася им в размерении основания».

Покровский собор — одно из немногих сооружений, фактически не имеющих фасада, он весь поразительное равновесие в разнообразии подробностей. Но откуда бы вы его ни рассматривали, взгляд обязательно будет подведен через шатры, луковицы куполов, округлые линии кокошников к единой грановитой основной главе. На этом центральном шатре зодчие и поместили многогранные «звезды», квадратные и ромбовидные изразцы, покрытые стекловидной полупрозрачной поливой зеленого, коричневого, желтого и оранжевого цветов.

Торжественно и празднично выглядели в ту пору почти метровые украшения на плоскостях граней, в кокошниках, веселой горкой взбирающихся от восьмерика к шатру. Многоцветным остролистым венчиком расходились поливные лепестки от шаровидного, тоже изразцового центра. А в нижней части барабана и сейчас искрятся на солнце ромбы изразцов, многоцветной лентой опоясавших основание главы, венчающей церковь Покрова.

Ликующий праздник красок и форм Василия Блаженного гораздо легче понять, если помнить, что и заказчикам, и архитекторам, и строителям он мнился прежде всего как мемориальное сооружение. Надо было создать достойный памятник в честь окончательной победы над вековым врагом на восточных рубежах русских земель.

Многие сотни городов, крепостей, домов и храмов разрушили на Руси татарские орды. Мастера, создавшие Покровский собор, будто задались целью собрать в одном сооружении весь арсенал, всю сокровищницу русского зодчества, чтобы подтвердить неистребимую нашу самобытность, подивиться великому искусству народному и передать это диво далеким потомкам. Свое место в этой сокровищнице заняло и искусство архитектурной керамики.

К сожалению,— продолжал Сергей Александрович,— мне не удалось представить здесь акварельной копии другого замечательного явления керамического искусства того времени, почти трехметрового изразцового барельефа Георгия Победоносца, украсившего одну из стен Успенского собора в городе Дмитрове.

Тут я заметил, что литература по русской архитектурной керамике дает весьма противоречивые отзывы относительно происхождения цветных белоглиняных изразцов московско-старицко-дмитровских памятников середины XVI века, и попросил рассказчика высказать свою точку зрения. Сергей Александрович пояснил, что он не сторонник необоснованных догадок и считает, что ключ к таким вопросам надо искать прежде всего в тех данных, которые характеризуют состояние керамического производства, гончарной техники того или другого периода.

Пусть не посетует на меня читатель, если я прерву на этом месте рассказ Сергея Александровича Маслиха и выскажу несколько попутных соображений.

В последние годы наблюдается устойчивое нарастание интереса к древнерусской культуре. Хотя оно и сопровождается определенного рода издержками (кое для кого увлечение древнерусским становится модой: «Как! Вы не собираете иконы?», «Боже мой, вы еще не были в Суздале!»), налицо процесс серьезной духовной тяги к изучению прошлого, которое ведет к эстетическому обогащению, к новым знаниям, к воспитанию высоких патриотических чувств. Ведь тот, кто лучше знает историю, способен лучше понять и глубже ценить сегодняшний день своего народа.

И вот уже заканчивается знаменитое «Золотое кольцо» великолепного туристического маршрута: Москва — Загорск — Переславль-Залесский — Ростов Великий — Ярославль — Кострома — Иваново — Владимир — Москва. Спешат туристские автобусы, идут и едут неутомимые путешественники, чтобы зачерпнуть из вечных источников, приобщиться к старой и новой красоте русской земли.

За перо берутся ученые, краеведы, журналисты, чтобы помочь зорче увидеть, лучше оценить сокровищницу нашу. Все больше появляется книг, монографий, путеводителей, очерков, и несть им числа.

В этом потоке изданий заметными стали книги Юрия Овсянникова. В особенности те, что посвящены русским изразцам. Одна из них, вышедшая в издательстве «Советский художник» в 1966 году, называется «Солнечные плитки», другая — под названием «Русские изразцы» — увидела свет совсем недавно в чудесном полиграфическом исполнении издательства «Художник РСФСР». Обе книги получили отклики в печати, их с интересом встретил любознательный читатель. Но именно потому, что это одни из первых популярных книг об истории изразца, следовало, на наш взгляд, более критично подойти к изложению отдельных точек зрения, гипотез, в том числе и собственных предположений. Желание сделать изложение занимательным, заинтриговать читателя подчас сильно подводит, приводит к легковесности и необоснованным допущениям. А неосторожность или односторонняя увлеченность автора может ввести в заблуждение читателя, который, как правило, с доверием относится к печатному слову.

До появления разноцветных глазурованных изразцов на соборе Василия Блаженного, керамических икон и рельефных лепных изображений Старицы и Дмитрова, согласно тем данным, которыми мы располагаем на сегодняшний день, не обнаружено цветных изразцовых украшений. А после царствования Ивана Грозного они вновь исчезают на несколько десятков лет. Какой же вывод делает в связи с этими фактами Ю. Овсянников? На мой взгляд, весьма странный. Он сразу же безоговорочно принимает версию о том, что эти изразцы могли быть изготовлены только пришлыми мастерами. Автор робко спорит лишь по поводу того, откуда взялась неведомая пришлая артель. Может быть, Иван Грозный завез изразечников из порушенной Казани? Может быть, крымский хан соблаговолил прислать своих подданных из Бахчисарая? Может быть, секретами поделились бежавшие от турецких завоевателей сербы и болгары? Но, оказывается, «ни в Крыму, ни в Болгарии и Сербии следов подобной керамики пока не обнаружено». Куда же бросить еще свой взгляд? А почему бы не бросить его в сторону Зальцбурга, Нюрнберга или Южной Баварии? И вот выход найден. «Можно **предположить**, что среди иноземцев, приглашенных Иваном IV к своему двору, был и талантливый художник-керамист»,— пишет Ю. Овсянников. Самое главное — найти иноземца, дальше уже все объясняется просто. «**Можно предположить** (в обоих случаях подчеркнуто нами.— **Ю. М.**), что со смертью опытного «немчина», как тогда прозывали большинство иноземцев, артель мастеров распалась и производство цветных изразцов в России XVI века прекратилось. Вот чем, на наш взгляд, можно объяснить краткость этой любопытной главы в общей истории дневнерусской архитектурной керамики»,— читаем мы на 13—14-й страницах книги «Русские изразцы».

Бедный «немчин»: не удалось ему больше увидеть родной Баварии. Бедные артельщики: так и не вырвали они секретов у хитроумного иноземца и разбрелись по своим слободам, как говорится, не солоно хлебавши.

А может быть, все-таки «**можно предположить**», что изразцы имеют местное происхождение?! И как тут не вспомнить крылатое выражение Александра Грибоедова из знаменитой комедии «Горе от ума»: «Ах! Если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?»

И в самом деле: не лучше ли заглянуть в местные «святцы», чтобы не ходить на поклон к крымскому хану или в средневековый Нюрнберг?

Пусть простит нам Ю. Овсянников, но «святцы» эти не так уж далеко и не за семью печатями. Думается, что некоторой слабостью его книг вообще является то, что вопрос об изразцах и технике их изготовления берется изолированно, в отрыве от общего развития культуры керамики, гончарного искусства, которое никогда не сводилось только к изразцам, а всегда тесно соседствовало с изготовлением керамических изделий и вообще прежде всего бытовой керамики.

Однако все же заглянем в первоисточники, которыми в первую очередь могут быть данные археологии. Большой интерес представляет, например, вышедшая в издательстве «Наука» под редакцией академика Б. А. Рыбакова обширная публикация Р. Л. Розенфельдта «Московское керамическое производство XII—XVIII веков». Оказывается, археологам доподлинно известно, что обитатели Заяузской гончарной слободы (территория от нынешней Таганки до Котельнической набережной) уже в конце XIV века умели изготовлять белоглиняную глазурованную посуду, что в погребении сына Дмитрия Донского — Иоанна найдены поливные ритуальные сосуды местного изготовления, что расположенное неподалеку от Москвы село Гжель поставляло с XIV века в столицу не только отменные «горшечные глины», но и собственные белоглиняные изделия, покрытые прозрачной и полупрозрачной поливой желтого, зеленого и коричневого цветов.

Уместно вспомнить и другие весьма любопытные данные археологической науки. Еще в 1932 году неутомимый открыватель тайн жизни древнего Новгорода академик А. В. Арциховский обнаружил на территории города не просто следы деятельности гончаров, а целую усадьбу игрушечника-керамиста. Раскопки убедительно показали, что гончару-новгородцу (усадьба датируется концом XIII — началом XIV века) была известна техника цветной полупрозрачной поливы и обжига белых глин.

Нетрудно допустить, что, кровно связанный с землями Центральной Руси, Новгород скорее мог привнести в Московское княжество новые элементы гончарного искусства, приблизившие качественный скачок и в архитектурной керамике, чем любые залетные гости. И совсем не случайно на территории Московского Кремля археологи находят игрушки-свистульки с желто-зеленой поливой, которые также датируются XIV—XV веками.

Конечно, сверкающий поливой кувшин из боярского двора или глазурованная чернильница, которой пользовался дьяк-грамотей в царском приказе,— это еще не «образец ценинный», как называлась в ту пору изразцы, но, во всяком случае, одного этого достаточно для того, чтобы искать возможных прародителей «звезд» и других изразцовых украшений Покровского собора, не обижая недоверием мастеровитый люд русских гончарных слобод.

Мне посчастливилось не просто любоваться самим Покровским собором, но и побывать в его подклетях-хранилищах. Директор филиала Государственного исторического музея Александр Александрович Капитохин любезно согласился провести по запасникам. Надо было видеть, как торжественно, почти ритуально открывал он одну запломбированную дверь за другой, пока, преодолев последнюю, мы не попали в сводчатое помещение со своеобразными ларями, ящиками, ячеистыми, как соты, полками. В этих ларях и ячейках хранятся подлинные изразцы XVI—XVII веков, снятые с покрытия центрального шатра при реставрации в 50-х годах уже нашего, XX века. Сам Александр Александрович представлялся мне добрым «скупым рыцарем» — так бережно и, я бы сказал, даже с некоторой опаской передавал он мне занумерованные заветные белоглиняные изразцы с различной по цвету поливой. По материалу они ничем не отличались от белоглиняной посуды заяузских гончаров. Не хочу пускаться в догадки, но сама форма центральных шаровидных изразцов все же опять наталкивала на мысль о московских мастерах-керамистах.

Ну, а что касается «исчезновения» поливных изразцов на несколько десятилетий, то, во-первых, пробел еще может заполниться в ходе дальнейшего изучения, а во-вторых, не следует забывать, что именно в этот период под пятой иноземного нашествия были уничтожены многие памятники русского зодчества, что в ходе длительной и тяжелой борьбы с польскими захватчиками было не до новых узорных палат с изразцами.

Стоило только подзалечить раны Русскому государству, как уже в первой половине XVII века вновь засияли поливные плитки на стенах отстроенных храмов Москвы, Мурома, Загорска.

Было бы нелепо отрицать взаимовлияние соседних или даже отдаленных культур, деятельности одного народа на деятельность другого. Если брать, например, аспект архитектуры, то имена Фиораванти, Росси, Растрелли, немало потрудившихся на ниве русского зодчества, достаточно красноречиво говорят об этом. Но, как справедливо заметил сам Ю. Овсянников, Россия вываривала их в круто кипящем котле своей национальной культуры.

Вообще к идеям культурных миграций всегда следует относиться осторожно, и это совсем не означает изоляционизма. Ведь в области культуры все происходит гораздо более опосредованно, чем в других

Деталь керамического фриза. 1491 год.
Ферапонтов монастырь.

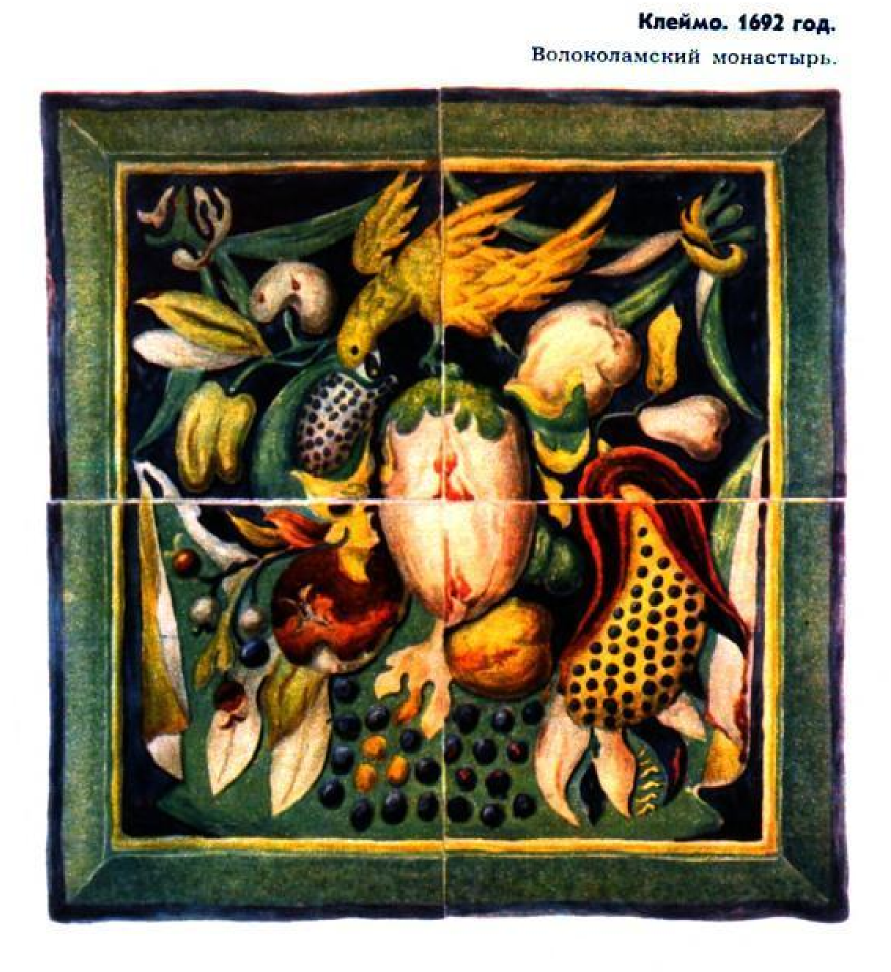
Клеймо. 1692 год.
Волоколамский монастырь.

Зеленый изразец. 1652 год.
Путинки.

Зеленый изразец. 1650 год.
Кострома.

Деталь фриза. Гончар Степан Иванов. 1679 год.
Москва.

ИЗРАЗЦЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХИТЕКТОРА С. МАСЛИХА

Деталь фриза Благовещенской церкви в Юрьевце. 1700 год.

Печной изразец. Начало XVIII века.
Государственный Исторический музей.

Фрагмент изразцовой печи. XVIII век.
Великий Устюг.

Печной изразец середины XVIII века.
Ростов Великий.

Печной изразец. Середина XVIII века.
Углич.

Печной изразец. Начало XIX века.
Музей «Коломенское».

Печные изразцы. Конец XVIII века.
Государственный Исторический музей.

сферах человеческой деятельности. Здесь «вирусные» теории всегда будут биты: если что-нибудь возникает где-то в Гонконге, то совсем не обязательно воспримется на Руси.

* * *

Вероятно, читателю все же интересно узнать, как развивалась русская архитектурная керамика в дальнейшем. Может быть, самое время вернуться на выставку изразцов в Музей имени Щусева и дослушать прерванный рассказ.

— Пока мы не располагаем точными данными о керамическом уборе зданий конца XVI и самого начала XVII века, но в ряде письменных источников можно найти свидетельство, что изразечное дело существовало. Так, в дневнике Марины Мнишек, жившей в царских хоромах Кремля после захвата Москвы Лжедимитрием I, упоминается о печах, украшенных зелеными изразцами.

Следующим заметным шагом к применению изразечных плиток стало строительство знаменитой церкви Троицы в Никитниках. В ранний период возникновения и развития Москвы центром гончарного ремесла в городе был район Зарядья. Как раз там, где кончается ныне улица Степана Разина, было так называемое Глинище, где добывалась глина пращурами московских гончаров. Здесь первоначально была поставлена ими небольшая церковь Никиты на Глинище, так как святой Никита в XV—XVII веках считался в Москве покровителем гончарного дела. Церковь, видимо, обветшала либо была разрушена в период борьбы с поляками. Вот на ее-то месте в 1634—1635 годах и был заложен собор Троицы в Никитниках, который едва ли не впервые в России был украшен полихромными изразцами с растительно-геометрическим орнаментом. Квадратные плиты, поставленные на уголок, образуют выразительные многоцветные пояса, щедро разбросаны изразцы по стенам храма, в специальных нишах, в кирпичных рельефных кокошниках над окнами...

Выбросив польских шляхтичей, окрепшее Московское государство не остановилось на этом, а шаг за шагом начало возвращать себе западные земли, захваченные польско-литовскими панами в период татаро-монгольского нашествия и в последующие годы. Многие тысячи людей, духовно тяготевших к своим русским братьям, переселялись с этих земель в города Центральной Руси. Среди переселенцев оказалось немало отменных умельцев, оставивших значительный след в развитии московских ремесел. В изразечном деле такими умельцами были, например, Игнатий Максимов и Степан Иванов. Вместе с многочисленными московскими гончарами они так продвинули «ценинное дело» вперед, что вторую половину XVII века можно было бы назвать золотым веком русского многоцветного изразца.

Своеобразным стимулятором для величайшего творческого взлета мастерства в русской архитектурной керамике явилось воплощение горделивых планов реформатора русской церкви — патриарха Никона. Уверовав в идею превосходства духовной власти над светской, Никон решил воплотить эту идею в гигантском сооружении, которое затмило бы своими размерами и убранством все царские палаты и кремлевские храмы.

По мысли одержимого реформатора, Новый Иерусалим должен быть восприемником славы главнейшей святыни христианского мира. Но на украшение Иерусалимского храма в Палестине было потрачено немало мрамора и других цветных каменных материалов, которых в те времена не было в пределах Московского государства. Строители Нового Иерусалима весь внешний и внутренний декор решили выполнить с помощью архитектурной керамики, изразцовых украшений, что и позволило создать уникальный памятник русского зодчества.

Несколько лет специально готовились к своему подвигу изразечники. На Валдае в одном из монастырей была создана керамическая мастерская. Возможно, здесь готовились и первые формы изразцов, задумывались элементы будущих украшений Нового Иерусалима.

Многие тысячи полихромных изразцов превратили величественное здание в излучине подмосковной реки Истры в сверкающее радужными переливами чудо рук человеческих. Изразцовые порталы, наличники окон, многоярусные керамические иконостасы, колонны с фигурными капителями, наружные фризы и пояса, пластическая вязь ценинных надписей — все это, покрытое многоцветьем густой, непрозрачной поливы, стало новым словом не только в русском, но и в мировом зодчестве.

Запад того времени хорошо освоил изготовление изразцов с эмалевым покрытием. На многих изделиях Новоиерусалимского ансамбля явно чувствуется это западное влияние в технике и рисунке. Но это наиболее впечатляющее сооружение Европы XVII века по смелости и масштабности применения архитектурной керамики.

К сожалению, новоиерусалимский шедевр не дожил до наших дней в первоначальном виде. Немецкие фашисты, уползая из-под Москвы в декабре 1941 года, взорвали большинство его уникальных строений. Но даже то, что сохранилось, а в еще большей степени другие работы мастеров, украшавших резиденцию крамольного патриарха, и по сей день внушает уважение к рукотворному диву русской поливной керамики второй половины XVII века.

Не будем утомлять читателя полной экскурсией по выставке изразца. Пусть те, кто не посетил выставку в Архитектурном музее, поверят нам, что рассказ был интересным до конца, что печные изразцы XVIII—XIX веков, переселившиеся из царских и монастырских покоев в дома купечества и зажиточных горожан, были красочны и своеобразны. И рельефные и гладкие, с синим, зеленым и многоцветным рисунком, они несут в себе приметы новых времен, усвоения уроков других народов и борения с некоторыми иноземными влияниями. Одно при этом оставалось неизменным — чувство цвета, композиции, гармонии и самобытность лучших отечественных мастеров-изразечников.

Я бывал на выставке неоднократно, а с ее создателем попросту подружился.

Как-то Сергей Александрович предложил проехаться по Москве, чтобы на месте посмотреть здания, изукрашенные керамическим многоцветьем во второй половине XVII века. Оказалось, что многие улицы столицы несут на себе отпечаток тех далеких времен, а в солнечную пору сверкающие плитки, сливаясь в удивительные по красоте узоры, и сегодня способны радовать глаз.

Есть своя логика и, если хотите, прелесть в сочетании старых и новых названий наших улиц, переулков, в соседстве древних, но бережно охраняемых зданий с сооружениями более близких нам эпох или самоновейших, подчас еще непривычных строений с обилием стекла, пластиков, металла. Все это особо присуще Москве — городу динамичному, бурно строящемуся, городу седой старины и дерзкого эксперимента.

Мы постепенно изживаем и, хочется думать, изживем как постыдное небрежение к тому, что должно составлять и оставаться нашей гордостью из прошлого, так и ретроградный снобизм неприятия новизны, которая была, есть и будет главным признаком развития и жизни. Мне по душе могучий размах Ленинского проспекта, хотя не все, что уже построено или строится там, украшает эту магистральную артерию столицы. Но по-своему хороши и едва ли требуют бездумного сноса милые сердцу многих москвичей арбатские лабиринты, Большая Полянка или Старомонетный переулок.

Пусть одинаково радуют нас и леса новостроек и реставрационные леса, что все чаще возводятся вокруг сооружений, которыми по праву гордились наши предки и будут гордиться грядущие поколения. Нельзя было не порадоваться тому, что этажи реставрационных лесов бережно обняли чудный памятник зодчества, который вот уже триста лет украшает Москву. Резной шатровой колокольней церковь Григория Неокесарийского выходит на Большую Полянку, а фасадом крестовокупольного пятиглавья — на Старомонетный переулок. Между белокаменными навершиями окон и рядами кокошников, подводящими взгляд к барабанам куполов, по всему периметру здания протянулся трехрядный изразцовый пояс с рельефными узорами. Примерно полтора десятка изразцов составляют законченный фантастический растительный узор со смелым сочетанием интенсивно-синего, зеленого, желтого, оранжевого, белого цветов. Фоном (землей) фриза является именно синий цвет. Мастер-керамист показал себя в этом случае умелым художником-декоратором. Используя своеобразный метод наборной изразцовой мозаики, он создает пояса из одного ряда изразцов на барабанах глав, делает прямоугольные вставки на колокольне. Эти элементы изразцового убора здания производят вполне самостоятельное впечатление и только при ближайшем рассмотрении оказываются частью главного фриза.

Нередко бывает, что история не сохраняет имена тех, чья творческая фантазия и золотые руки непосредственно создавали памятники-шедевры. Имя мастера в данном случае известно доподлинно. Помогли деловые бумаги царских приказов. В одной из них от 24 октября 1668 года говорится: «...По указу Великого Государя подряжены ценинных дел мастера Степашка Иванов с товарищи к церковному строению церкви Григория Неокесарийского сделать две тысячи образцов разных поясовых и ценинных в длину осми вершков и больше и меньше а поперек семи вершков. А поставить им те образцы на срок на Светлое Христово Воскресенье нынешнего... году, а дать им со ста образцов по десяти рублев и наперед сто рублев».

Имя «государева ценинных дел мастера», а также «печного мастера» Степана Иванова по прозвищу «Полубес» встречается в подобных документах неоднократно на протяжении почти всей второй половины XVII века. Исследователи установили, что Степан Полубес или его ученики являются авторами многих замечательных архитектурных решений.

Если сразу же за Калужской заставой, там, где начинается площадь Юрия Гагарина, вы свернете направо и спуститесь вдоль железнодорожного полотна к Москве-реке, то в Ездоковом переулке увидите белые стены еще одного памятника архитектуры — Андреевского монастыря. В семидесятых годах XVII века рука Степана Иванова украсила изразцами входную арку одного из первых в Москве просветительных учреждений. Здесь использованы изразцы такой же формы, что и на Большой Полянке. Только основным фоном является не синий, а терракотовый цвет. Новшеством стало более искусное применение наборной мозаики. Основание луковицы сплошь облицовано рельефной керамикой, причем изразцы поставлены уже в шесть рядов (прямой и обратный набор).

Время почти не оставило следов на изразцовых поясах, реставраторам пришлось только промыть многоцветные плитки специальным раствором, и они заблестели так, словно кудесник Полубес сделал их вчера, а не три века назад.

Глядя на это вечное украшение, невольно задумываешься над тем, что иным современным градостроителям не грех чаще обращаться к урокам прошлого. Тогда не придется тратить инженерные усилия и изобретательность, натягивая для безопасности сетки по периметрам домов, керамическая облицовка которых грозит рухнуть под тяжестью небрежения и конструктивных просчетов.

Животрепещущая проблема сегодняшнего дня — синтез архитектуры и изобразительных искусств в градостроительстве — может успешно разрешаться лишь при условии тщательного учета опыта прошлых веков, в том числе и традиций архитектурной керамики.

Именно об этом — об эстетической и экономической целесообразности применения керамических поливных цветных элементов в современном зодчестве — начался памятный для меня разговор в городе Ярославле, второй столице русского поливного изразца, где в конце XVII века была создана своя неповторимая ярославская школа архитектурной керамики. Но об этом в следующий раз.

РАССКАЗЫ С ТЕРЕКА

Светлана ЗАИКИНА

Рисунки И. Ушакова.

КАЗАЧИЙ ПОЯС

С дедом Тимофеем я познакомилась случайно. Встретились мы с ним на станичной улице. Внешность его была для меня такой необычной, что я остановилась и стала его с любопытством разглядывать, отлично понимая, что веду себя крайне неприлично, а уж по станичным законам — так вообще ни в какие ворота... Но не смотреть на него было просто невозможно!

Роста он был крошечного. На кривых кавалерийских ногах — старые мягкие сапожки, в которые заправлены синего сукна широченные казачьи галифе, какие в станицах давно уже не носят. Старенькая, выгоревшая до белизны гимнастерка была подпоясана настоящим казачьим ремнем с великолепной черненого серебра старинной черкесской чеканкой. Лицо смуглое, длинное, с горячими маленькими глазками: видно, в роду у этого дедка замешалась чеченская кровь. Из-под шапчонки торчал пучочек смоляных волосков. Седых не было.

Я с улыбкой рассматривала деда. Он тоже остановился, уставился на меня глазками-буравчиками.

— Чья будешь-то, чтой-то я тебя, девка, не упомню? — спросил меня дед настороженно и вроде бы даже враждебно. Я назвалась.

— А-а, вон ты чья, жив, значит, Андрей Иванович? Ну, низкий ему поклон от станишника Тимофея Давыдовича Рожкова передай. Помню я его добро крепко. А ты тут чего, дядьку, что ли, навестить приехала? Тогда давай заходь и ко мне на баз. Я тут в проулке обитаю. Узвар у нас ноне отменный. Пойдем, угощу. В городе такому не бывать. Дух не тот. Узвар беспременно должен в глиняной посуде на земле стынуть, открытай. Чтоб дух имел степной...

Все этот дед говорил быстро, скороговоркой, словно семечки щелкал, и вел, вел меня заросшими улочками, через лопухи с репьями, вспугивая воробьев, купающихся в пыли. Ходил он скоро, загребая носками вовнутрь. Наконец мы остановились у длинной приземистой хаты, крытой камышом-чаканом. Дед откинул замысловатую щеколду, и я очутилась в большом дворе, разделенном плетнем-забором на две части. Первая — жилая: длинный, во весь двор сарай, летняя беленькая кухонька. Кругом чисто, двор выметен. За плетнем — огород, колодец с журавлем да пяток старых кривых груш.

— Иди-ка, иди-ка сюда,— тенорком звал меня дед из кухоньки.— Пей-ка.— И подал мне в огромной алюминиевой кружке взвар.

Взвар был на самом деле отменный, духовитый, с запахом терна, груш и яблок. Я сидела на колченогой табуретке под навесом и, растягивая удовольствие, поглядывала по сторонам. Сытно жужжали пчелы над отцветающим подсолнечником. На кольях плетня торчали старые кувшины.

Дед, сидевший напротив, помолчал, поерзал и, будто примериваясь ко мне, прищурил глаз и стал смотреть даже как-то сбоку. Что-то деда томило, беспокоило.

— Значит, Андрея Иваныча дочка,— повторил он раздумчиво, словно стараясь убедить себя в чем-то.— Знаешь, что я хочу тебе сказать? — Он снова беспокойно поерзал, оглянулся кругом и таинственно прошептал, низко наклонясь ко мне: — ...ть я книгу задумал написать.— Дед даже легонько ахнул, словно бы от собственной смелости.— Книгу хочу написать,— повторил он,— про славное терское воинство, казачество, значит, а особенно про савельевское, наше. И все это прописать я хочу на примере нашего, рожковского роду. А почему, я тебе на все отвечу. Ты меня не торопи.

Так сказал дед, я его и не торопила и вопросов никаких не задавала.

Он начал:

— Мы, Рожковы, чистокровные терские, кровя у нас чистые, казацкие. Деды наши пришли сюда с генералом Савельевым, аж при царе Иване Грозном. Вон откудова наш род завязался. А книгу я хочу написать для того, чтоб племя наше в этой книге для поколениев значилось. Потому как племя наше особенное, буйное и завсегда отчаянством отличалось. Вот, сказать, мой прадед уволок чеченку из Орды, и пошли мы все смуглявые да горбоносые. И живем долго. Отец мой помер только три годка тому назад, а лет ему было девяносто пять. А теперя что происходит? Станица-то вся подалась на бугор, воды идут снизу, с земли, так что скоро не будет нашей Савельевки. А потомству-то сохранить ее надо. Должны люди на свете знать и про Савельевку и про корень наш рожковский.

Дед распалился, вскакивал, бегал по двору и даже сипеть стал от волнения. Я попыталась ему возразить, что ведь ничего особенного в нашей станице нет, что-де таких станиц по низовью Терека сотня наберется. И не ожидала, что так кровно обижу деда.

— Не! Не в отца ты, неуважительная. Польстился я на твое образование, думал, помогнешь чем, а зря, видно. Не обессудь, но, видно, баба она баба и есть.

Дед даже сплюнул сгоряча на свой сапог и замолчал. Мне стало стыдно. Я молчала, не зная, как подступиться к ерепенистому старичку. А он глянул на меня и говорит:

— Что, осознала суть свою али нет, еще мне помолчать?

— Да нет, деда, продолжай,— сказала я обрадованно.

— То-то...— Дед успокоенно замер на табуретке и продолжал: — Помогнешь, значит, ты мне, по глазам вижу. Бедовые у тебя они, наших, терских кровей. Так вот, для документальности, значит.— Дед с удовольствием повторил еще раз: — Для документальности, значит, хваткы я тебе дам по нашей семье. Только ты меня не сбивай. Про род я тебе рассказал. Теперь о себе. Это потруднее будет, потому как жизнь у меня вышла сурьезная. Сама понимаешь, почему. Конечно, по причине революции. Да и не только у меня сурьезная она вышла, а, почитай, у всей станицы. Я хоть и беспартейный, а большевик с семнадцатого году, когда с политикантами сплотился, Моргуновыми Колькой да Федькой, что еще ранее под Грозный на нефтяные прииски подались. А лет мне тогда было девятнадцать, так что в большевиках я смолоду. И закружилась моя жизня, как говорится, в пламени революции. И в одиннадцатой армии служил, до Батума дошел, корабли стерегли, чтоб золото наше не вывозили, потом до Тифлису докатился, к себе возвернулся и в особый отряд подался, в чеку, значит. Погонялись мы за бандами по бурунам-то. Ох, случай однажды со мной был.— Дед прижмурился.— Гнали мы банду Яблочкова. Всех уж словили. Сам остался! Ну, разъехались мы все кто куда, я в бурунах его искал. Пить хочется. Несколько часов уж гонял. Ни души. Смотрю: колодец. Я к нему. Глянул — и обмер. Потому как заместо воды глядит на меня заросшая рожа. Я отскочил, кричу: «Вылазь!» Не лезет, гад! Сам Яблочков. Так себя сам в колодце и кончил, а потом мне каково было его вытаскивать оттудова, а? — Дед смотрит на меня почему-то с негодованием и размахивает, рубит рукой, как шашкой.— Да, сурьезная жизнь была. В балке-то, за станицей, весь шагровский выводок накрыли. Отчаянные ребятки были. В бурунах скота у них было видимо-невидимо. А как шалить стали с властью, отца твово они ж первый раз подстрелили, так тогда мы их и накрыли. Мы, казаки, огляду не знаем. Начал служить Советской власти верой и правдой — значит, служи. Силком тебе не тянули. Отступлениев по этой причине нету. Я и в войне во второй мировой сражался. Медали имею. Мы, Рожковы, крепкие. Пять сынов у меня да две дочери. По той причине, что сам я ох и горячий смолоду был! — Дед щурится.— Да и жену отец мне определил девку здоровую, на голову выше меня, чтоб род наш не мельчал. Не переводился, значит. Ну, троих-то сынков не дождался я со старухою. Смертью храбрых... Оно-то и положено казакам — только смертью храбрых...— Дед крепится, но мелкие слезинки

катятся и катятся из глаз, пропадая в реденьких усах.

Потом он встряхивается и, помаргивая покрасневшими глазами, говорит просительно:

— Так ты, милка, пропиши про наш род-то, рожковский. Чтоб люди про нас знали. А я тебе подарок сделаю.— Он суетливо расстегивает пояс и, подавая мне, говорит: — Ремень-то старый, а чеканка на нем настоящая, черкесская, еще молодым во Владикавказе покупал. Бери, не робей.

Я взяла этот пояс, понимая, что отказываться от такого подарка — нанести смертельную обиду старому казаку. Потому что нет для него ничего дороже чести казачьей да ремня казачьего. С тех пор и висит у меня в комнате старинный казачий пояс деда Тимофея Рожкова...

Я и Комаренки

Если изо всей силы надавить пяткой сырую глину да повернуться несколько раз вокруг себя, то получится тарелка. Стараемся мы изо всех сил: кто быстрее. Вскоре весь берег в наших пятках-тарелках. Мы — это Комаренки и я, Зинка. Комаренки — наши соседи. Их пять братьев. Все вредные, драчливые, конопатые. Один другого меньше. С ними дружит Юрка, мой брат, а я нет, то есть я-то с ними дружу, да вот они со мной не хотят дружить. Да и сейчас еле-еле взяли меня с собой. А уж если честно говорить, то и сейчас не взяли, просто сама я побежала следом за ними. Куда они, туда и я. Сейчас они подались на Подкумок. С Комаренками всегда интересно. Они то раков пойдут драть на реку, а то еще в дальних оврагах за лопухами спрячутся. Однажды в лесу Витька, старший Комаренок, выгнал молодого совенка из хвороста. Глаза у совенка были здоровые, желтые... Витька только с виду тихий, а на самом деле самый отчаянный, и глаза у него, как у совенка, злые и желтые — страсть! Кто со старого моста прыгнул? Он. Другим слабо, а он прыгнул. Да и ко мне он не такой злой. Не гонит от себя, не дерется.

Хорошо все-таки быть мальчишкой. Им все можно. Я себе даже косы отрезала. Взяла ножницы — и раз, нету одной косы. На полу лежит. Жалко-о... Зажмурила глаза, и раз — вторую. Все равно пропадать.

Подсчитали мы тарелки, всех больше я навертела. Комаренки спорить стали, а потом убежали на речку купаться. Одна я осталась. Подождала, не вернется ли Витька за мной. Нет, не вернулся. Вот я и пошла в сад. Там сейчас яблоки поспевают.

Мама мне всегда говорит: «Выдумщица ты у меня, Зинка». А я совсем не выдумываю. Просто стою в саду долго-долго и слышу, что-то тонко-тонко звенит. Это яблоки соком наливаются. Молоко в них кислое, белое. Мама говорит, это просто незрелые яблоки. Ну и что ж, что незрелые. Зато первые. Значит, самые сладкие, хоть и кислые.

И сейчас я срываю самое большое и самое зеленое яблоко. Бегу через поляну снова к реке,— не могу я без Комаренков, скучно мне. Платье за спиной надувается, вроде кто держит меня. Страшно. Останавливаюсь, перевожу дыхание, иду тихо, незаметно. Во-он в кустах леший сидит. Я нарочно закрываю глаза, только маленькие щелки остаются: так лешего виднее. А он вдруг голосом бабки Души и говорит: «Прокуда ты, Зинка. Кто намедни наседку согнал с гнезда да индюшат в бочке искупал, а?» Широко раскрываю глаза — нет лешего, обыкновенный пенек.

А мальчишки, наверное, совсем закупались. Продираюсь напрямки через кусты волчьей ягоды. Вот и речка! Витька в воду прыгает, выплывает, махает саженками, а потом вылезает на берег около меня. Не смотрит. Ну и пусть. Иду мимо. Яблоко упало, покатилось по тропинке. А он его сразу хватает и кричит: «Не отдам, не отдам! Что упало, то пропало!» На одной ноге прыгает, меня дразнит. А мне что, пусть ест, не жалко. И правда, закупались Комаренки, а у самого маленького Комаренка губы посинели, словно вишней вымазаны.

Домой пора возвращаться. Вечер скоро. Бабка Душа говорит, вечер — это когда день

ночь догоняет. А как он догоняет, на коне, что ли? И не спросишь. Умерла бабка-то, совсем умерла.

Домой идти неохота, а охота еще побыть с Комаренками. Из сухой ботвы на огороде костер разводим, таскаем ворохами. Мать Комаренков приносит нам тарелку оладьев. Румяные. Макаем в коричневый арбузный мед, в деревянное корытце. Вкусно. У Комаренков все вкуснее, чем дома.

Костер гаснет. Разбрелись ребята. Мы с Витькой потихоньку убегаем к старому сараю и лезем на чердак. Крыша там дырявая, мы смотрим на звезды через дырку, как в папин бинокль. Звезды крупнее, ярче, если смотреть их через дырку в крыше.

— Зинка-а-а! — слышу я голос мамы.— Домой!

Перелезаю через плетень, вот я и дома. Во дворе топится печка, мама что-то готовит. Пламя освещает ее лицо, брови, рот.

— Пришла, гулена,— говорит она и легонько шлепает меня.

А мне совсем не больно, даже наоборот. Я мою ноги в старой бочке у крыльца, бегу в хату, падаю в постель.

Во сне снова приходят Комаренки, вредные, конопатые, злые.

И Витька приходит. Стоит, ест яблоко, мое яблоко.

Шапочка пуховая

Бабка Ольга аккуратно вытирает платком уголки рта и, обращаясь к племяннице, говорит:

— Ну что, Александра, начинай.

Та охотно, как будто давно дожидалась приглашения, начинает:

Шапочка пуховая, черкесочка новая...

Неожиданно сильным голосом бабка ловко подхватывает песню и бросает ее тетке Марии.

Ох, да черкесочка новая,—

выводит звенящим подголоском тетка Мария. И плывет и плывет казачья песня о загубленной молодой жизни...

Мы сидим во дворе. Ночь темная. Звезды мелкие, тусклые. Пахнет созревающим виноградом, наваристым борщом и молодым вином — чихирем.

Дед Терентьев подпевает женщинам, для верности помогая себе рукой. Дядя Жора тоже поет. Его прокопченные маслом и жарой руки неловко держат рюмку с мутноватым вином, расплескивая его по столу. Тонко звенят комары. Тетка Мария, устало положив на колени расплющенные работой руки, словно вяжет голосом старинный кружевной узор песни.

У бабки Ольги лицо молодеет, черные глаза на дубленом лице смотрят на меня жгуче, любопытно. Я тоже сижу за столом, но как-то на отшибе. На душе неспокойно, словно в предчувствии чего-то тревожного, неминуемого тоскует сердце. Что это за шапочка пуховая? Почему она появилась в песне?

Одна песня сменяет другую, и кажется, что поют длинную-длинную песню жизни. Всякой жизни, в которой было все. И сейчас странной и нелепой мне кажется мысль, неизвестно откуда взявшаяся и упорно не покидающая меня: «А ведь могло ничего этого и не быть. Ни этого вечера. Ни этих песен. Ведь не хотела ехать»... Да, на самом деле. Еще утром я не могла себе представить, что будет эта поездка, эта ночь.

Неожиданно как-то все получилось. А все отец. Пришел с работы, глянул на меня, бросил: «Завтра едем в станицу».

Всю дорогу не покидало чувство досады: зачем поехали? Жара. Пыль. За окнами вагона опаленные зноем деревья, на проселочных дорогах грузовики с зерном. Бабы на разъездах продают теплые помидоры и вареную кукурузу. Поезд не спешит. Почтовый. Подолгу стоит на маленьких станциях. Похож на старую лошадь, которая дремлет на ходу, иногда останавливается, а затем трогается привычно и неторопливо. Что мне помнилось о родной станице? Очень мало.

Станица лежит на берегу Терека. Знала, что там я родилась в декабрьскую ночь, но в станице, по правде говоря, я бывала редко. Где-то в смутных снах приходило детство. Виделись улицы, заросшие лебедой, почерневшие плетни пузато ломились на улицу. Сквозь них была видна зелень капусты, лука. Вечером станица пахла молоком, дымом, горячей пылью. Но это казалось безвозвратно ушедшим.

И мысли были такими же сонными и скупыми, как и сама дорога. Приехали в полдень. Тот же старенький вокзал без перрона. Горячий ветер, рожденный в бурунах, бросает в лицо горсти песка. Теперь здесь вместо станицы рабочий поселок. Встречает нас тетка Мария. Певуче тянет: «Наконец-то приехали до нас. Заходьте». Духота. Пьем теплую воду. Ставни закрыты. В стекла, жужжа, бьются мухи. Из неторопливого рассказа тетки узнаю, что Терек, поменяв русло, затопил станицу. Почти все переселились на бугор. Так и возник поселок. Я бродила по заросшим улицам, и меня не покидало щемящее чувство боли. Станица медленно умирала. К улицам подступили болота с камышом. Откормленные белые гуси лениво плавали в тепловатой воде. С трудом узнавались старые улицы.

Да, размывали станицу воды Терека, своенравной казачьей реки.

А сейчас вот, вечером, пришли знакомиться родственники. Старики. Неторопливая беседа о дальних и близких.

Потом стали «играть песни». Пели долго, истово. Где-то уже хриповато кричали молодые петухи. А я все слушала, слушала. И было страшно и радостно оттого, что просыпалось во мне что-то давнее, казалось, ушедшее, что я снова почувствовала запахи родной земли, услышала ее песни...

Уезжая, я все еще думала: что это за шапочка пуховая, о которой упоминается в песне? Папаха не папаха, башлык не башлык, картуз не картуз, а шапочка, да еще пуховая. Никак не могу понять. Но невидимыми путями, незримыми нитями я уже была связана и с этой песней и с тем молодым казаком, о котором пелась песня и который надевал в будни и в праздники свою новую черкесочку и шапочку, надевал лихо, набекрень.

...Далеко откатилась шапочка с его головы, под которой намокла земля теплой казацкой кровью. Вот и осталась шапочка в песне. Вот и заворожила она меня в ту длинную ночь.

„АНТИКВАРЫ"

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

...На допросе Матюшин и Горбанюк ничего не хотели признавать. Вещи они нашли. Да, нашли. Случайно. В каких-либо сомнительных делах никогда замешаны не были. Они — бывшие студенты. С учебой, правда, не вышло, но они готовятся к тому, чтобы вернуться в институт. Вот и все.

Так же держались они и на втором и на третьем допросах.

На чистосердечное признание преступников рассчитывать не приходилось. Иванцов и Рябиков настаивать не стали и оставили «студентов» в покое. Раз они так повели себя, значит, люди опытные, заранее продумали все пути маскировки. Следовательно, надо основательно подготовиться к последующим разговорам с ними, документально, вещественно доказать несостоятельность их доводов, бессмысленность упорства.

Беседы с Белоусовой, соседями и знакомыми Матюшина и Горбанюка, материалы из Гудермеса и Нальчика, где подследственные родились и жили до приезда в Москву, прояснили многое. Немало дал обыск в их комнате. Были обнаружены чужие паспорта, военные билеты, несколько бланков разных московских учреждений. Встреча с руководителями института, куда три года назад были зачислены парни, дополнила картину.

Да, многое о Матюшине и Горбанюке стало известно. Многое, но не все. Выходило так, что работали они вдвоем. Это, конечно, возможно, но маловероятно. Их «операция» в музее вряд ли могла быть проведена без чьей-либо помощи. Но кто этот помощник? И потом, где хранилось похищенное столько времени? В квартире Белоусовой ничего не обнаружено, в Гудермесе и Нальчике — только пистолеты. Значит, кто-то еще был с ними? Все связи Матюшина и Горбанюка, тщательно проверенные, ответа на этот вопрос не дали. К краже из музея они отношения не имели... Вновь и вновь Иванцов и Рябиков ломали головы над этой загадкой — изучали вещи задержанных, скрупулезно проверяли их знакомых, тех, кто мог скрывать что-то. Но результат был прежний.

На последней странице записной книжки, изъятой у Матюшина, крупным, небрежным почерком было написано: «К. Ф. четв. 10—18, пон. 18—20». Что это? Может, эта запись и не заинтересовала бы оперативных работников, если бы Матюшин сам не навел их на это. Он явно не захотел откровенно объяснить, что она обозначала. Сказал, что это просто Катя Филиппова, его знакомая. Адреса не знает. Где работает? Тоже не знает. Не интересовался. Кажется, в каком-то ателье.

Пришлось оперативной группе установить всех Екатерин Филипповых. В Москве их оказалось 57, но ни одна не знала Василия Матюшина. Может, эта Катя из Подмосковья? Однако никто из живущих под Москвой Екатерин Филипповых тоже не знал молодого человека с фамилией Матюшин. Тогда что же означала непонятная строчка?

Рябиков в который уже раз читал и перечитывал все документы и материалы, относящиеся к делу. Но ничего, что бы раскрыло эту злополучную запись, не находилось.

В этот день, с утра, он вновь раскрыл пухлые папки.

— Видимо, здесь какое-то имя и неизвестный еще нам эпизод,— рассуждал он вслух.— Константин Филиппович... Константин Федорович... Ксенофонт Феоктистович... Казимир Фадеич. Кирилл Федотович... Кирилл Фомич...— Рябиков замолчал. Это имя толчком отозвалось в мозгу. Он встал, еще не веря в реальность своей догадки и боясь спугнуть внезапно пришедшую мысль. Опять сел за стол. Сидел долго. Затем вызвал машину и поехал в музей. Помнилось ему, что в комендатуре музея висело расписание дежурств обслуживающего персонала. Но, конечно, там был уже новый график. Разыскал коменданта, потребовал книгу записей дежурств за прошлый год. Когда книга была принесена, он, едва смахнув с нее пыль, стал торопливо перелистывать страницы. И, наконец, откинувшись на спинку стула, проговорил:

— Вот теперь все ясно.

— Что же вам ясно, товарищ лейтенант?— удивленно спросил комендант.

— Все встает на свое место. Спасибо вам за книгу, я заберу ее. Верну, верну в целости.

В кабинет Иванцова он вошел не спеша, хотя ему стоило больших трудов себя сдерживать.

— Товарищ капитан, эврика!

— Что случилось, Сережа?— Иванцов поднял голову.

Рябиков молча положил перед Иванцовым книгу дежурств по музею, раскрыл ее и ткнул пальцем в третью строчку:

— Видите? «Буняков Кирилл Фомич. Дни дежурства: понедельник, четверг». Понимаете? Вот что значит «К. Ф. пон. и четв.» в книжке Матюшина. Нет, ты должен, капитан, обязан даже признать, что помощник у тебя талантлив до чертиков!

Иванцов долго перелистывал регистрационную книгу, вчитывался в каждую ее строку. Внимательно рассматривал каракули на последней странице записной книжки Матюшина.

— Не знаю, как насчет таланта и прочее, но то, что ты молодец, Серега, это факт. Значит, они все-таки были связаны. Как, в какой степени? Какова роль Бунякова в этой истории? Как мы все это узнаем?

— Кирилла Фомича придется привозить в столицу.

— Безусловно. Но начнем со «студентов». И не откладывая.

Матюшин вошел в комнату бодрой, уверенной походкой. Небрежно бросил:

— Мое вам. Давненько не виделись.

— Здравствуйте, Матюшин. Поговорим?

— Поговорим, капитан.

— Так вы утверждаете, что шпагу фельдмаршала, миниатюры, и столовые приборы, и все вещи, что обнаружены при вашем задержании, вы нашли?

— Да, нашли. Я уже рассказывал, при каких обстоятельствах. Ходили в небольшой поход. В районе Горенок, недалеко от края дороги, увидели ящик. Открыли. Глядим, какая-то утварь. Не знали мы, что это государственные ценности. Думали, чье-нибудь личное барахлишко.

Иванцов спокойно слушал объяснение, но ничего не записывал. Матюшин обеспокоенно заметил:

— Я прошу все это занести в протокол.

— А все это уже записано при первых допросах, ничего нового вы нам не сообщили.

— Рассказываю то, что было. Правду рассказываю.

Иванцов пристально посмотрел на него:

— Ваш рассказ от правды так же далек, как Венера от Земли. И пора вам, Матюшин, кончать сказки. В них ведь никто не верит.

— Дело ваше, не верьте. Но и доказать обратное никто не может.

— Наивно все это, неужели не понимаете?

— Не понимаю, объясните.

— Что ж, объясню. Работали в музее вы, конечно, аккуратно, в перчатках. Но оплошности допускают «мастера» и покрупнее вас. Когда вы перелезали через макет крестьянской избы, в зале № 28, вы не могли преодолеть гипсовый бордюр внешней стороны макета, не опершись на него. Не знаю уж почему, но в этот момент на правой руке перчатки не оказалось. И след, ваш след, там остался. Как человек грамотный, вы должны понимать, что такое дактилоскопия.

— Не может этого быть,— привстал со стула Матюшин.

— Почему же не может? Пожалуйста, читайте заключение экспертизы.

Как только Матюшин прочитал, Иванцов продолжил:

— Теперь еще одно. Вы утверждаете, что пистолетов не видели и не имеете о них никакого представления. Так?

— Да, именно так.

— Опять наивно получается. Пистолет, который взяли вы, обнаружен в Гудермесе у вас в сарае. А Горбанюк свой пистолет спрятал тоже дома — в Нальчике, на полке за книгами. Оба эти экспоната уже у нас.— Иванцов открыл сейф и показал пистолеты.— Можете удостовериться... О причинах ухода из института вы тоже сказали неправду. Не за опоздание к началу занятий вас исключили, а за пьянство, систематическое и злостное нарушение дисциплины, неуспеваемость и прочее. Выходит, опять ложь.

Лживы и ваши объяснения, касающиеся прописки в Москве: «Отдали паспорта хозяйке, и она принесла их уже прописанными». Не она

Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2.

вам их принесла прописанными, а вы ей. Штамп прописки сделали сами. И даже предлагали кое-кому из института услуги по этой части.

Но все это, Матюшин, не главное. Хотя достаточно, чтобы вас судить. Нас прежде всего интересует кража из музея. Вот о ней и давайте говорить в первую очередь; говорить как было, без легенд. Я думаю, вы уже убедились, что вам на них — на легенды-то — явно не везет. Врете вы с легкостью необыкновенной, но врете неубедительно. Примеры я уже привел. Могу их продолжить. Вот хотя бы с записью в вашей книжке. Ну, что вы нам плели о какой-то там Кате Филипповой? Товарищ Рябиков расшифровал и этот ваш секрет «К. Ф.». Это Кирилл Фомич Буняков — известный «любитель» антикварных ценностей, крупный спекулянт, участник уголовного дела «Соборников». Вот что значит мудреный шифр «К. Ф.». Может, скажете, не так?

— А если скажу именно это?

— Ну что ж. Бунякова через несколько дней привезут в Москву, по совокупности он должен ответить и за кражу в музее. Дадим вам очную ставку. Ваша связь с ним для нас очевидна, и мы докажем ее. Так что мой совет: кончайте разыгрывать из себя простачка, и давайте говорить серьезно. Вы ведь, судя по всему, старшой, заводила в этой вашей компании? Ну, так вот с вас и начинаем. Признаете ли себя виновным, что в сговоре с гражданином Буняковым и Горбанюком произвели кражу реликвий из Исторического музея и пытались сбыть их иностранцам?

— У меня к вам вопрос,— поднял голову Матюшин.

— Вопросы здесь задаем мы. Но можно сделать исключение. Что у вас?

— Вы сформулировали так, что я вроде старший, ну, вроде глава всего этого дела?

— Да, впечатление такое. И «заслуги» ваши судом будут соответственно учитываться.

— Вот это я и хотел уточнить. И заявляю официально: инициатива принадлежит не мне, организовывал операцию не я.

— А кто же?

— Вот тот самый «К. Ф.» — известный вам Буняков.

— Что ж, допускаю. Но, разумеется, все это мы проверим. Однако вы не ответили на вопрос: признаете ли себя виновным в похищении ценностей из Исторического музея и в попытке продажи их иностранцам?

— Придется, видимо, признаться.

— Отвечайте яснее.

— Признаю.

— Теперь подробно рассказывайте все обстоятельства дела. Затем вы также расскажете о подделке паспортов, о краже вещей из квартир гражданок Чесноковой, Фебер и Полушко, о краже в общежитиях Московского педагогического и Ленинградского технологического институтов, об ограблении гражданина Гулачо...

Матюшин удивленно посмотрел на Иванцова.

— Когда же вы успели так подробно изучить мой послужной список?

— Гражданин Матюшин, отвечайте по существу.

. . . .

Началось, собственно, все с поступления в институт. Матюшин и Горбанюк держали вступительные экзамены в Московский университет. Не прошли по конкурсу. Подались в Государственный педагогический. Результат был тот же.

— Раз так, пусть стараются предки,— небрежно бросил Горбанюк, выходя из здания телеграфа, где он только что отстукал телеграмму домой.

Через день из Нальчика в столицу прилетел его отец — директор научно-исследовательского института. Он куда-то ходил, кому-то звонил, с кем-то встречался. И по прошествии двух дней объявил сыну и его приятелю:

— Вот адрес. Поедете завтра. Обещали принять.

Матюшин и Горбанюк были приняты в один из институтов, связанных с подготовкой преподавателей-историков, хотя они не могли не заметить снисходительно-презрительных взглядов некоторых членов приемной комиссии.

Учеба у друзей шла туго. Нужно было трудиться упорно и настойчиво каждый день. Тем более, что даже основ знаний у них — из-за «льготного» пребывания в школе — не было. Добывать же эти знания, наверстывать упущенное ни тот, ни другой не хотел.

«Хвосты» — штука коварная, они росли от зачета к зачету. Матюшин и Горбанюк держали по ним постоянное первенство. Их стыдили, увещевали, объявляли предупреждения и выговоры. Но как можно было ликвидировать эти самые «хвосты», когда и дни и вечера заполнялись до предела? Приятелей завелось много, приятельниц тоже. С одними надо поехать на дачу (родители в отъезде, и время можно провести свободно), с другими — в Клязьминский пансионат, третьи организуют удивительно занятную прогулку на катере по Большой Волге. Одним словом, дыхнуть некогда.

Круг знакомств ширился. Потребности росли. Вкус к праздной, веселой жизни превращался в привычку, в норму поведения. Наконец, за пьяный дебош на Химкинском речном вокзале приятели попали под суд и отработали по две недели на какой-то овощной базе. Последовало исключение из института.

— Ну, куда направим свои стопы? — спросил Матюшина Горбанюк, когда они вышли из здания института на улицу.

Матюшин чуть задумался и лихо зашагал по улице. Уже на ходу бросил:

— Зайдем к Фомичу. Он давно гнездуется в этом древнем городе, что-нибудь посоветует.

...Их знакомство с Кириллом Фомичом Буняковым состоялось с год или полтора назад. Толкаясь на улице, приятели зашли в один из комиссионных магазинов, что на старом Арбате. Какой-то старикан принес несколько небольших по размеру пейзажей старого, забытого мастера. Он разложил их на прилавке

и все убеждал заведующего секцией, что это не просто картины, а шедевры. Но работник магазина был иного мнения:

— Нет, нет, папаша. Ничего оригинального. Обычные средние вещицы. Такие идут слабо. Люди хотят покупать действительно ценное.

Во время их спора Матюшин, стоявший около старика, взял один из пейзажей и проворно положил в пачку газет и журналов, которую держал в руке. Никто не заметил этого, и он, кивнув Горбанюку, бросил:

— Пошли.

Пройдя два или три квартала, мельком показал приятелю картину.

Горбанюк удивился:

— Откуда это? Из магазина? Ну ты и мастак! Я и не заметил.

— Но кое-кто узрел... — Голос раздался рядом. Приятели вздрогнули. Около них стоял невысокий, плотно сложенный человек в дубленке и белесой ворсистой шляпе. Увидя испуг на лицах парней, он проговорил тихо: — Пойдемте-ка вот в это кафе, поговорим.

— А что такое? Кто вы... Почему мы должны идти с вами? — запротестовал Матюшин.

— Пошли, пошли. Не бойтесь,— по-свойски проговорил мужчина и первый направился через улицу.

Буняков угостил новых знакомых коньяком, кофе и, вытащив из кармана несколько десятирублевых бумажек, положил на стол. Пейзаж вместе с газетами придвинул к себе.

Матюшин молча взял деньги и деловито спросил:

— А где вас найти в случае чего?

— В случае какого случая? — с ухмылкой спросил Буняков.

— Да вы не бойтесь. Мы надежные.

— А я и не боюсь. Чего мне бояться? Вот выпили, закусили — и до свиданья.

Буняков сразу понял, что за типы перед ним. Начинающие шаромыжники, это ясно. Никуда они не пойдут и ничего не скажут. А вот если у них будет что-нибудь подходящее — можно попользоваться. И Кирилл Фомич деловито объяснил:

— Если что будет, меня найдете в Историческом музее. По понедельникам — днем, по четвергам — вечером.

Так состоялось это знакомство и появилась запись в книжке Матюшина.

Матюшин и Горбанюк обирали пьяных, работая «под иностранцев», знакомились с падкими на приключения девицами и обкрадывали их, не брезговали даже воровством у своих знакомых студентов в общежитиях.

Раза два или три с разной мелочишкой появлялись у Бунякова. Тот, посмотрев принесенное, брезгливо отодвигал от себя.

— Ерунда, барахло. Меня такое не интересует. Вот если бы ценная икона, картина или что-то в этом роде...

Когда удалось стащить в одной церквушке два серебряных подсвечника, Буняков взял их с удовольствием.

— Вот это дело стоящее. Такое приносите.

Знакомство продолжалось, и Матюшин не без оснований рассчитывал, что Буняков поможет. Им нужна была комната у какой-нибудь старушки.

Действительно, Буняков дал адрес Белоусовой — своей давней знакомой, что жила в Измайлове. Оставалось уладить с пропиской... Здесь «мудрым» советом помог приятель, с которым как-то вместе ужинали. И хотя дружок этот очень скоро после разговора отбыл на очередную отсидку, опытом его решили воспользоваться.

Горбанюк имел некоторые навыки в художественном ремесле, пытался когда-то рисовать и вырезать по дереву. Он решил, что штамп прописки изготовит сам. Возился долго, но получилось неплохо. Прописка, таким образом, была оформлена.

Теперь началась совсем привольная жизнь. Промысел, рестораны, веселье и опять промысел.

Как-то сидели они в кафе «Националь». Молодой кудлатый парень угощал здесь свою компанию. Рефреном его пьяной, безудержной болтовни была одна мысль: «Надо уметь жить, брать ее — жизнь-то — за горло, такуюсякую. И картина-то вот с эту картонку,— показал он на ресторанное меню,— за пазухой убралась, а гулять будем долго. Вот так-то...»

Из кафе Матюшин и Горбанюк вышли поздно. Горбанюк проговорил:

— Везет же некоторым.

Матюшин зло ответил:

— При чем тут везенье? Просто соображать надо. Фомич нам об этом говорил не раз. Разные там реликвии — самое верное дело.

После этого вечера «прогулки» Матюшина и Горбанюка по Москве стали более целеустремленными — музеи, выставочные залы, соборы... Но все охранялось, везде их встречали и провожали пристальные взгляды смотрителей, экскурсоводов, сторожей.

При очередной встрече приятели посетовали Бунякову на свои неудачи. Тот после некоторого раздумья проговорил:

— Есть у меня одна мысль. Не знаю только, осилите ли. Слабаки вы.

Возмутились оба сразу.

— Ну, это вы зря. Если дело стоящее...

— Ладно, ладно. Я подумаю. Наведайтесь через пару дней.

И когда состоялась следующая их встреча, разговор имел уже более конкретный, практический характер.

— Вы в нашем музее бывали?

— Да нет. Вот только у тебя. В залах-то не приходилось.

— Оно и видно. Тоже мне интеллигенция. А вещи там есть ценнейшие. И ремонт сейчас...

— Выходит, дело реальное?

— Вполне. И реальное и стоящее.

— Когда же осуществим?

— Не спешите. Есть одна закавыка. Сигнализация. Надо этот узелок развязать. Вот только как? Придется мне это взять на себя. А вы пока освойтесь, походите по залам, особое внимание обратите на двадцать седьмой и двадцать восьмой. Там вещи не громоздкие, а цены баснословной. Прикиньте, сориентируйтесь.

Как и обещал, «узелок с сигнализацией» Буняков развязал сам.

Строительные леса из металлических труб с прочными деревянными настилами стояли между двух колонн, верхним крепежным поясом почти касаясь одной из них. По кромке карниза аккуратной синеватой линией пролегал провод охранной сигнализации. Пол имел небольшой уклон, и под чугунные колеса лесов были подложены деревянные клинья.

«Лучше и не придумаешь,— проговорил про себя Буняков, когда после ухода плотников он осматривал оставленное ими хозяйство. — Клинышки выбьем, и все будет в норме. Верхний пояс прилег вплотную к проводу и должен, обязательно должен задеть его».

Часов около шести вечера вновь поднявшийся в зал Буняков ударом ноги выбил изпод колес деревянные клинья. Леса качнулись, с силой ударили металлическим поясом по грани колонны, проползли с полметра параллельно плоскости стены и остановились. Синий провод, рассеченный надвое, повис вдоль колонны.

— О'кэй! — пробормотал довольный Буняков.

Спустившись вниз, он пошел к коменданту.

— Голова болит нестерпимо, разрешите уйти домой.

Комендант возражать не стал. Может же заболеть человек!

А Буняков, выйдя из музея, направился к Центральному телеграфу. Здесь у входа его ждали Матюшин и Горбанюк. Он не остановился, а, пройдя мимо, обронил лишь одну фразу:

— Все в норме. Действуйте.

Поздно вечером Матюшин и Горбанюк зашли за ограждающий здание музея временный забор и по строительным лесам поднялись на второй этаж. Выдавив окно, проникли в залы. Подсвечивая карманным фонарем, используя перчатки и полотно, которым были накрыты витрины, они взламывали латунные полусферы рамок и вскрывали витрины и шкафы. Серебряную и золотую утварь — кружки, ковши, бокалы, табакерки — рассовали по карманам, за пазухи. Широкое демисезонное пальто Горбанюка оказалось особенно вместительным. В соседнем зале тем же способом взяли столовый прибор, миниатюры М. И. Кутузова и Е. И. Кутузовой, два кремневых пистолета, эфес шпаги.

Через час тем же путем вышли на строительные леса и скрылись.

Как было условлено ранее, утром они были на Киевском вокзале. Здесь их ждал Буняков. Спиннинги, рюкзаки за плечами. У кого могло возникнуть какое-либо подозрение? Трое любителей-рыбаков отправляются за город.

В Апрелевке, в сарае на садовом участке сестры Бунякова, все похищенное было спрятано, завалено досками. Матюшин и Горбанюк взяли только по кремневому пистолету. Буняков отговаривал их, но те настояли на своем.

— Ну, ладно, леший с вами, только не попадайтесь с ними. Год выдержки. Через год будут у нас деньги. И немалые.

— Год? Долгонько ждать.

— Нельзя иначе. Знаете, какая кутерьма поднимется? Ни в один магазин, ни в одну гостиницу не сунешься. А чтобы вы спокойно могли ждать, вот вам аванс. — И Буняков вручил Матюшину и Горбанюку по пятьсот рублей.

Денег этих приятелям, однако, хватило ненадолго, и они уже подумывали о том, чтобы пойти к Бунякову и потребовать или нового аванса, или реализации спрятанных вещей. Но случай изменил их намерения.

В «Иртыше» на Зацепском валу подсел к их столу один гражданин. Приятели поняли сразу, что это не москвич, и проявили к нему максимум радушия. Когда знакомство было скреплено изрядной выпивкой и приезжий, уверовав, что ребята попались ему свойские и даже в некотором роде земляки, обратился к ним за помощью.

— Позарез надо купить кое-что ценное. Шубу жене, пару мебельных гарнитуров...

Была обещана и шуба и гарнитуры. А утром искатель дорогих вещей, некто гражданин Гулачо, был уже на Петровке и, ревя в три ручья, несвязно рассказывал о том, что вчера зело переложил, а проснувшись у себя в номере, не обнаружил ни документов, ни денег. А там было три тысячи.

— Что делать? Что делать?

Ни имен, ни фамилий, ни сколько-нибудь характерных примет своих «друзей» он назвать не мог.

— В памяти провал. Понимаете? Очень уж опьянел.

На след проходимцев напасть тогда не удалось. У Матюшина и Горбанюка оказался, таким образом, немалый куш. С реализацией ценностей из музея можно было не спешить. И они, пробыв еще несколько дней в Москве, уехали к своим родным, в Гудермес и Нальчик.

Домашних они обрадовали рассказами об успешной учебе, обещали скоро привезти дипломы об окончании института. Весело погуляв в родных местах недели две и пополнив бумажники за счет родительских щедрот, приятели подались в Крым, потом перебрались в Тбилиси, оттуда в Ереван. Гуляли, пока не иссякли денежные знаки. Вновь пополнили их испытанным уже способом. Но заметили как-то, что уж очень пристально приглядываются к ним двое молодых людей в штатском. «От греха подальше»,— решили приятели и быстренько подались в Москву. Сразу же по приезде наведались в Исторический музей. Надо же увидеть старого приятеля. Шли туда не без дрожи, но никто на них не обратил внимания. Удар обрушился чуть позже, когда они спросили, почему нет сегодня на дежурстве Кирилла Фомича. Дежурный по музею присвистнул:

— Бунякова? Он давно у нас не дежурит. Несет вахту в других местах. Пять лет получил.

— За что же это его? — удивленно спросил Горбанюк.

— Какие-то старые дела вскрылись,— ответил дежурный и, в свою очередь, спросил:

— А вы кто ему будете?

— Да так, знакомые,— быстро нашелся Матюшин, и оба поспешили к выходу.

Прямо из музея друзья отправились на вокзал и первым же поездом — в Апрелевку.

На участке никого не было. Они открыли сарай, торопливо вскрыли тайник. Все вещи лежали на месте.

— Все нормально, старик, все нормально! — обрадованно проговорил Матюшин. — По совести говоря, я думал, что уплыли наши вещицы.

Ночью они перевезли все ценности к себе в комнату. Теперь надо было реализовать украденное. Толкнулись в магазины. В один, другой, третий... Но там смотрели на них настороженно, недоверчиво: откуда ценности? Какая есть документация? Очень скоро им стало ясно, что кража в музее не забыта.

Находились и коллекционеры. Но как только знакомились с одной-двумя вещами, отказывались от сделки наотрез. Для профессионального взгляда было ясно, что вещи эти «студентам» не принадлежат. А раз так, то дело, следовательно, ненадежное, опасное.

— Самое лучшее — это найти бы какого-нибудь толстосума-иностранца и сбыть ему сразу все,— твердил Горбанюк.

Матюшин не возражал:

— Согласен. Только как это сделать?

Наконец после долгих поисков такой покупатель нашелся. Договорились и о сумме. Пять тысяч советскими и тысяча долларов. Но что-то, видимо, заподозрил иноземец, потому что в назначенное время и место не пришел. На следующий день Матюшин разыскал его в гостинице, но тот не пустил его в номер, повторяя только одно:

— Найн, найн.

И все же решено было твердо: найти покупателя из приезжих гостей. Легкость, с какой тот иностранец согласился уплатить солидную сумму за показанные вещи, не давала покоя, питала надеждой на успех дела.

И вот приятелям удалось-таки зацепить двух заморских любителей русской старины. В «Нарве» договорились о встрече у Савеловского вокзала. По дороге, во время поездки, показали реликвии и сторговались. Не сумели договориться только о шпаге. Матюшин и Горбанюк хотели за нее отдельную и немалую цену, а покупатели на это не шли. Но и та и другая договаривающиеся стороны чувствовали, что, пока доедут до Москвы, сторгуются.

Но операция эта проводилась, когда оба «владельца» музейных экспонатов были уже в поле зрения Иванцова и Рябикова. И белый «мерседес» в тот день возвратился с Дмитровского шоссе в сопровождении двух оперативных машин уголовного розыска.

* * *

Через месяц из музея позвонили в МУР.

— Приезжайте на открытие экспозиции. Реставраторам пришлось потрудиться, но все сделано, кажется, хорошо.

Дедковский вызвал Иванцова и Рябикова:

— Съездите. Раз приглашают, неудобно отказываться.

Иванцов и Рябиков, в свою очередь, атаковали Дедковского.

— Пойдемте, товарищ майор, вместе. Займет это полчаса-час, а взглянуть интересно.

Дедковский со вздохом махнул рукой.

— Ладно. Поедем.

Директор музея сам вызвался проводить гостей по залам. Он подробно, с нежной влюбленностью показывал каждый экспонат, каждую витрину, тащил то в один зал, то в другой.

— Вот это берестяные древнерусские грамоты XII—XV веков, обнаруженные при раскопках в Новгороде. Это свинцовая печать Александра Невского; это первая печатная русская книга «Апостол», вышедшая в типографии Ивана Федорова, а это глобус, по которому получал первые уроки географии Петр I.

Дедковский, улыбнувшись, заметил:

— Да вы не беспокойтесь, ребята теперь ваш музей знают досконально, я тоже бывал здесь... Покажите-ка лучше, как выглядит восстановленная экспозиция.

— Да, да. Обязательно. Вот эти залы.

В стеклянных витринах мерцали бриллиантовые грани шпаги фельдмаршала, выстроились предметы столового набора — свидетели былых походов великого полководца; мирно покоились в своих мягких гнездах пистолеты генерала Платова...

В зал вошла большая группа экскурсантов. Молодая девушка-экскурсовод начала рассказ:

— Мы находимся в зале героев Отечественной войны 1812 года. Перед нами вещи, принадлежавшие Михаилу Илларионовичу Кутузову и генералу Платову. Замечу, что экспозиция этих залов открывается только сегодня после восстановления и реставрации. Все эти вещи были похищены из музея и лишь недавно вернулись к нам благодаря самоотверженной работе товарищей, которые занимались их розыском...

Иванцов тронул Дедковского за рукав:

— Пошли, товарищ майор, дальше.

Дедковский посмотрел на смущенные и взволнованные лица Иванцова и Рябикова, обнял обоих за плечи и проговорил:

— Ну что ж, ребята, взыскания вам не будет, а благодарность, как видите, уже объявлена. Так что поздравляю!

Когда подъезжали к Петровке, Дедковский, повернувшись с переднего сиденья машины и отвечая своим мыслям, проговорил:

— Дело «Антикваров» вы закончили, преступников нашли. И благодарность, конечно, заслуженная. Но несколько ошибок по делу вы, вернее, мы с вами, допустили. И серьезных ошибок...

— Какие же это ошибки, товарищ майор? — чуть запальчиво спросил Рябиков.

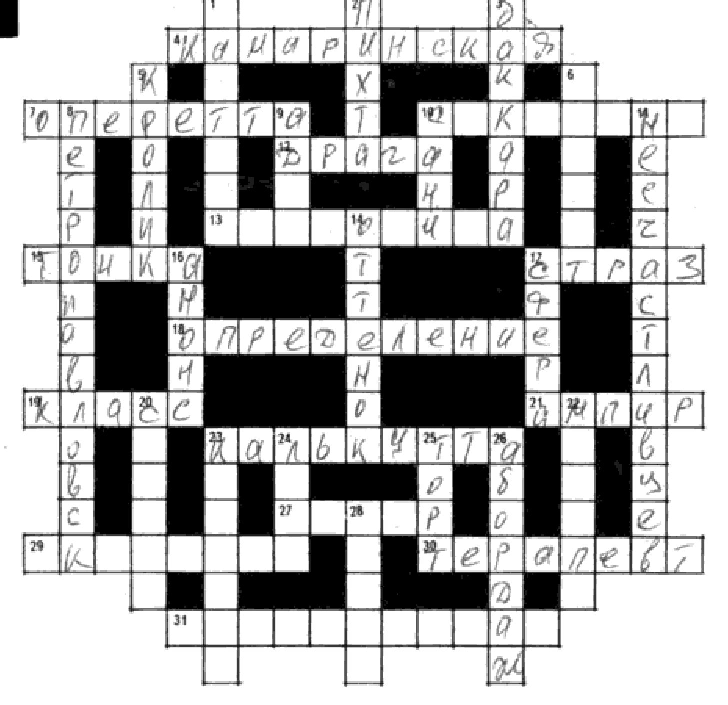
Дедковский посмотрел на него, улыбнулся и ответил:

— Спорить ведь будете? Верно? Верно,— ответил он сам себе. — А спорить сейчас некогда. Вот соберемся в конце месяца на оперативно-методическое совещание, тогда и поспорим. А за это время подумайте. Очень советую. Были ошибки, были. Победителей, как известно, не судят, но от критики и они не застрахованы. — Затем, посмотрев на часы, деловито и официально проговорил: — Капитан Иванцов и лейтенант Рябиков, вам предстоит командировка в Алма-Ату. Есть данные, что туда отбыл один очень интересующий нас объект. Через час, в четырнадцать ноль-ноль, прошу быть у меня. И подготовьтесь к отлету — самолет в шестнадцать часов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русская плясовая песня. 7. Музыкально-сценическое произведение. 10. Экваториальное созвездие. 12. Плавучее землечерпательное сооружение. 13. Музыкальный инструмент. 15. Знак препинания. 17. Искусственный камень. 18. Второстепенный член предложения. 19. Комната в школе. 21. Стиль в архитектуре. 23. Порт в Индии. 27. Военнослужащий инженерных войск. 29. Вещество, получаемое из растительных или животных тканей с помощью растворителя. 30. Врач. 31. Русский математик XIX века.

По вертикали: 1. Английская разменная монета. 2. Хвойное дерево. 3. Сорт хрусталя. 5. Животное семейства зайцев. 6. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 8. Областной центр в Казахстане. 9. Река во Франции. 10. Зимняя повозка. 11. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 14. Разновидность цвета. 16. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 17. Поверхность шара. 20. Горы в Европе. 22. Опера П. И. Чайковского. 23. Русский архитектор. 24. Венгерский композитор. 25. Кондитерское изделие. 26. Тактический прием в морском сражении. 28. Грамматическая именная категория.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 5. Баритон. 6. Медведь. 9. Лонжерон. 10. Радиатор. 12. Салат. 13. Фанфара. 15. Титания. 16. Партитура. 19. Ремарка. 21. Семафор. 23. Лоток. 25. Бетховен. 26. Лабрадор. 27. Франций. 28. Горький.

По вертикали: 1. Креветка. 2. Косинус. 3. Реферат. 4. Реквизит. 7. Тротуар. 8. Пловдив. 11. Планиметр. 14. Анапа. 15. Торос. 17. Дербент. 18. Дордонь. 20. Репортаж. 22. Матрешка. 23. Ленский. 24. Кольцов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Миллионная жительница города Куйбышева Наташа Белова.

Фото К. Каспиева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ...Белка песенки поет да орешки все грызет...

Фото С. Блохина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

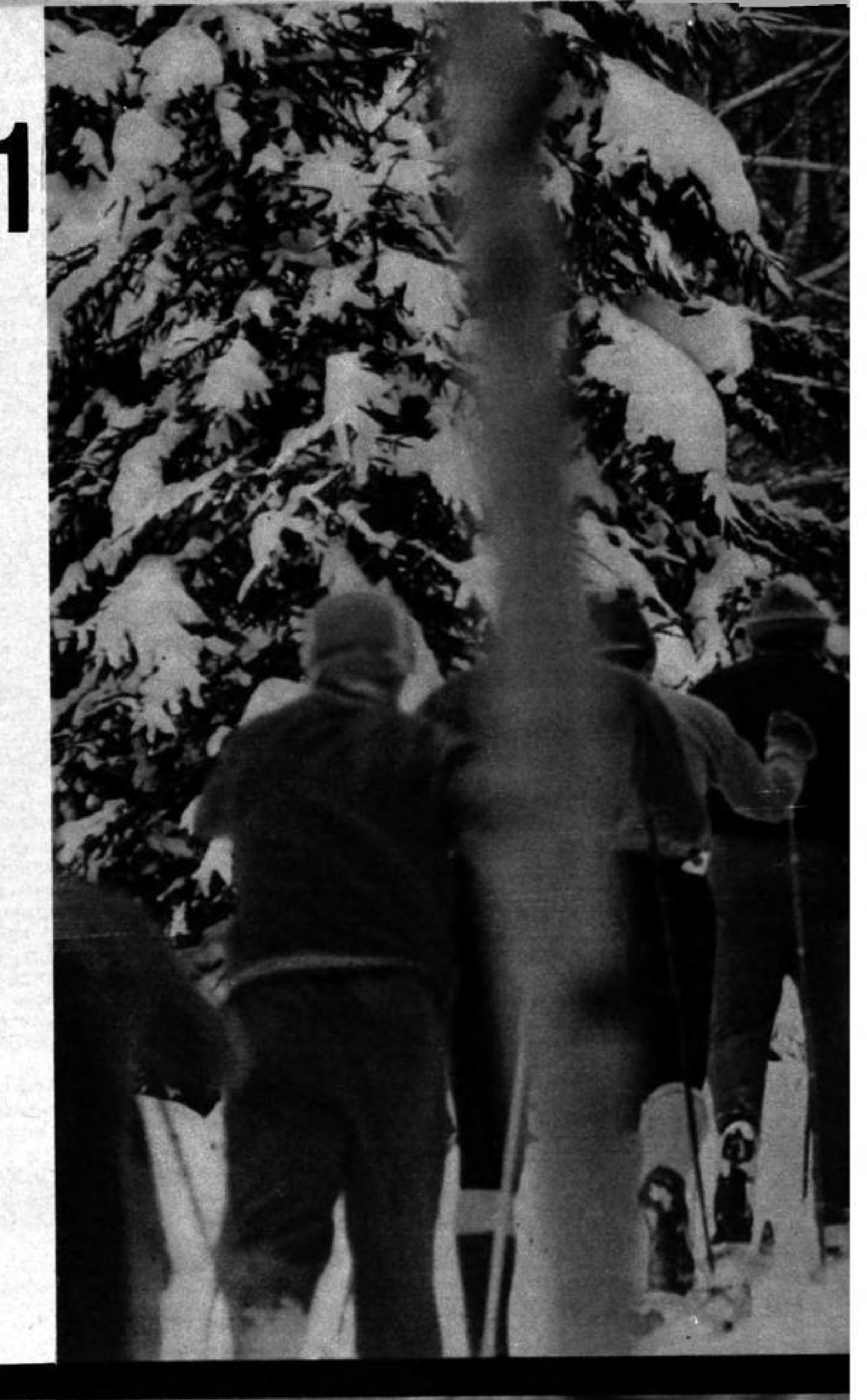
Сдано в набор 30/XII — 69 г. А 00305. Подп. к печ. 13/I-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 970 000 экз. Изд. № 26. Заказ № 3632.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Анатольева.

1

Колчины! Эта славная спортивная семья прочно связана с нашими победами на лыжне. Сколько раз мы слышали о ее успехах в борьбе с сильнейшими гонщиками скандинавских стран! Восемь раз завоевывала первенство мира Алевтина Колчина. Не раз поднимался на олимпийский пьедестал Павел.

А когда пришло время сходить с лыжни, знаменитый гонщик стал тренером в сборной, передал все свое искусство спортсмену, который после него добился самых громких побед и в прошлом сезоне первым после своего учителя выиграл традиционную лахтинскую гонку.

Но одного Вячеслава Веденина мало. Позиции нашей лыжной сборной из года в год все ухудшались и ухудшались. В конце концов на чемпионате мира 1966 года в Осло и на Белой олимпиаде 1968 года в Гренобле наши лыжники-мужчины не смогли завоевать ни одной медали.

В чем же дело? Куда девалась былая удаль? Почему так быстро тают силы наших спортсменов? Почему так невелик приток в сборную команду молодежи? Над этими вопросами вот уже несколько лет ломают голову лучшие знатоки лыжного спорта — и практики и ученые,— а разгадки все нет. И вот Павел и Алевтина Колчины прошлой зимой решили искать ответ на эти вопросы в жизни, в общении с молодежью, которая с детских лет сдружилась с лыжами. Так была оставлена московская квартира; у Колчиных новый адрес: Зеленоград, корпус № 504, квартира 52. Здесь, в 15-этажном доме, поднявшемся над подмосковными деревнями, они и поселились, здесь нашли новых учеников среди молодых рабочих и колхозников.

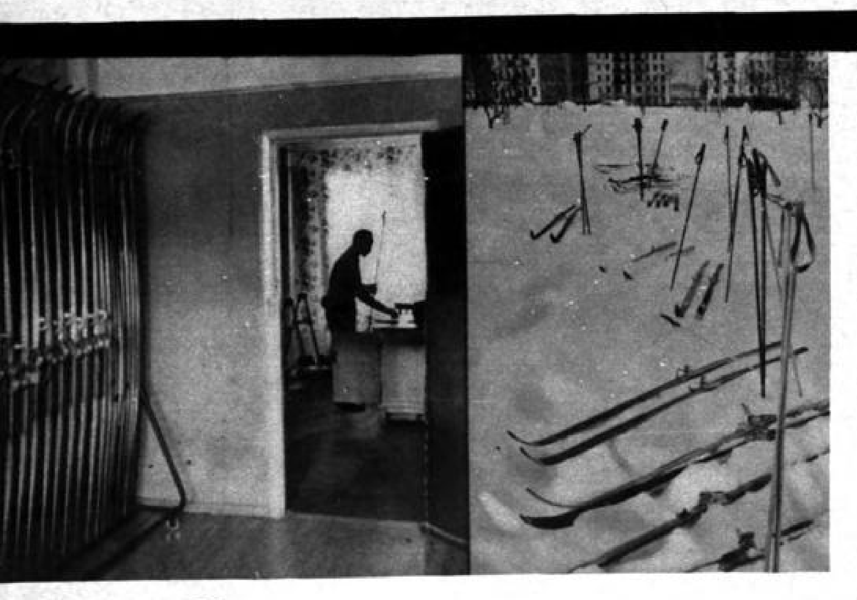
Колчины связались с городскими спортивными организациями, с тренерами и условились, что им будут передавать наиболее способных молодых гонщиков, оканчивающих юношескую спортивную школу. Московский городской совет «Динамо» снял для них в одном из служебных корпусов Зеленограда удобное помещение, в котором с помощью своих новых питомцев Колчины оборудовали лыжную мастерскую, комнату для занятий. Есть даже музей, основой которого стали лыжи Колчиных, на которых они некогда побеждали на многих крупнейших соревнованиях.

Мы застали знаменитую лыжную чету в школе спортивного мастерства, а проще говоря, в школе, носящей их имя. Павел и Алевтина помогали ученикам подготовиться к очередной тренировке. Уже в конце октября гонщики стали на лыжи. Вот когда пригодилась им летняя подготовка, долгие кроссы, бег на роликовых лыжах по шоссе. И уже к началу ноября пройдено было много десятков километров.

Когда мы вошли, заканчивалась смазка лыж, подгонка снаряжения. Но предотъездная суета, царившая здесь, объяснялась не только желанием как можно скорее приступить к тренировке. Колчины собирались на Урал, где им предстояла подготовка к чемпионату мира. Там Павла Колчина ждал его знаменитый ученик Вячеслав Веденин, да и Алевтина Колчина, которая все эти годы тренируется под руководством мужа, еще не собирается сходить с лыжни. Правда, прошлый сезон прошел для нее неудачно, но теперь она не теряет надежды доказать свое право на выступление в Высоких Татрах на чемпионате мира.

Ну, а как же зеленоградские ребята? Ведь им тоже надо готовиться к сезону! Колчины, собираясь на Урал, разработали для каждого из них план тренировок, а руководство занятиями временно передали старшему ученику Дану Фатехдинову. Все их питомцы за год уже научились самостоятельно трудиться, и Колчины уехали с легким сердцем, но, конечно, там, на Урале, они не раз вспоминали Александра Шубина, Володю Сапенского, Любу Леонову, Женю Скиляжину, Александра Юрасова, Сашу Музыкантика и других своих учеников.

Колчины еще не знают, каковы будут результаты зеленоградского эксперимента, но верят, что смогут подготовить отличных гонщиков для большой лыжни.

2

3

4

КОЛЧИ

1

На лыжне — колчинские ребята.

2

Лыжи в строю... и на снегу.

3

Гонщик — мастер на все руки.

4

Алевтину Колчину поздравляют с днем рождения.

5

Лыжная чета и их ученики.

5

НСКИЕ РЕБЯТА

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.